

История берберских корсаров

Дж. Д. Джерролд Келли
Стэнли Лейн-Пул

The Story of the Barbary Corsairs

Stanley Lane-Poole and J. D. Jerrold Kelley

The Project Gutenberg eBook of The Story of the Barbary Corsairs.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История берберских корсаров

Автор: Стэнли Лейн-Пул

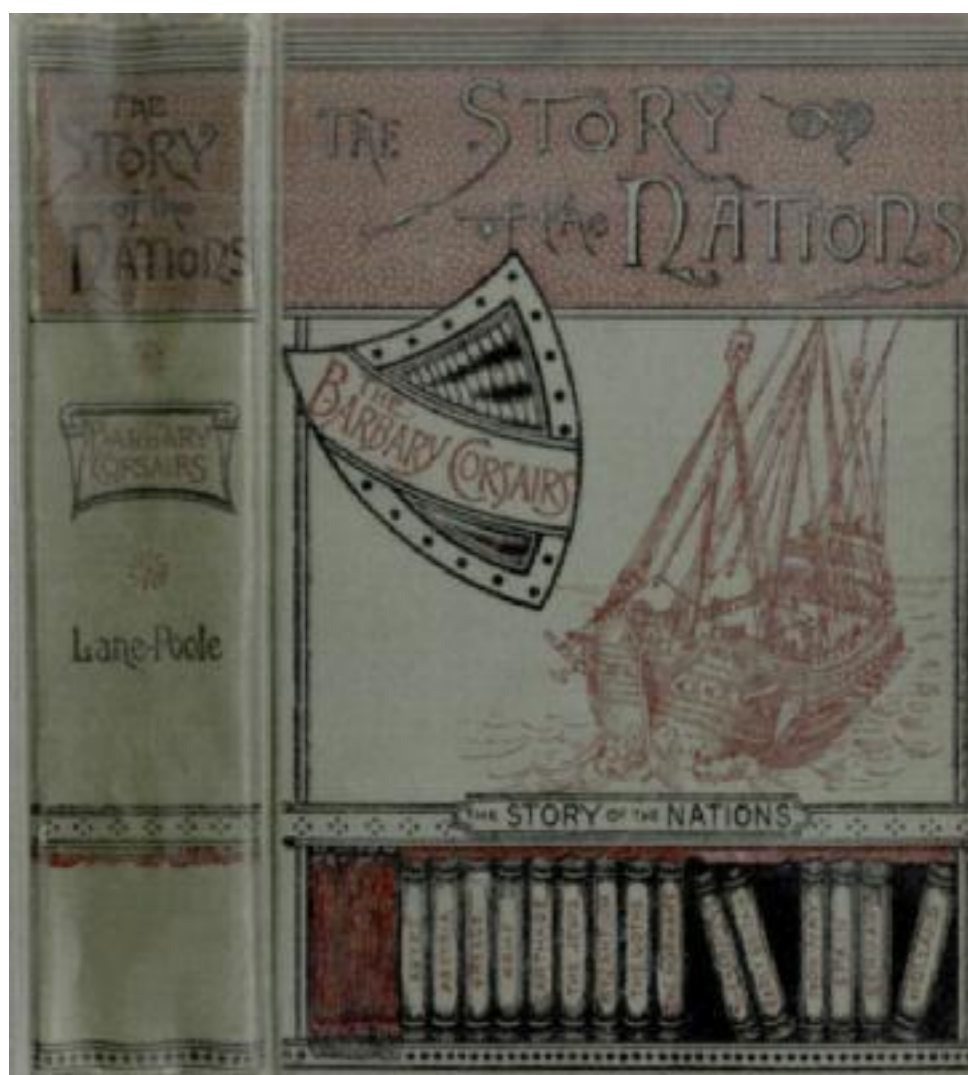
Дж. Д. Джеррольд Келли

Дата выхода: 28 июля 2007 [eBook #22169]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Джульет Сазерленд, Сэмом У. и командой Online Distributed Proofreading Team на <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE STORY OF THE BARBARY CORSAIRS ***

История народов

ИСТОРИЯ БЕРБЕРСКИХ КОРСАРОВ

СТЭНЛИ ЛЕЙН-ПУЛ.

АВТОР КНИГ "ЖИЗНЬ ЛОРДА СТРАТФОРДА ДЕ РЕДКЛИФФА", "ТУРЦИЯ", "БОЛОТА В ИСПАНИИ".

"БОЛОТА В ИСПАНИИ" И Т. Д. И Т. П.

ПРИ СОДЕЙСТВИИ ЛЕЙТЕНАНТА ДЖ. ДЖ. Д. ДЖЕРРОЛЬДА КЕЛЛИ, ВМС США

НЬЮ-ЙОРК

G. P. PUTNAM'S SONS

ЛОНДОН: Т. ФИШЕР УНВИН

1890

Авторское право

G. P. Putnam's Sons

1890

Записано в Канцелярском зале, Лондон

Т. Фишер Унвин

Издательство

G. P. Putnam's Sons

Нью-Йорк

ИСТОРИЯ НАРОДОВ

12МО, С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ. ЗА ТОМ, 1,50 ДОЛЛ.

ПРЕДЫДУЩИЕ ТОМА

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ. Профессор Джас. А. Харрисона

ИСТОРИЯ РИМА. Артур Гилман

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ. Профессор Джас. К. Хосмер

ИСТОРИЯ ХАЛДЕИ. З. А. Рагозин

ИСТОРИЯ ГЕРМАНИИ. С. Баринг-Гулд

ИСТОРИЯ НОРВЕГИИ. Профессор Х. Х. Бойесен

ИСТОРИЯ ИСПАНИИ. Авторы Э. Э. и Сьюзен Хейл

ИСТОРИЯ ВЕНГРИИ. Профессор А. Вамбери

ИСТОРИЯ КАРФАГЕНА. Профессор Альфред Дж. Черч

ИСТОРИЯ САРАЦИНОВ. Артур Гилман

ИСТОРИЯ МАВРОВ В ИСПАНИИ. Стэнли Лейн-Пул

ИСТОРИЯ НОРМАННОВ. Сара О. Джуэтт

ИСТОРИЯ ПЕРСИИ. С. Г. У. Бенджамин

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА. By Geo. Rawlinson

ИСТОРИЯ ИМПЕРИИ АЛЕКСАНДРА. Профессор Дж. П. Махаффи

ИСТОРИЯ АССИРИИ. З. А. Рагозин

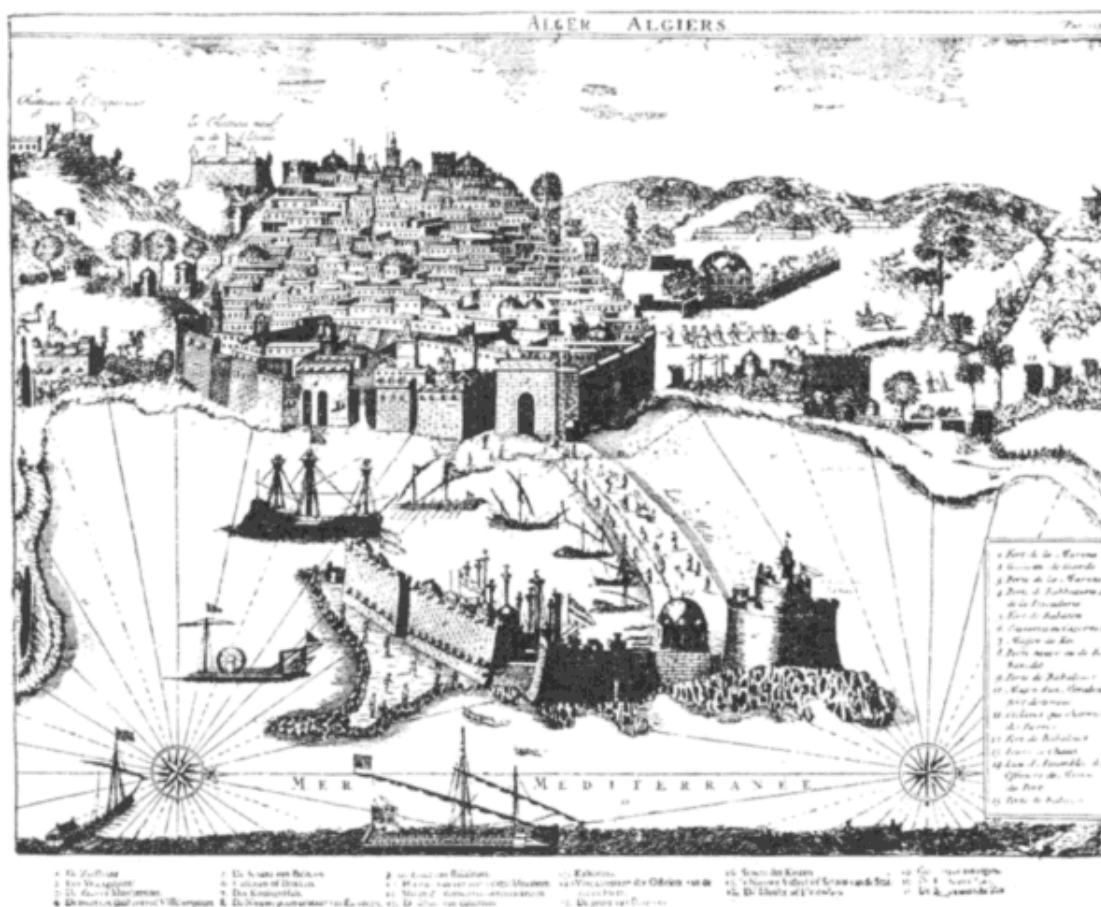
ИСТОРИЯ ИРЛАНДИИ. Честь Эмили Лоулесс

ИСТОРИЯ ГОТТОВ. Генри Брэдли

ИСТОРИЯ ИНДЕЙКИ. Стэнли Лейн-Пул
 ИСТОРИЯ МЕДИА, ВАВИЛОНА И ПЕРСИИ. З. А. Рагозин
 ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ. Гюстав Массон
 ИСТОРИЯ МЕКСИКИ. Сьюзен Хейл
 ИСТОРИЯ ГОЛЛАНДИИ. Джеймс Э. Торольд Роджерс
 ИСТОРИЯ ФИНИКИИ. Джордж Роулинсон
 ИСТОРИЯ ГОРОДОВ ХАНСА. Хелен Циммерн

Перспект серии см. в конце данного тома.

G. P. PUTNAM'S SONS, NEW YORK AND LONDON

АЛЖИР, 1700

ГОД.
 (С карты, хранящейся в Британском музее).

СОДЕРЖАНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ.

I.

PAGES

Месть мавров.

3-13

Столетия пиратства, 3-Мусульмане выходят в море, 4-Африканские флоты, 7-Последствия изгнания мавров из Испании, 8-Прелести пиратства, 9-Месть мавров, 10-Дон Педро Наварро, 12-Строительство Пеньон-де-Альгер, 13.

II.

Земля корсаров.

14-27

Барбарийский полуостров, 14-владение узкими морями, 15-барбарийские порты и гавани, 16-характер страны, 20-североафриканские династии, 21-отношения между правителями Барбарии и христианскими государствами, 22-скидки на пиратство, 24-христианские корсары, 25-рост морского разбоя, 26-приход турок, 27.

ЧАСТЬ I.

КОРСАРСКИЕ АДМИРАЛЫ.

III.

Уруй Барбаросса. 1504-1515

31-44

Лесбос, 31- Рождение Уруджа и Хейр-эд-дина Барбароссы, 31- Прибытие Уруджа в Тунис, 32- Захват папских галер, 35- Эпитет Барба-росса , 36- на галерах Рабы , 39- Джерба, 40- Неудачная осада Буджеи, 40- Дория осаждают Голетту в Тунисе, 43- Вторая атака на Буджею, 44- Урудж становится королем Джиджила, 44.

IV.

Взятие Алжира. 1516-1518

45-52

Смерть Фердинанда, 45 - Алжирцы обращаются к Уруджу с просьбой избавить их от испанцев, 46 - Его дела в Алжире, 49 - Разгром испанской армады, 50 - Победа над принцем Тинниса, 50 - Огромная власть Уруджа, 51 - Экспедиция маркиза де Комареса, 51 - Смерть Уруджа Барбароссы, 52.

V.

Хейр-эд-дин Барбаросса. 1518-1530

53-60

Отступление испанских войск, 53 - характер Хейр-эд-Дина, 53 - политика в отношении султана, 54 - назначение беглербегом Алжира, 54 - бедствие дон Уго де Монкада, 55 - Хейр-эд-Дина крейсерство и его капитаны, 56 - "Дьявол" на Майорке, 57 - поражение при Портундо, 58 - штурм Пеньон-де-Альжера, 59 - Хейр-эд-Динафлот , 59.

VI.

Османский флот. 1470-1522

61-75

Возникновение турецкого флота, 61 - соперничество Генуи и Венеции, 62 - флот Мухаммеда II, 65 - рыцари-госпитальеры, 66 - кораблей строительство в Константинополе, 66 - битва при Зонкио, 68 - падение Лепанто, 71 - упадок Венеции, 71 - осада Родоса, 73 - Хейр-эд-Дин вызван к Порте, 75.

VII.

Дория и Барбаросса. 1533

76-83

Андреа Дориа, 76 - смена сторон, 77 - два соперника, 78 - Дориа завоевание Корона, 78 - возвращение Корона, 81 - Хейр-эд-Дин отплывает в Константинополь, 82 - становится адмиралом, 83 - строит галеры, 83.

VIII.

Взятый и потерянный Тунис. 1534-1535

84-93

Хейр-эд-Дин опустошает берега Италии, 84 - Джулия Гонзага, 84 - Бени Хафс из Туниса, 85 - завоевание Туниса Хейр-эд-Дином, 86 - Карл V. отправляется в Тунис, 86 - поражение Хейр-эд-Дина, 89 - жестокость императорских войск, 90 - радость всего христианства, 91 - Хейр-эд-Дина экспедиция на Минорку, 93.

IX.

Морской бой у Превесы. 1537

94-104

Хейр-эд-Дин и Венеция, 94 - Венецианские провокации, 95 - Дориа у Паксосу, 95 - Хейр-эд-Дин опустошает Апулийское побережье, 96 - Осада Корфу турками, 96 - Покинутый, 97 - Рейд среди островов Греции, 97 - богатые призы, 97 - Хейр-эд-Дин отплывает для борьбы с Дориа, 98 - сражение у Превесы, 101 - Дориагалеасы, 102 - преследование христиан, 103 - Дориа мореходство и дерзость Хейр-эд-Дина, 104.

X.

Барбаросса во Франции. 1539-1546

105-111

Хейр-эд-Дин захватывает Кастельнуово, 105 - приглашен Франциском I в Марсель, 106 - атакует Ниццу, 109 - зимует в Тулоне, 109 - разбойничает в Драгута, 110 - возвращается в Константинополь и умирает, 111 - его гробница в Бешикташе, 111.

XI.

Карл в Алжире. 1541

112-123

Преемники Барбароссы в Алжире, 112 - Карл V. решает уничтожить пиратство, 113 - экспедиция в Алжир, 113 - штормовое плавание, 114 - христианский флот, 114 - высадка в Алжире, 117 - последствия дождей, 118 - натиск осаждающих, 118 - паника в лагере, снятая императором, 119 - шторм, 119 - Карл приказывает отступить, 120 - остатки армии отплывают, 121 - еще одна буря, 122 - полный провал экспедиции, 123.

XII.

Драгут Рейс. 1543-1560

124-140

Драгут или Торгуд Ровер, 124 - его плен, 127 - его логово в Джербе, 128 - город "Африка", 128 - ранняя осада "Африки" герцогом Бурбонским, 131 - отступление, 133 - "Африка" (Махдия) взята Драгутом, 133-Взятие Дориа и Гарсией де Толедо, 134-Бегство Драгута из Джербы, 135-Присоединение к османскому флоту, 136-Атака на Мальту, 136-Осада и завоевание Триполи, 137-Христианские флоты собираются для захвата Триполи, 138-Бедствие в Джербе, 139-140.

XIII.

Мальтийские рыцари. 1565

141-159

Деятельность мальтийских галер, 141 - укрепления Мальты, 142 - описание Мальты в 1565 году, 143 - турецкие войска, 144 - Жан де ла Валетт, 145 - прибытие Драгута, 146

- осада форта Сент-Эльмо, 147 - падение Сент-Эльмо, 149 - смерть Драгута, 149 - осада форта Сент-Майкл, 150 - десять штурмов, 155 - ложная тревога, 157 - последний штурм, 158 - прибытие армии помощи, 158 - выжившие во время осады, 159.

XIV.

Лепанто. 1571

160-
178

Результаты осады Мальты, 160 - Очиали, 161 - Турки осадили Кипр, 162 - Ревность среди христианских адмиралов, 163 - Кипр занят турками, 164 - Усилия папы Пия V, 164 - Иоанн Австрийский, 167 - Усиление христианского флота, 167 - Турецкая армада, 173 - Встреча враждебных флотов, 173 - Джованни Тактика Дориа, 175 - Усиление турецкого флота, 175 - Начало битвы, 176 - Победа, 177 - Сервантес, 177 - Последующая карьера и смерть дона Иоанна, 178.

ЧАСТЬ II.

МЕЛКИЕ ПИРАТЫ.

XV.

Генерал галеасов. XVI-XVIII вв.

181-
199

Последний из великих корсаров, 181-Очиали, 182-Паша Алжира, 185-Ренегаты, сменяемые турками, 185-Бей Туниса, 186-Черная шантаж, взимаемый с христианских держав, 186-Дей Алжира, 187 - насильственные смерти, 187 - Марокко, 188 - Сале-роверы, 188 - Дельгарно, 188 - Шевалье Актон, 191 - Мурад Рейс, 192 - Али Пичинин, 194 - разгромлен венецианцами, 194 - его рабы, 195 - его теология, 199.

XVI.

Галеи и галерные рабы. XVI век

200-
225

Корсары-ренегаты, 200 - их плавания, 201 - описание различных классов галер, 205 - Фурттенбахарассказ, 206 - оснастка и вооружение, 213 - галерные весла, 214 - рабы, 215 - боцманы, 216 - христианские галеры, 217 - корабельная компания, 218 - барбарийский галеот, 218 - постройка, 219 - сила алжирского флота, 219 - капитаны, 220 - спуск на водугалеры, 220 - гребцы и владельцы, 221 - солдаты, 221 - продовольствие, 222 - инаугурация, 222 - время плавания, скорость и маневр, 222-223 - порты-убежища, 223-4 - способ нападения, 224 - раздел добычи, 224 - возвращение в порт с призом, 225.

XVII.

Триумф паруса. XVII век

226-
234

Европейские кораблестроители в Барбарии, 226 - Галера, вытесненная галеоном или кораблем, 229 - Хищения алжирских парусников, 229 - Бой с турецким карамузелем, 231 - Набеги на Мадейру, Данию, Исландию и Ирландию, 232 - Неудачи французов, 234.

XVIII.

Выкуп пленников. XVII и XVIII века

235-
255

Рабы на берегу, 235 - Данарассказ , 236 - жестокость как исключение, 241 - государственные рабы, 242 - продажа пленных, 243 - жалостливая история четырех рыцарей Мальты, 244 - Сервантес в плену, 246 - попытки побега, 247 - Орден искупления, 251 - отец Дан и миссия Сансона ле Паж, 252 - прибытие нового паши в Алжир, 253 - бастион Франции, 254 - отец Комельн, 255.

XIX.

Унижение Европы. XVI-XVIII вв.

256-
273

Высокомерие Барбарийских государств, 256 - унижения, налагаемые на иностранных посланников, 257 - шантаж со стороны европейских держав, 259 - обращение с консулами, 260 - пиратство в открытом море, 265 - мистера пленение Спратта, 266 - выкупы английского правительства, 267 - приключения пленников, 267 - адмирал Блейк в Порто-Фарине, 269 - ложные проходы, 270 - неудача всех мер предосторожности, 271-3.

XX.

Соединенные Штаты и Триполи. 1803-5

274-
291

Пиратство на американских кораблях, 274 - Угрозы пиратов, 275 - Эскадры, посланные для отказа от дани, 276 - Коммодор Пребл, 276 - Танжиры образумились, 277 - Потеря "Филадельфии", 279 - Декатуру удаётся сжечь ее, 287 - Нападение на Триполи, 289 - договора Подписание , 290.

XXI.

Битва при Алжире. 1816

292-
300

Действия средиземноморского флота, 292-Американский договор с Алжиром, 293-Экспедиция лорда Эксмута, 293-Успех в Тунисе, 294-Принцесса Каролина, 295-Бомбардировка Алжира, 297-Договор безрезультатен, 299.

XXII.

Французы в Африке. 1830-1881

301-
310

Ссора Франции с Алжиром, 301 - Дюперреэкспедиция , 302 - сдача Алжира и отъезд последнего дея, 302 - жестокости при оккупации Алжира Францией, 303 - Абд-эль-Кадир возглавляет арабов, 305 - его победы и поражения, 306 - его покорность и изгнание, 306 - последующая политика Франции в Алжире, 307 - вторжение в Тунис, 307 - бесчестье французского правительства, 308 - царствование террора, 309.

Индекс.

311

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

	СТРАНИЦА
АЛЖИР, 1700 ГОД	<i>Фронтиспис</i>
ГАЛЕОН ПЯТНАДЦАТОГО ВЕКА	5
КАРАВЕЛЛА ПЯТНАДЦАТОГО ВЕКА	11
ПОЛУОСТРОВ БАРБАРИ	15
КАРТА БАРБАРИЙСКИХ КОРОЛЕВСТВ	17
ТУНИС В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ	33
ГАЛЕРА ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА	37
ИДЖИЛ, 1664 Г.	41
АЛЖИР В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ	47
НАБЛЮДЕНИЕ С АРБАЛЕТОМ	55
АДМИРАЛЬСКАЯ ГАЛЕРА	63

ГАЛЕРЕЯ	69
АНДРЕЙ ДОРИЯ	79
ТУНИС, 1566	87
КОМПАС ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА	99
НАБЛЮДЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ АСТРОЛЯБИИ	104
ГАЛЕРА НА ЯКОРЕ	107
ОСАДА АЛЖИРА, 1541 ГОД	115
ЗАМОК ДЖЕРБА	125
ОСАДА "АФРИКИ", 1390 ГОД	129
ГРЕЧЕСКИЙ ПОЖАР	131
СРЕДНЕВЕКОВОЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ	132
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СНАРЯДЫ	132
ЭСКИЗ ПОРТА МАЛЬТЫ В 1565 ГОДУ	152, 153
СХВАТКА МЕЖДУ ИСПАНСКИМ ГАЛЕОНОМ И ГОЛЛАНДСКИМ КОРАБЛЕМ	165
АРАБСКАЯ АСТРОЛЯБИЯ (ДВА ПОЛОЖЕНИЯ)	170, 171
ТУНИС В 1573 ГОДУ	183
САЛЕ В 1637 ГОДУ	189
БОЙ "МЭРИ РОУЗ" С АЛЖИРСКИМИ ПИРАТАМИ, 1669 ГОД	197
ГАЛЕРА, ИДУЩАЯ ПРОТИВ ВЕТРА	203
ЭТАПЫ СТРОИТЕЛЬСТВА ГАЛЕРЫ	207
ПЛАН И СЕКЦИИ ГАЛЕРЫ	209
ТРЮМ ГАЛЕРЫ	211
ГАЛЕАС СЕМНАДЦАТОГО ВЕКА	227
ЯКОРЬ	232
МУЧЕНИЯ РАБОВ	237
МУЧЕНИЯ РАБОВ	239
ОТЦЫ ИСКУПЛЕНИЯ	249
ТРИПОЛИ	281

(*)_(*) Эти иллюстрации в основном воспроизведены из "Сферы двух миров", составленной на французском языке Даринелем пастером Амадисом, Анверс, 1555 г.; "Морской архитектуры" Фурттенбаха, 1629 г.; "Гистории варварства" Дана, 1637 г.; "Африки" Огилби, 1670 г.; "Дней морской жизни" адм. Юрьена де ла Гравьера "Derniers Jours de la Marine à Rames"; и карты [63842. (3.)-S. 9. 9. (39).-S. 10. 2.-64162. (2.)-64043. (1.)] в Британском музее.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ, К КОТОРЫМ ОБРАЩАЛИСЬ.

Батута, Ибн-: *Путешествия*. Ed. Defrémery. 4 vols. Paris. 1874-9.

Брейтвейт, Дж.: *История революций в Марокканской империи после смерти покойного императора Мулей Измаила*. 1729.

Brantôme, P. de Bourdeille, Seign. De.: *Hommes illustres, Œuvres*. Vols. 1 and 2. Paris. 1822.

Broadley, A. M.: *Tunis, Past and Present*. 2 тома. 1882.

Селезия, Э.: *Заговор Фиески*. Э. Т. 1866.

Сервантес: *Дон Кихот*. Trans. H. E. Watts. 5 vols. 1888-9.

Chenier, L. S.: *Present State of the Empire of Morocco*. E. T. 1788. *Жестокости алжирских пиратов*. 1816.

Dan, Père F.: *Histoire de Barbarie et de ses Corsaires*. 2-е изд. Paris. 1649.

Eurīsi, El-: *Description de l'Afrique et de l'Espagne*. Ed. Дози и де Гойе. Leyden. 1866.

Фруассар, Ж.: *Хроники*. Trans. T. Johnes. 2 vols. 1844.

Furttenbach, J.: *Architectura Navalis: das ist, Von dem Schiff-Gebaw, auf dem Meer und Seekusten zu Gebrauchen*. Ulm. 1629.

Гравьер, адм. Жюрьен де ла: *Les Derniers Jours de la Marine à Rames*. Paris. 1885.

" : *Doria et Barberousse*. 1886.

" : *Les Corsaires Barbaresques*. 1887.

" : *Les Chevaliers de Malte*. 2 vols. 1887.

" : *La Guerre de Chypre*. 2 vols. 1888.

Grammont, H.: *Histoire d'Alger*. 1887.

Haedo, Diego de: *Topographia e Historia General de Argel*. Вальядолид. 1612.

Хаджи Халифа: *История морских войн турок*.

Hammer, J. von: *Geschichte des Osmanischen Reiches*. 2nd ed. 4 vols. Pesth. 1834-6.

Journal Asiatique: Сер. II., iv., xii.; III., xi., xii., xiii.; IV., iii., v., vii., x., xviii.; V., ii., v., vi., xii., xiii.; VI., xviii.; VII., vii.

Marmol, Luys del Caravajal: *Descripcion de Africa*. Granada. 1573.

Мас-Латри, граф де: *Relations et commerce de l'Afrique Septentrionale (ou Magreb) avec les nations chrétiennes au moyen âge*. Paris. 1886.

Морган, Дж.: *Полная история Алжира*. 1731.

Плейфейр, сэр Р. Л.: *Бич христианства*. 1884.

Reclus, Elisée: *Nouvelle Géographie Universelle*. XI. Париж.

Registre des Prises. Алжир. 1872.

Руссо, барон А.: *Annales Tunisiennes*. Алжир. 1864.

" : *История завоевания Туниса османами*. 1883.

Шоу, Т.: *Путешествия по Барбарии и Леванту*. 3rd ed. Edinb. 1808.

Виндус, Дж.: *Путешествие в Мекинес*. 1725.

ВВЕДЕНИЕ.

БЕРБЕРСКИЕ КОРСАРЫ.

I.

МЕСТЬ МАВРОВ.

Более трех столетий торговые народы Европы не могли продолжать свою торговлю или были вынуждены отказываться от своих завоеваний по приказу пиратов. Со времен, когда Барбаросса бросил вызов всей мощи императора Карла V, и до начала нынешнего века, когда призы брались алжирскими скитальцами под прицелом, так сказать, всех флотов Европы, корсары были хозяевами узких морей и диктовали свои условия всем желающим. Ничто, кроме создания крупных постоянных флотов в современную эпоху, не смогло бы их покалечить; ничто, кроме завоевания слишком удобных берегов, не смогло бы их основательно подавить. В течение этих трех столетий они шантажировали всех, кто имел хоть какой-то торговый интерес в Средиземноморье. Венецианцы, генуэзцы, пизанцы в прежние времена; английское, французское, голландское, датское, шведское и американское правительства в наше время покупали безопасность путем выплаты регулярной дани или периодического преподнесения дорогих подарков. Наказание за сопротивление было слишком хорошо известно, чтобы нуждаться в примерах; тысячи христианских рабов в баньо в Алжире были свидетелями последствий независимой политики. Пока народы Европы продолжали ссориться между собой, вместо того чтобы выступить против врага единым фронтом, приходилось терпеть подобные унижения; пока набеги корсаров на Испанию соответствовали политике Франции; Пока голландцы в своей ревности к другим государствам могли заявлять, что Алжир им необходим, не было никаких шансов на то, что чума утихнет; и только после окончания великих наполеоновских войн на конгрессе в Экс-ла-Шапель в 1818 году державы договорились действовать сообща и покончить с этим бичом христианства. Но и тогда мало что удалось сделать, пока Франция не совместила территориальное расширение с *ролью* цивилизующего влияния.

ГАЛЕОН ПЯТНАДЦАТОГО

ВЕКА.

(Жюрьен де ла Гравьер.)

Пираты появились в Средиземноморье задолго до того, как турки занялись торговлей; более того, с тех пор как были построены суда, их возможности для грабежа должны были быть осознаны. Экспедиция Ясона и похищение Золотого руна - один из ранних примеров, и греки во все времена отличались тем, что следовали примеру Ясона на море и на суше. Однако мусульмане долго не могли привыкнуть к опасностям морских глубин. Поначалу они очень удивлялись "тем, кто спускается в море на кораблях и ведет свои дела в больших водах", но не спешили следовать за ними. В начале завоевания Египта Халиф 'Омар написал своему генералу и спросил его, какое оно, море, на что 'Амр ответил: "Море - это огромное чудовище, на котором глупые люди катаются, как черви на бревнах", после чего, сильно огорчившись, благоразумный Халиф отдал приказ, чтобы ни один мусульманин не отправлялся в плавание по столь непокорной стихии без его разрешения. Но вскоре стало ясно, что если мусульмане хотят удержать свои позиции среди своих соседей (более того, если они хотят удержать позиции своих соседей), они должны научиться мореплаванию; и, соответственно, в первом веке Хиджры мы видим, как Халиф 'Абд-эль-Мелик приказывает своему лейтенанту в Африке использовать Тунис в качестве арсенала и верфи, и там же собрать флот. С тех пор магометанские правители Барбарийского побережья никогда не оставались без кораблей. Князья Аглаби отплыли из Туниса и захватили Сицилию, Сардинию и Корсику. Халифы Фатими вели войну с флотом Абд-эр-Рахмана, Великого Халифа Кордовы, имея по двести судов на сторону. Альмохады обладали большим и вместительным флотом, на

котором они перевозили свои армии в Испанию, а их преемники в Северной Африке, хотя и менее могущественные, обычно были в состоянии держать несколько судов как для наступательных, так и для торговых целей.

В период позднего Средневековья отношения между правителями Барбарийского побережья - королями Туниса, Тилимсана, Феса и т. д. - и торговыми государствами христианства были дружественными и справедливыми. Договоры показывают, что обе стороны были согласны осуждать и (насколько это было возможно) подавлять пиратство и поощрять взаимную торговлю. Только в начале шестнадцатого века эти мирные условия изменились, и произошло это следующим образом.

Когда объединенная мудрость Фердинанда и Изабеллы приняла решение об изгнании испанских мавров, они забыли о риске мести изгнанников.^[1] Не успела Гранада пасть, как тысячи отчаянных мавров покинули землю, которая семьсот лет была их домом, и, не желая жить под испанским игом, переправились через пролив в Африку, где обосновались в различных опорных пунктах, таких как Шершель, Оран и, в частности, Алжир, о котором до тех пор почти ничего не было слышно. Не успели изгнанные мавры обосноваться на новом месте, как они сделали то, что сделал бы любой на их месте: они перенесли войну в страну своих угнетателей. Встретиться с испанцами в открытом поле было невозможно при их уменьшившейся численности, но на море их флотилия и знание берегов давали им возможность расправы, которой они так жаждали.

Наука, традиции и наблюдения говорят нам о том, что первобытный человек имел определенное сходство с хищным зверем. Благодаря превосходящей силе или изобретательности он убивал или ловил средства к существованию. Цивилизованный человек оставляет самые грубые формы убийства профессионалам, а если и убивает, то возводит свое занятие в ранг спорта, добавляя к нему элемент мастерства и азарта, связанного с неопределенностью и личным риском. Но цивилизованный человек все еще слишком склонен охотиться на своих собратьев, хотя и не в такой жестокой манере, как его предки. Он охотится на низкий интеллект, на слабость характера, на жадность и азартный инстинкт человечества. В самых крупных масштабах его называют финансистом, в самых скромных - карманником. Этот хищнический дух одновременно настолько древний и настолько всеобщий, что читатель, который, конечно, совершенно не подвержен таким предосудительным наклонностям, должен, тем не менее, приложить усилия, чтобы понять прелести грабежа, рассматриваемого как изящное искусство. Найдутся циники, которые скажут нам, что единственная причина, по которой мы не все воры, заключается в том, что у нас недостаточно мужества; и, конечно, должно быть какое-то очарование, помимо природной испорченности или первородного греха, чтобы заставить человека предпочесть подвергнуться бесчисленным рискам в незаконной погоне, чем честно отработать день. И в этом предложении мы находим ответ: Именно риск, неопределенность, опасность, ощущение превосходства мастерства и изобретательности привлекают дух авантюризма, страсть к спорту, которая заложена в подавляющем большинстве человечества.

Все это и многое другое привлекало наших мавританских разбойников. Храбрые и смелые люди, они и раньше не раз проявляли себя в стычках с испанцами, в своих диких морских походах и нападениях на христианские берега, возможно, в Сардинии или Провансе; Но теперь их преследовала цель, превосходящая все предыдущие, - праведная месть тем, кто изгнал их из дома и родины и бросил на произвол судьбы, чтобы они нашли себе новое пристанище в мире - Священная война против убийц их родных и близких и хулителей их священной веры. Какая радость может быть более яростной и ликующей, чем спустить легкую бригантину на берег Алжира и отправить ее в плавание по испанским водам? На

маленьком суденышке поместится всего десять весел, каждое из которых будет тянуть человек, умеющий не только грести, но и сражаться, - как и должно быть, ведь на борту "*фиркаты*" нет места простым сухопутным людям. Но если ветер будет попутным, грести придется недолго: большой латинский парус на одной мачте пронесется по узким водам между африканским побережьем и Балеарскими островами, где удобно следить за испанскими галеонами или, возможно, итальянской полаккой. Зачерпнув немного воды, небольшая эскадра бригантин может быть отброшена почти в любую бухту или спрятана за скалой, пока враг не появится в поле зрения. Затем вынимали весла, быстро гребли в течение нескольких минут, и вот они уже рядом с ничем не подозревающей добычей и дают первый залп. Затем драка на борту, рукопашная, последнее отчаянное сопротивление на полуюте, под капитанским балдахином, и приз взят, пленные выглажены, команда присяжных отправлена на борт, и все с триумфом возвращаются в Алжир, где их встречают овациями.

А может, это будет спуск к берегам их любимой Андалусии. Тогда маленькие кораблики забиваются в расщелины между скалами или даже зарываются в песок, а пираты уходят вглубь страны, в одну из деревень, которые они так хорошо знают и потерю которых никогда не перестанут оплакивать. В Испании у них еще много друзей, готовых помочь против угнетателя и спрятать их, когда они будут застигнуты врасплох. Спящих испанцев будят, а затем мрачно заставляют замолчать остриями мечей; их жен и дочерей уносят на плечах захватчиков; все ценное очищается, и вскоре вездеходы весело плывут по дорогам Алжира, нагруженные добычей и пленниками, а часто и гонимыми остатками своей расы, которые с благодарностью присоединяются к своим сородичам в новой стране. Такая месть испанцам придавала жизни настоящую изюминку.

КАРАВЕЛЛА ПЯТНАДЦАТОГО ВЕКА.

(Жюрьен де ла Гравьер.)

При всем их мастерстве и скорости, знании берегов и помощи соотечественников на берегу все равно оставался риск захвата. Иногда их бригантины "ловили татарина", когда ожидали легкой жертвы, и тогда мавры оказывались в проигрыше, им приходилось украшать триумф своих похитителей и годами, а может быть, и вечно, сидеть на берегу венецианской или генуэзской галеры, закованными в цепи, тянуть весло неверного даже в погоне за истинно верующими и пресыщенно разглядывать бородавки, которые плеть не давала прорваться на голую спину идущего впереди человека. Но риск добавлял изюминку в жизнь корсара, и пленник часто мог надеяться на захват, а иногда и на выкуп со стороны друзей. Карьера пирата, при всей ее рискованности, была благополучной. Авантюристы богатели, их опорные пункты на барбарийском побережье становились многолюдными и хорошо гарнизонованными, и к тому времени, когда испанцы начали осознавать, насколько опасно оставлять в покое таких беспокойных соседей, зло уже было излечено. Двадцать лет изгнанные мавры пользовались неприкосновенностью, а большие испанские галеры упорно держались в порту, презирая столь мелкого противника. Наконец кардинал Ксименес отправил дона Педро Наварро, чтобы привлечь пиратов к ответственности. Ему не составило труда овладеть Ораном и Буджейей, а Алжир был так слабо укреплен, что он выдвинул свои условия. Он заставил алжирцев поклясться отказаться от пиратства и, чтобы убедиться, что они сдержат свое слово, построил и гарнизонировал сильный форт, "Пеньон де Алжер",^[2], чтобы остановить их лодки от вылазок. Но у мавров был еще не один сильный пост на скалистых мысах Барбары, и, вкусив прелести преследования испанцев, они вряд ли

перестроятся, тем более что выбор стоял между пиратством и голодной смертью. Копать они не хотели и предпочитали просить силой, как "джентльмены с дороги". Так они тянули время, пока Фердинанд Католик не скончался на своем счету, а затем, наперекор Пеньону и не обращая внимания на все муки и наказания испанского возмездия, они бросили свою верность и стали искать союзников.

Помощь была не за горами, хотя в данном случае она означала господство. День мавританских пиратов закончился; отныне они могли с триумфом нападать на испанские и венецианские корабли, но делали это под командованием союзников, которых они призывали, под руководством турецких корсаров. Мавры показали путь, и корсарам не требовалось ничего, чтобы следовать ему.

ССЫЛКИ:

[1] См. S. Lane-Poole, *The Story of the Moors in Spain*, 232-280.

[2] Алжир - по-арабски Аль-Гезаир ("Острова"), названный так по бухте; или, что более вероятно, Аль-Гезаир - это грамматическое объяснение названия Цейр или Тзир, которым алжирцы обычно называли свой город и которое, как я подозреваю, является калькой с римского города *Кесария* (Августа), занимавшего почти то же самое место. Следует отметить, что алжирцы произносят *gīm* твердо: не Al-Jezaïr. Европейцы произносили это название по-разному: Arger, Argel, Argeir, Algel и т. д., вплоть до французского Alger и нашего Algiers.

II.

СТРАНА КОРСАРОВ.

Настало время спросить, как получилось, что просторная земля оказалась свободной для корсаров, и к тому же обладала почти всеми характеристиками, которые пират мог пожелать для безопасного и успешного ведения своей торговли. Географы говорят нам, что по климату и строению остров Барбария, каковым он является с геологической точки зрения, действительно является частью Европы, по отношению к которой в истории он играл столь недружелюбную роль. Когда-то эти страны, которые мы сегодня знаем как Тунис, Алжир и Марокко, резко выступали в виде острова, северный берег которого омывало сравнительно небольшое озеро, а южный - огромный океан (см. [карту](#)). Сейчас этот океан - Сахара или Сахара, которую инженеры мечтают снова залить соленой водой и таким образом создать внутреннее африканское море. Сейчас это озеро - Средиземное море, точнее, его западный бассейн, поскольку мы знаем, что Барбарийский остров когда-то был почти полуостровом, соединенным двумя концами с Испанией и Сицилией, и что его атласские хребты образовывали связь между Сьерра-Невадой и горой Аетна. Постепенно перешеек между мысом Бона и Сицилией исчез из виду, и океан разлился между Испанией и Африкой, а

великое море на юге высохло, превратившись в огромную каменистую пустошь, которая известна как Сахра, пустыня, "участок земли, голый, как спина зверя, без деревьев и гор".

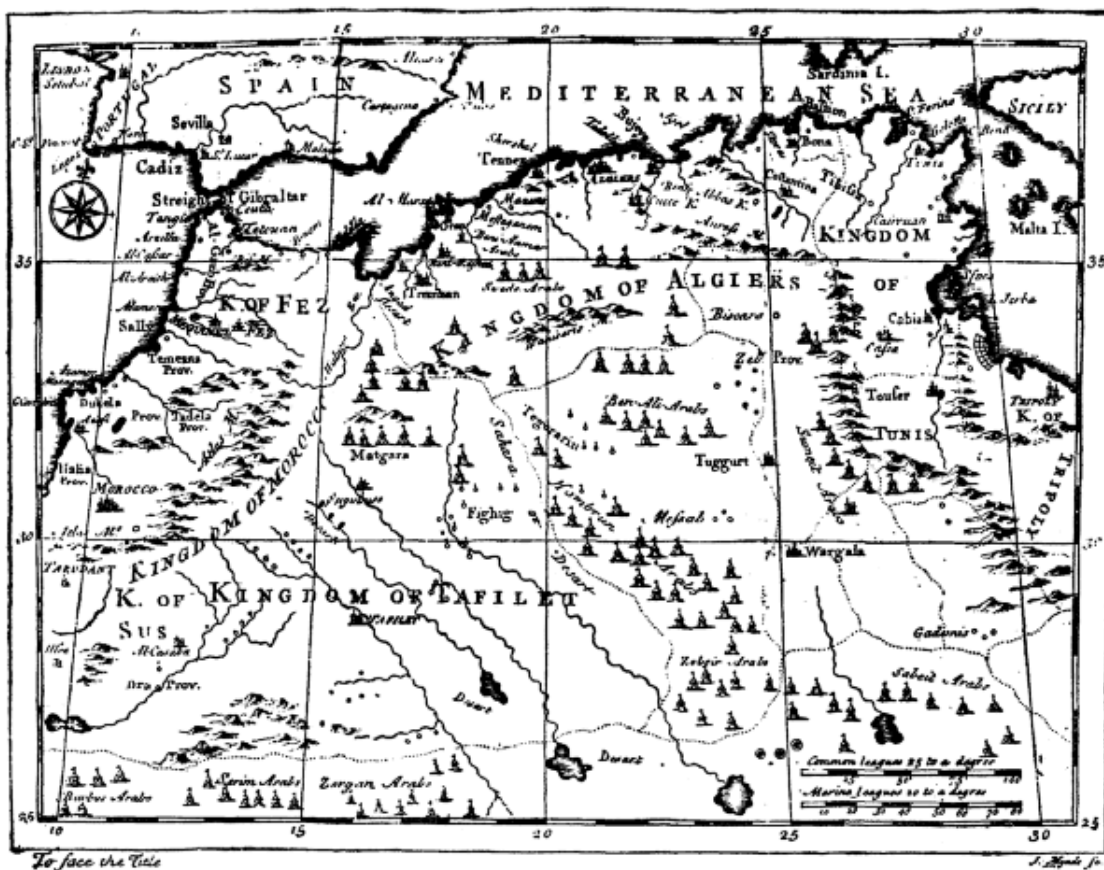
После Bourguignat-

Walker & Boutallsc.

БАРБАРИЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ.

(Elisée Reclus.)

Через один или оба этих узких пролива, Гибралтар и Мальту, должны были проходить все суда из внешнего океана, направлявшиеся в порты Франции, Италии и Леванта; следует помнить, что как раз в то время, когда корсары появились в Барбарии, богатства новообретенного западного мира начали проникать через проливы, чтобы встретиться с богатствами Востока, которые везли во Францию и Испанию, Англию и Голландию из Александрии и Смирны. Огромная часть европейской торговли должна была пересекать западный бассейн Средиземного моря, южной границей которого являлась Барбария. Любой смельчак, способный удержать Тунис в восточном углу, Алжир в центре, Сеуту или Танжер в западной точке, мог рассчитывать на многочисленные возможности остановить арга, обладающие несметными богатствами, когда они проходили мимо его логова. Казалось, ситуация специально создана для корсаров.

КАРТА

КОРОЛЕВСТВ БАРБАРИИ.

(Путешествия в Барбарю для выкупа пленников, 1736 г.).

Более того, побережье было именно тем, что нужно пирату. На карте изображен ряд естественных гаваней, часто подкреплённых лагунами, которые предоставляют все возможности для бегства разбойника от преследователей; и хотя в XVI веке здесь не было глубоких портов для судов с большой осадкой, имелись бесконечные бухты, мелководные гавани и лагуны, где могли укрыться галеры корсаров (которые никогда не заходили в воду более чем на шесть футов). За Джербой, сказочным островом Пожирателей лотосов, простиралось огромное внутреннее море, в средние века защищенное замками и служившее убежищем, за которое мореплаватели часто бывали благодарны. Торговые суда опасались заходить в опасный залив Большого Сирта с его сильными приливами и отливами, и даже военные галеры Венеции и Испании оказывались в невыгодном положении, лавируя в его коварных водоворотах против корсаров, знавших каждый дюйм побережья. Пройдя на запад, в Махдии, "Африке" летописцев, можно увидеть знаменитую средневековую крепость с остатками гавани. Далее, Тунис представляет собой самую лучшую гавань на всем Барбарийском побережье; в его Голетте (или "Горле") судно в безопасности от всех дующих ветров, а если бы был прорублен канал, соединяющий его с внутренним озером Бизерта, образовалась бы глубокая гавань, достаточно большая, чтобы вместить все суда Средиземноморья. Древние порты Карфагена и Порто-Фарина во времена корсаров обеспечивали большую защиту, чем сейчас, когда песок занес побережье; а в осенние месяцы судно нуждалось во всех возможных укрытиях, когда кипрский ветер дул у мыса Бона. Недалеко от нынешней алжирской границы находится Табарка, которую генуэзская семья Ломеллини сочла процветающим местом для своих торговых заведений. Лакалле, некогда знаменитое гнездо пиратов, в то время имел прекрасную гавань, что обнаружили марсельские купцы, наблюдавшие за коралловым промыслом из соседнего Бастион-де-Франс. В Бона, расположенном чуть дальше, есть свои дороги, а раньше здесь была

глубокая гавань. Джиджил, неприступный пост, который последовательно удерживали финикийцы, норманны, римляне, пизанцы и генуэзцы, пока Барбаросса не завладел им и не сделал его крепостью-убежищем для своих корсаров, стоит на скалистом полуострове, соединенном песчаным перешейком с материком, с портом, хорошо защищенным естественным волнорезом. Дальше были Бухейя (Буги), гавань которой хорошо защищена от самых сильных ветров; Алжир, который тогда еще не был портом, но вскоре стал им; Шершель, гавань которого следует избегать при сильном ветре с севера, но в остальном это ценный уголок для морских путешественников; Тиннис, не всегда доступный, но безопасный, когда вы находились внутри; Оран с важной гаванью Марс-эль-Кебир - "Божественным портом" римлян; а за ним - Джамия-эль-Газават, или Мечеть пиратов, показывающая, где любимый ручей служил убежищем для терпящих бедствие корсаров между скалами Братьев. Миновав Танжер и Сеуту (Септу) и повернув за проливы, можно найти различные убежища, и среди них - знаменитые порты Сале, которые, несмотря на песчаную полосу, успели отправить множество озорных судов, чтобы досаждала аргосианам по возвращении из Нового Света.

Не только порты в изобилии давали приют галерам, но и земля за ними была всем, что только можно пожелать. Реки, правда, не было, но сама краткость водораздела, исключавшая возможность больших потоков, давала преимущество, уравнивавшее ее; горы у берега поднимались так круто и высоко, что наблюдатели корсаров могли видеть суда, на которые собирались напасть, далеко в море и таким образом оповещать о призе или предупреждать о враге. Кроме того, земля производила все, что нужно для удовлетворения человеческого сердца. За горами, где жили берберы, и степями, где бродили арабские пастухи, до самого берега моря простирались плодородные долины. Джерба была идеальным садом кукурузы и фруктов, виноградников, оливок, миндаля, абрикосов и инжира; Тунис стоял посреди зеленых полей и заслужил титул "белой, ароматной, цветущей невесты Запада", хотя, по словам его жителей, второй эпитет был вызван запахом озера, в которое стекал сток города, и которому они приписывали его особую соленость.

Чего еще можно было требовать от земли, которая теперь должна была стать гнездом пиратов? И все же, как будто этого было недостаточно, добавилось еще одно достоинство. Побережье посещали ужасные штормы, которые, хотя и были предотвратимы теми, кто имел опыт и знал, куда бежать, были смертельны для неосторожных и срывали многие атаки мстящего врага.

Остается объяснить, как корсарам удалось завладеть этой удобной территорией, не лишенной ни жителей, ни оседлых правительств.

Северная Африка - единственная Африка, известная древним, - видела много правителей, которые приходили и уходили с тех пор, как арабы под предводительством Окбы впервые захватили ее равнины и долины. Династии сменяли династии; арабские правители при Халифах Дамаска и Багдада освобождали место для домов Идриса (ок. 788 г.) и Аглаба (800 г.); те, в свою очередь, уступили место халифам Фатими (909 г.); а когда эти раскольники перенесли свою резиденцию из недавно основанной столицы Махдии в окончательную метрополию Каир (968 г.), их западная империя быстро распалась на несколько княжеств Зейрисов из Туниса, Бени Хаммадов из Тилимсана и других мелких правительств. В конце XI века берберская династия Мурабитов или Альморавидов установила свою власть над большей частью Северной Африки и Испании, но в середине XII века уступила место Муваххидам или Альмохадам, чье правление простиралось от Атлантики до Туниса и продолжалось более ста лет. На руинах их огромной империи возникли три отдельные и долговечные династии: Бени Хафс в Тунисе (1228-1534), Бени Зиан в Центральном Магрибе

(1235-1400) и Бени Мерин в Марокко (1200-1550). Для полноты хронологии можно добавить, что в XVI веке их сменили корсарские паши (впоследствии дейи) Алжира, турецкие паши или беи Туниса, а также шерифы или императоры Марокко. Последние все еще продолжают править; но алжирские дейи уступили место французам, а беи Туниса находятся под французской опекой.

За исключением временных волнений, связанных со сменой династии, правление этих африканских принцев было в целом мягким и просвещенным. Они происходили, в основном, из коренного берберского населения и от природы не были склонны к нетерпимости или недобрососедству. Христиане сохраняли свои церкви, и им разрешалось беспрепятственно совершать богослужения. Мы читаем о епископе Феса еще в XIII веке, а короли Марокко и Туниса обычно находились в дружеских отношениях с Папой Римским. Христиане в значительной степени были зачислены в африканские армии и даже назначались на гражданские должности. Отношения правителей Барбарии с европейскими государствами на протяжении большей части этого периода - с XI века, когда воинственные фатимы покинули Тунис и направились на восток, в Египет, до XVI, когда воинственные турки пришли на запад, чтобы нарушить мир в Средиземноморье, - были исключительно мудрыми и государственным. Африканцы нуждались во многих отраслях европейской промышленности; Европе требовались кожи и сырье из Африки, и в результате был заключен ряд договоров, основанных на принципе взаимности. Несомненно, военно-морская неполноценность африканских государств по сравнению с торговыми республиками Средиземноморья была мощным фактором в достижении этой удовлетворительной договоренности; но мы вправе признать замечательную справедливость, умеренность и порядочность африканских принцев в урегулировании и поддержании этих договоров. Как правило, Сицилия и торговые республики были связаны с правителями Туниса, Тилимсана и Феса узами дружбы и взаимной выгоды. Пиза, Генуя, Прованс, Арагон и Венеция один за другим заключали торговые договоры с африканскими государями и время от времени продлевали их. Для некоторых из этих государств были отведены специальные помещения в Тунисе, Сеуте и других городах, и все они имели своих консулов в XIII веке, которые были защищены так, что английский агент в Алжире мог бы позавидовать семьдесят лет назад. Африканская торговля была особенно ценной для пизанцев и генуэзцев, и в портах Триполи, Туниса, Буджея, Сеуты и Сале постоянно действовала африканская компания. Генуэзцы дошли до того, что защищали Сеуту от христианских крестоносцев, так сильно торговля противостояла религии; с другой стороны, христианские жители Туниса, западной метрополии ислама, имели свое собственное место поклонения, где они могли свободно молиться без помех, вплоть до 1530 года. Такая терпимость была во многом обусловлена мягким и рассудительным правлением Бени Хафсов, чье трехвековое правление в Тунисе было неизменно полезным для их подданных и всех, кто поддерживал с ними отношения.

Не то чтобы годы проходили без войн и возмездия, не то чтобы договоры делали пиратство невозможным. В ранние и более драчливые дни сарацинского владычества конфликты были частыми. Халифы Фатимы завоевали и удерживали все крупные острова Западного Средиземноморья, Сицилию, Сардинию, Корсику и Балеарские острова. В 1002 году сарацины разграбили Пизу, а пизанцы в ответ сожгли африканский флот. Три года спустя Эль-Муджахид ("Мугет"), повелитель Майорки и завоеватель Сардинии, сжег часть Пизы; еще одно вторжение зафиксировано в 1011 году. Из своей крепости в Луни в Этрурии этот ужасный бич опустошал всю страну, пока папа не изгнал его из Италии, а пизанцы и другие изгнали его из Сардинии (1017). Мы читаем об африканских флотах, которые с враждебными намерениями крейсировали у калабрийского побережья, и о взятии пизанцами Бона, который в то время был гнездом корсаров (1034 г.). Махдия была сожжена в 1087 году, а

Сицилия завоевана норманнами примерно в то же время (1072 год). Но это было в ранние времена, и даже тогда это были исключения; в последующие века, при более оседлых правительствах, войны стали очень редкими, и преобладающей политикой стало взаимное дружелюбие.[3]

В торговых договорах африканских государств пиратство всегда было четко запрещено, однако пиратство продолжалось, причем наиболее упорно со стороны христиан. Греки, сардинцы, мальтийцы и генуэзцы были гораздо худшими членами братства разбойников, что доказывают сами договоры: рост торговли под влиянием крестовых походов соблазнял авантюристов, а отсутствие организованного государственного флота давало им иммунитет; обычно шла война между какими-либо народами, христианскими или мусульманскими, и пиратство (при тогдашнем состоянии международного права) сразу же становилось законным каперством. Наши буканьеры на испанском материке имели возможность принести те же извинения. Но важно отметить, что все это было частным пиратством: африканское и итальянское правительства однозначно отвергли эту практику и обязались казнить любого корсара из своей страны, которого они могли арестовать, и передать все его товары государству, которое он ограбил.[4] Эти первые корсары были частными вольными разбойниками, совершенно отличными от уполномоченных пиратов более позднего времени. В 1200 году, в мирное время, два пизанских судна напали на три магометанских корабля на тунисских дорогах, захватили экипажи, перебили женщин и скрылись, тщетно преследуемые тунисским флотом; но они не получили никакого одобрения от Пизы, купцы которой могли сильно пострадать, если бы тунисцы потребовали возмездия. Сицилия была полна корсаров, и тунисский король платил норманнам своеобразную дань, отчасти для того, чтобы побудить их сдерживать эти бесчинства. Арагонцы и генуэзцы охотились друг на друга и на мусульман, но их дела носили исключительно частный характер и не поддерживались государством.

Вплоть до XIV века христиане были главными пиратами Средиземноморья и торговали в основном краденными товарами и рабами. Затем рост крупных торговых флотов отбил охоту к этому занятию, и очень скоро мы стали слышать гораздо меньше о европейских разбойниках и гораздо больше о мавританских корсарах. Жители побережья у залива Габес всегда проявляли склонность к пиратству, а порт Махдия, или "Африка", теперь стал постоянным местом отдыха морских разбойников. Эль-Бекри в двенадцатом веке заметил, что из гаваней Бона отправлялись галеры в плавание за добычей (возможно, во время войны), а Ибн-Халдун в четырнадцатом описывает организованную компанию пиратов в Буджейе, которые получали хорошую прибыль от товаров и выкупа пленников. Зло росло по мере усиления турецкой власти в Леванте и получило мощный импульс после падения Константинополя; в то время как на западе постепенное изгнание мавров из Испании, последовавшее за продвижением христиан, наполнило Африку недовольными, разоренными и мстительными морисками, чьей главной страстью было свести свои старые счета с испанцами.

Против такого влияния мягкие правители Северной Африки были бессильны. Они так долго наслаждались миром и дружбой со средиземноморскими государствами, что не были в состоянии навязать порядок сильной рукой. Их армии и флоты были незначительны, а побережья длинны, чтобы их защищать, и изобиловали почти неприступными крепостями, которые они не могли позволить себе гарнизонировать. Поэтому, когда мавры хлынули из Испании, берега Африки стали для них надежным и доступным убежищем, а гостеприимный характер мусульманской религии не допускал и мысли о том, чтобы отбить беженцев. Более того, когда вооруженные галеоты из Леванта хлынули в Барбарию в надежде на богатую

прибыль, порты были открыты, а бухты предоставляли им убежище. Закрепившись, дальше все было просто.

Именно на эту землю, готовую к использованию, пришел в начале XVI века капитан Урудж Барбаросса.

ССЫЛКИ:

[3] Le Comte de Mas-Latrie, *Relations et commerce de l'Afrique Septentrionale avec les nations chrétiennes au moyen âge*, 1886.

[4] Le Comte de Mas-Latrie, *Relations et commerce de l'Afrique Septentrionale avec les nations chrétiennes au moyen âge*, pp. 175-9.

ЧАСТЬ I.

АДМИРАЛЫ-КОРСАРЫ.

III.

УРУДЖ БАРБАРОССА.

1504-1515.

Остров Лесбос подарил миру много даров - лесбийское вино и лесбийский стих, семиструнную лиру и поэмы Сапфо; но из всех его продуктов последний, несомненно, был самым сомнительным, ибо последними великими лесбийцами были братья Барбароссы.

Когда султан Мухаммед II завоевал остров в 1462 году, он оставил там некоего сипахийского солдата по имени Я'куб - так утверждают турецкие летописцы, но испанские авторы считают его коренным христианином - который стал отцом Уруджа Барбароссы и его брата Хейр-э-дина. Разные истории рассказывают об их ранней карьере и причинах, которые привели их к выходу в море; но поскольку Лесбос издавна славился своими буканьерами, как местными, так и завезенными из Каталонии и Арагона, не было ничего необычного в том, что братья выбрали профессию, которая была одинаково близка смелым сердцам и одобрена проверенными временем прецедентами.^[5] Урудж, старший, вскоре стал реисом, или капитаном, галеота, и, обнаружив, что его деятельность на Архипелаге затруднена из-за преобладания султанского флота, он решил найти более широкое и менее прерываемое поле для своих разбоев. До Леванта доходили слухи об успехах мавританских пиратов; ходили невероятные рассказы о больших арго, нагруженных сокровищами Нового Света, которые то проходили, то проплывали по узкому морю между Европой и Африкой и, казалось, приглашали к захвату; и прошло совсем немного времени (1504 год), прежде чем капитан Урудж оказался на двух галеотах у барбарийского побережья и обследовал землю в поисках хорошей гавани и безопасного убежища от преследования.

PNETENSIS PARS ET GYLETAE ARCIS MONTIUS. PRAE OMNIBUS ADIACENTIBUS, ET PORRIGIT. BREVIS ET CERTA DESCRIPTIO.

ТУНИС В

ШЕШНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

(*Sphère des deux Mondes*, 1555.)

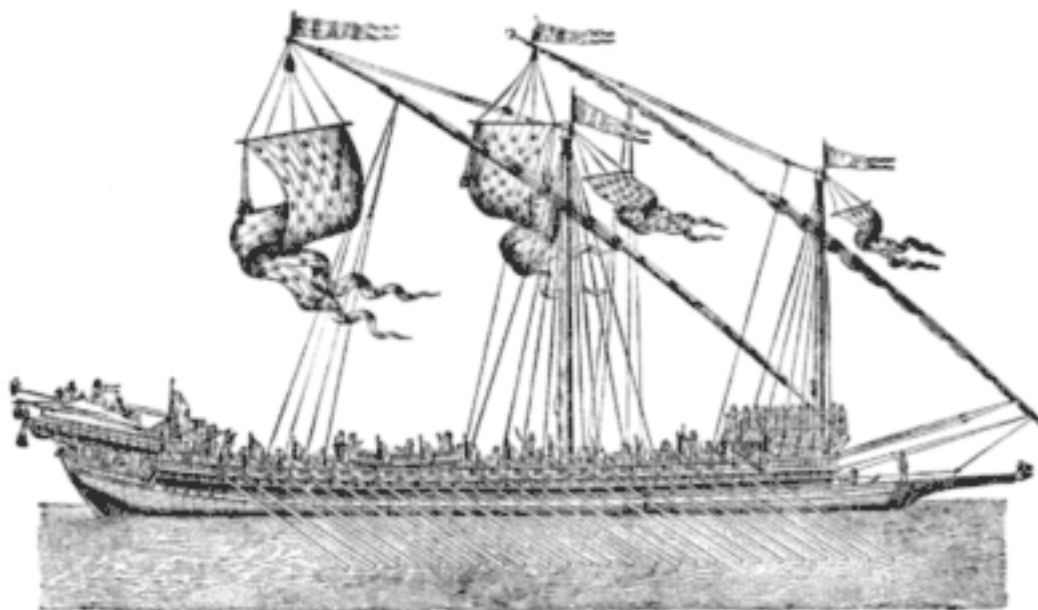
Порт Туниса предлагал все, что только мог пожелать корсар. В те времена Голетта была слабо укреплена, а главным зданием, помимо замка, была таможня, где султан из дома Хафса взимал налоги с богатств многих народов. Сам вид такого учреждения возбуждал пирата. Урудж оказал визит королю Туниса и быстро пришел к взаимопониманию с ним по вопросу о выплате гонораров за украденные товары. Порты Туниса были свободны для корсара, и король защищал его от преследования за определенную долю - пятую часть добычи. Политика просвещенных правителей Туниса, очевидно, больше не устраивала их последнего представителя.

Обеспечив себе таким образом базу для операций, Урудж не заставил своего нового союзника долго ждать доказательства своей доблести. Однажды он лежал у острова Эльба, когда в поле зрения попали две королевские галеры, принадлежавшие его святейшеству папе Юлию II, богато нагруженные товарами из Генуи и направлявшиеся в Чивита-Веккья. Они гребли легко и неторопливо, не думая о турецких корсарах, поскольку в этих водах их никогда не видели, и ни о чем крупнее мавританской бригадины, которой папские моряки были готовы дать достойный отпор. Итак, две галеры прошли на веслах около десяти лиг друг от друга, и Урудж Рейс наметил свою добычу. Для галеота с восемнадцатью вёслами не было лёгким приключением взять на abordаж королевскую галеру, возможно, вдвое больше её, и никто не мог сказать, сколько на ней вооружённых людей. Турецкий экипаж возмущался подобной безрассудностью и умолял своего капитана поискать противника своего размера, но в ответ Урудж лишь выбросил большую часть весел за борт, сделав тем самым побег невозможным. Тогда он лег и стал ждать передовую галеру. Она шла вперед, гордая, не сознавая опасности. Вдруг ее соглядатай заметил турецкие тюрбаны - странное зрелище на

итальянском побережье, - и в паническом смятении компания схватилась за оружие. Корабли были уже рядом, , и мощный залп выстрелов и болтов довершил замешательство христиан. Урудж и его люди быстро оказались на палубе, а слуги Его Святейшества вскоре были в безопасности под люками.

Никогда еще королевская галера не срывала свои цвета с простого галеота. Но дальше было еще хуже. Урудж заявил, что должен и хочет получить ее супругу. Напрасно его офицеры убеждали его в том, насколько рискованна эта затея и насколько благоразумнее было бы отделаться одним богатым призом, а не нарываться на захват из-за чрезмерной жадности. Воля корсара была железной, и его команда, раздувшись от триумфа, подхватила его дерзкий дух. Они оделись в платья христианских пленников и управляли покоренной галерой, как будто были ее собственными моряками. Супруга, совершенно не понимая, что произошло, под дождем стрел и мелкой дроби очнулась, и ее успели взять приступом, прежде чем ее люди успели опомниться.

Урудж ввел свои призы в Голетту. Такого зрелища там еще не видели. "Удивление и изумление, - пишет Хаэдо,^[6] , - которые вызвал этот благородный подвиг в Тунисе и даже во всем христианстве, не поддается выражению, как и то, насколько прославленным стало имя Уруджа Рейса с того самого момента; он считался во всем мире самым доблестным и предприимчивым полководцем. А поскольку его борода была очень рыжей, или морковной, с тех пор его стали называть Барба-росса, что в переводе с итальянского означает "Рыжая Борода".^[7]

ГАЛЕРА

ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА.

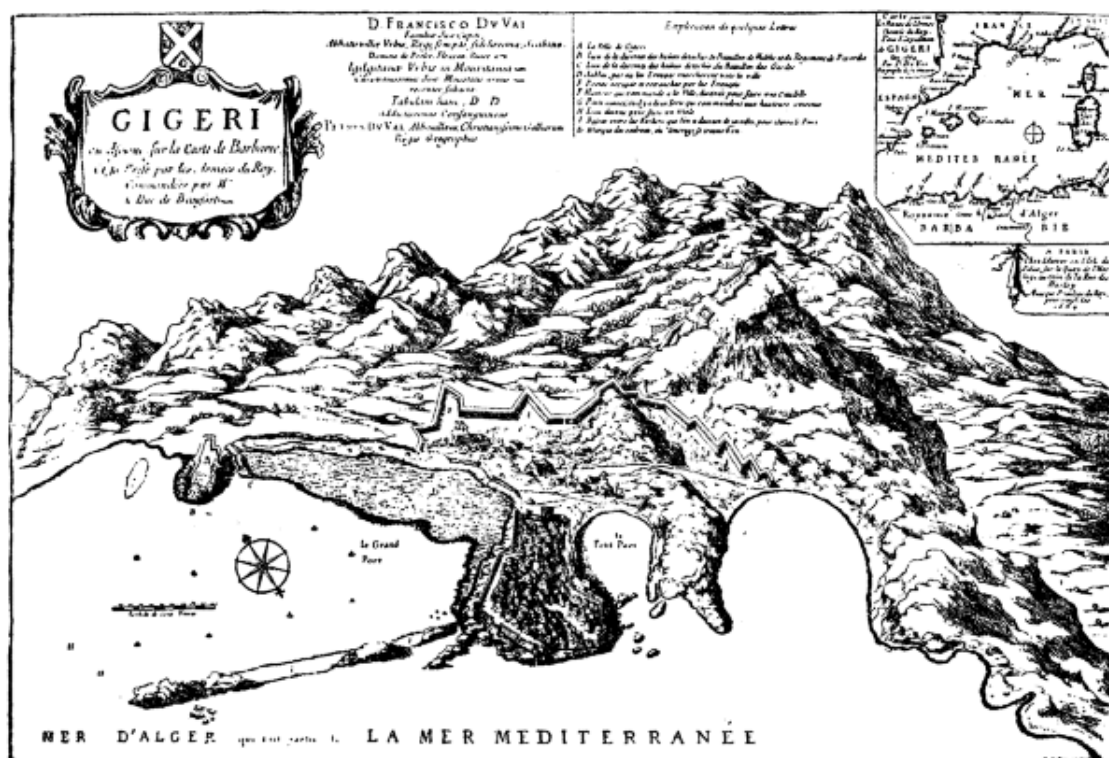
(Жюрьен де ла Гравьер.)

Захват папских галер дал Уруджу то, что он хотел - гребцов. Он оставил своих турок для боя, а христианских пленников заставил работать веслами; таков был обычай всех корсаров вплоть до нашего века, и христианские флоты точно так же приводились в движение магометанскими рабами. Такая практика, должно быть, придавала сражению странное возбуждение, ведь тогда врагами человека были его собственные домочадцы. Венецианский адмирал прекрасно знал, что две или три сотни его галерных рабов жаждут сорваться с привязи и присоединиться к врагу; у турецкого корсара тоже были свои невольные

подданные, которые при первой же возможности поднимали мятеж в пользу христианского противника. Так часто случалось, что победу обеспечивали крепкие руки закованных в цепи партизан противника, которые отдали бы полжизни, чтобы способствовать поражению. Но острая плеть боцмана, который ходил по мосту между гребцами, была настоящим и острым аргументом, перед которым мало кто мог устоять.

Урудж совершил свой первый *переворот* и не замедлил последовать за ним. В следующем году он захватил испанский корабль с пятью сотнями солдат на борту, которые были настолько больны морской болезнью или измучены откачкой воды из дырявого судна, что стали легкой добычей его галеотов. За пять лет, в течение которых он крейсировал и строил из древесины своих многочисленных призов, у него было восемь хороших судов, с двумя его братьями в помощь. Тунисский порт теперь едва ли удовлетворял его потребности, поэтому он временно обосновался на плодородном острове Джерба, и с его удобной якорной стоянки его корабли отправились обстреливать берега Италии.

Быть королем Джербы было слишком малым титулом для его амбиций. Он стремился к масштабному суверенитету, а корсар, каким он был по натуре, желал устоявшейся власти почти так же сильно, как и жаждал приключений. В 1512 году появилась возможность, которую он искал. За три года до этого магометанский король Бухейи был изгнан испанцами из своего города, и изгнанный правитель обратился к корсару с просьбой прийти и восстановить его, подкрепив прошение обещаниями свободно пользоваться портом Бухейи, откуда можно было легко получить командование над испанским морем. Урудж обрадовался такой перспективе, а поскольку у него теперь было двенадцать галеонов с пушками и тысяча турецких воинов, не говоря уже о ренегатах и маврах, он чувствовал себя достаточно сильным для этой попытки. Слава о его подвигах распространилась далеко и широко, и во всех частях Леванта не было недостатка в сторонниках, когда становилось известно, что Урудж Рейс вступил на тропу войны. Его необычайная энергия и стремительность вызывали соответствующее рвение у его людей, и, как и другие лихие полководцы, он был очень популярен.

ИГИЛ, 1664

ГОД.

(По карте из Британского музея.)

Хорошо обеспеченный и снабженный осадной техникой, насколько позволяло время, он высадился в Буджее в августе 1512 года и обнаружил, что свергнутый король ожидает его во главе трех тысяч горных берберов. Испанский гарнизон был собран в сильном бастионе, который граф дон Педро Наварро укрепил при взятии города, и в течение восьми дней крепость выдерживала таранный удар корсарских орудий. Как раз в тот момент, когда пролом начал открываться, Уруй был выведен из строя: выстрел оторвал ему левую руку выше локтя. В отсутствие героического примера своего лидера турки не чувствовали уверенности в своем превосходстве над испанской сталью; они предпочли отнести своего раненого капитана к хирургам в Тунис. На данный момент Буджея спасся, но корсары получили небольшое утешение, захватив богатый генуэзский галеот, который они встретили на пути в Табарку, на пристань Ломеллини. С этой добычей Урудж вернулся, чтобы оправиться от раны, а его брат Хейр-эд-дин стал охранять замок Голетта и начал переправлять галеоты и призы через канал в Тунисское озеро, где они были бы в безопасности от преследования.

Однако он опоздал. Генуэзский сенат был крайне возмущен потерей галеота, и Андреа Дориа, который вскоре стал величайший христианский адмирал своего времени, был отправлен с двенадцатью галерами, чтобы потребовать возмещения ущерба. Он высадился перед Голеттой и погнал Хейр-эд-Дина в Тунис. Крепость была разграблена, а половина кораблей Барбароссы с триумфом доставлена в Геную. Так закончилась первая встреча Дориа и Хейр-эд-Дина: следующая была менее счастливой для благородных генуэзцев.

Хейр-эд-дин, хорошо зная вспыльчивый нрав своего брата, не решился встретиться с ним после такого унижения, а оставил его бессильно тлеть в своей больничной палате, а сам уехал в Джербу, где денно и ночью трудился над кораблестроением. Урудж присоединился к нему следующей весной - король Туниса, вероятно, уже был сыт им по горло, - и вскоре у них появились средства, чтобы смыть свой позор. Поначалу попытка была неудачной; второй

штурм зловещих крепостей Буджейи (1514 г.) был уже на грани успеха, когда из Испании прибыло подкрепление. Берберские союзники проявили больше интереса к сбору урожая после дождя, чем к форсированию бастиона; и Барбаросса, вынужденный снять осаду, в бешеной ярости, рвя свою рыжую бороду, как безумец, поджег свои корабли, чтобы они не попали в руки испанцев.

Теперь он не хотел показываться ни в Тунисе, ни в Джербе. Какое-то новое место должно было приютить его после этого нового поражения. По пути в Буджею и обратно он заметил место, как раз подходящее для этой цели: легко обороняемое, расположенное на недоступных скалах, но с хорошей гаванью, где можно было бы восстановить потери последних лет. Это был Джиджил, расположенный в шестидесяти милях к востоку от Буджея; его крепкие жители не подчинялись ни одному султану, но с гордостью принимали такого прославленного, хотя теперь и столь неудачливого воина, как Барбаросса. Так в Джиджиле поселился Урудж и укреплял добрую волю народа трофеями кукурузы и товарами со своих крейсеров, пока эти "неукротимые африканские горцы", никогда не имевшие начальника, не избрали его своим королем.

ССЫЛКИ:

[5] Различия между турецким авторитетом Хаджи Халифой, который писал в середине XVII века и использовал "Мемуары", частично вдохновленные самим Хейр-эд-дином, и двумя испанскими хронистами, Хаэдо и Мармолем, в их рассказах о ранних подвигах и переживаниях Барбароссы и его братьев, непримиримы в деталях, хотя общая цель схожа. Фон Хаммер, естественно, следует за Хаджи Халифой, и современные авторы, такие как адмирал Жюрьен де ла Гравьер, придерживаются того же курса. Для периода его жизни, когда Хейр-эд-дин находился в Константинополе, турецкому писателю можно с полным основанием отдать предпочтение; но по всем вопросам, касающимся Барбарийского побережья, аббат Диего де Хаэдо, который прожил много лет в Алжире в XVI веке, был лично знаком со многими слугами и последователями Хейр-эд-дина (умершего в 1546 году) и опубликовал свою *"Topographia e historia de Argel"* в 1612 году, несомненно, является наиболее информированным и заслуживающим доверия авторитетом.

[6] Цитируется Морганом, *Hist. of Algiers*, 225.

[7] Возможно, что Барба-росса - это европейское искажение имени Баба Урудж, "Отец Урудж", как называли его люди. В любом случае Урудж - настоящий Барбаросса, хотя современные авторы обычно называют этим именем его младшего брата Хейр-эд-дина, которого называли Барбароссой только из-за его родства с оригиналом.

IV.

ВЗЯТИЕ АЛЖИРА.

1516-1518.

Новый султан Джиджила был призван к гораздо более серьезному делу, чем выступление своих горцев против соседнего племени - хотя надо признать, что он всегда был в своей стихии, когда требовались кулачные бои. Призыв пришел из Алжира. Тамошние мавры семь лет терпели эмбарго испанцев; они видели, как на глазах гниют их *фрегаты*, и не решались их починить; они видели, как мимо проплывает множество богатых призов, и ни разу не рискнули выйти на милю в море, чтобы осмотреть их: ведь в Пеньоне, который командовал бухтой, были зоркие глаза и меткие выстрелы, а король Фердинанд Католик твердой рукой контролировал дань, которую его изгнанные подданные должны были платить ему за снисходительность, с которой он их разорил. Их занятие исчезло; они годами не вытаскивали на берег ни одного приза; они должны были восстать или умереть с голоду. В этот момент Фердинанд как раз умер (1516 год), и алжирские мавры воспользовались своим шансом. Они прекратили выплату дани и призвали на помощь Салима, соседнего арабского шейха, чьи сородичи обеспечили безопасность города со стороны суши. "Но что им делать с двумя сотнями назойливых испанцев в форте, которые беспрестанно обстреливают город из своих пушек, а в домах слишком жарко, чтобы вместить их, особенно когда они голодны? Арабская кавалерия с ее прекрасными ливийскими кобылами и лошадьми, богатыми плащами, прочными мишенями, закаленными саблями и длинными гибкими копьями мало что могла бы противопоставить испанским залпам. И кто же мог исправить эту обиду, как не непобедимый Барбаросса, который владел морским флотом и не нуждался в артиллерии? Не он ли дважды восстанавливал несчастного короля Буджея и лишился конечности на его службе?

"Принц Салим без малейших раздумий отправил в Джиджил торжественное посольство, умоляя Барбароссу, которому он и его люди полностью доверяли, поспешить к ним на помощь. Ни одно послание не могло быть более желанным для честолюбивого Барбароссы, чем это. Его новоприобретенное королевство приносило ему лишь очень скудные доходы, и он не был абсолютен. Он потерпел жалкое поражение в Буджее, но надеялся на больший успех в Алжире, который, к тому же, является местом гораздо более значимым и более удобным для его целей, которые, как уже было сказано, заключались в создании собственной великой монархии в Барбарии."^[8]

АЛЖИР В

ШЕСТИНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

(*Sphère des deux Mondes*, 1555.)

С шестью тысячами человек и шестнадцатью галеотами Урудж отправился по морю и суше на спасение Алжира. Сначала он захватил Шершель, сильную позицию пятнадцати лигах к западу от Алжира, которая была занята маврами из Гранады, а теперь находилась под командованием смелого турецкого корсара Кара Хасана, который, следуя успеху своего старого товарища у жителей Джиджила, убедил шершельцев принять его в качестве своего вождя. Урудж не любил двух королей Брентфорда и из дружеской предосторожности снял голову с Черного Хасана, прежде чем подвергать себя опасности нового поединка с испанцами.

Вскоре он был в Алжире, где его и всех его людей, как турок, так и джиджилов, гостеприимно разместили шейх Салим и жители города. Там, на расстоянии арбалетного выстрела, стояла крепость, которую он пришел разрушить, и он отправил туда послание, предлагая гарнизону безопасный путь, если они сдадутся. Испанский капитан ответил, что "ни угрозы, ни уговоры ничего не дают с людьми его почек", и велел ему помнить Буджея. После этого Урудж, скорее в угоду своим недоверчивым хозяевам, чем рассчитывая на успех, в течение двадцати дней избивал Пеньон своими легкими полевыми орудиями, так и не пробив в обороне ни одной серьезной бреши.

Тем временем арабы и мавры, призвавшие его на помощь, осознали свою ошибку. Вместо того чтобы избавиться от своего старого врага испанца, они привезли второго, хуже первого, и Урудж вскоре показал им, кто здесь хозяин. Он и его турки обращались с древними мавританскими семьями, которые приветствовали их в своих воротах, с наглостью, которую трудно было перенести потомкам Абенсеррагов и других знатных домов Гранады. Салим, арабский шейх, первым ощутил на себе власть деспота: он был убит в своей бане - так

утверждал сам корсар. В тревоге алжирцы тайно объединились с солдатами Пеньона, планировалось всеобщее восстание, но однажды на пятничной молитве Барбаросса дал понять собравшимся, что их замыслы не остались незамеченными. Закрыв ворота, турки связали своих гостей, сняв с их голов тюрбаны, а немедленное обезглавливание зачинщиков у дверей мечети подавило дух восстания. Великая армада, посланная кардиналом Ксименесом под командованием дона Диего де Вера, также не увенчалась большим успехом, чем алжирское восстание. Семь тысяч испанцев были полностью разбиты турками и арабами, а в довершение бедствий христиан сильная буря выгнала их корабли на берег, так что эта могучая экспедиция была практически уничтожена.

Авантюрист, который с пестрым отрядом необученных бандитов и кочевников смог свергнуть испанскую армию, - явление, на которое христианские государства теперь стали смотреть с большой тревогой. Из обладателя пары сильных мест на побережье он превратился в султана Средней Барбары (*Магриб эль-Аусам*). Когда принц Тинниса поднял против него всю страну и мощное войско обрушилось на Алжир, Урудж выступил в поход с тысячей турок и пятью сотнями мавров, не имея среди них ни одной пушки, поразил врага в бедро и ляжку и преследовал его до самого города. Князь Тиннис ушел в горы, и вместо него воцарился Урудж Барбаросса (1517). Затем Тилимсан перешел в его владения, и, за исключением того, что испанцы удерживали Оран и две или три крепости, такие как Пеньон-де-Альгер и Бухейя, его владения совпадали с современным Алжиром и шли вместе с королевствами Тунис и Фес. Он мог заключать союзы с Фесом и Марокко. Кроме того, его галеоты пунктуально отвечали на зов дона Диего де Вера, и многие ожидающие купцы в Генуе, Неаполе или Венеции тщетно напрягали глаза в поисках аргоси, которая, благодаря бдительности корсара, больше никогда гордо не заходила в гавань.

Когда все это дошло до слуха нового короля Испании, впоследствии императора Карла V, он внял мольбам маркиза де Комареса, губернатора Орана, и отправил десять тысяч ветеранов, чтобы раз и навсегда покончить с корсарами. Урудж Барбаросса находился тогда в Тилимсане всего с 1500 человек, и когда вражеские войска приблизились, он ночью бросился в Алжир, прихватив с собой турок и сокровища. Весть об этом вскоре дошла до вражеских разведчиков, и маркиз пустился в погоню. На пути беглецов лежала река с крутыми берегами: если бы они смогли пройти ее, то шансы были бы в их пользу. Урудж разбросал за спиной драгоценности и золото, тщетно надеясь задержать жадных испанцев, но Комарес все растоптал и подошел к турецким тылам, когда через реку переправилась лишь половина их сил. Их предводитель был уже в безопасности на другом берегу, но крики его арьергарда заставили его вернуться. Корсар был не из тех, кто бросает своих последователей, и, не раздумывая ни секунды, он переправился через роковой поток и бросился в бой. Ни один турок или мавр не ушел с этого кровавого поля. Столкнувшись лицом к лицу, они сражались до потери сознания, и среди них постоянно виднелась энергичная фигура Барбароссы, который до последнего лежал, опираясь на одну руку, как лев.

"Уруй Барбаросса, по свидетельству тех, кто его помнит, был в возрасте около сорока четырех лет, когда он умер. Он был не очень высокого роста, но чрезвычайно крепкого телосложения. Его волосы и борода были совершенно рыжими, глаза - быстрыми, блестящими и живыми, нос - аквилинским или римским, а цвет лица - между смуглым и светлым. Он был человеком чрезмерно смелым, решительным, дерзким, великодушным, предприимчивым, щедрым и ни в коем случае не кровожадным, разве что в пылу сражения, и не жестоким, но когда ему не повиновались. Он был очень любим, страшен и уважаем своими солдатами и домочадцами, а когда умер, все они в целом горько сожалели и

оплакивали его. Он не оставил ни сына, ни дочери. Он прожил в Барбарии четырнадцать лет, в течение которых вред, причиненный им христианам, не поддается описанию".[9]

ССЫЛКИ:

[8] Morgan, *Hist. of Algiers*, 233. (1731.)

[9] Morgan, 257.

V.

ХЕЙР-ЭД-ДИН БАРБАРОССА.

1518-1530.

Урудж Барбаросса, галантный, импульсивный, безрассудный, любвеобильный солдат удачи, был мертв, и казалось, что вся мощь, которую он создал своей неукротимой энергией, неизбежно должна исчезнуть вместе с ее основателем. Маркиз де Комарес и испанская армия держали в своих руках судьбу Алжира; один уверенный марш, и корсары, несомненно, будут вытеснены из Африки. Но по невероятному безрассудству, которое могло бы показаться невероятным, если бы не повторялось неоднократно, войска были отправлены обратно в Испанию, маркиз вернулся на свой пост в Ороне, и возможность была упущена на триста лет. Алжирцы снова вздохнули, и их предводитель начал готовить новые планы завоевания.

Мантия Уруджа легла на достойные плечи. Старший брат действительно обладал несравненными качествами для дерзких дел; возглавить штурмовой отряд, взять на abordаж галеон, - рубить, бить и "иметь тебя", - ему не было равных: но Хейр-эд-Дин, при такой же смелости и решительности, был одарен благоразумием и государственным умом, что привело его к более великим предприятиям, хотя и не к более дерзким подвигам. Он соизмерял риск с результатом и никогда не подвергал себя ненужному риску поражения; но когда он видел, что его путь свободен, никто не наносил более сильных и эффективных ударов.[10]

Его первые действия были типичны для его проницательного ума. Он отправил посла в Константинополь, чтобы возложить свои почести к ногам Великого синьора и попросить у его величества благосклонности и защиты для новой провинции Алжир, которая теперь была присоединена его покорным слугой к Османской империи. Ответ был милостивым. Селим только что завоевал Египет, и Алжир стал важным западным продолжением его африканского владения. Мудрый корсар был немедленно назначен беглербегом, или генерал-губернатором, Алжира (1519) и наделен знаками отличия - конем, скимитаром и знаменем из хвоща. Кроме того, султан отправил на помощь наместнику двухтысячную

гвардию янычар и предложил особые льготы тем своим подданным, которые пройдут на запад в Алжир и помогут укрепить власть корсара.

АРБАЛЕТОМ.

(Жюрьен де ла Гравьер.)

НАБЛЮДЕНИЕ С

Беглербег не терял времени на исправление нанесенного испанцами ущерба. Он укрепил свои гарнизоны на побережье, в Мелиане, Шершеле, Тиннисе и Mustaghānim, и заключил союзы с крупными арабскими племенами во внутренних районах страны. Армада из пятидесяти военных кораблей и транспортов, включая восемь королевских галер, под командованием адмирала дона Уго де Монкада напрасно высадила армию ветеранов на алжирский берег - они были отброшены назад в смятении, и один из тех штормов, за которые побережье носит столь дурное имя, завершил работу турецкой стали (1519). Один за другим порты и крепости Средней Барбары попадали в руки корсаров: Кол, Бона, Константин, принадлежавшие Хейр-эд-дину Барбароссе, который теперь мог вновь заняться своим любимым занятием - бороздить моря в поисках христианской добычи. Раз или два в год он выводил свои восемнадцать крепких галеотов и призывал к себе других смельчаков, которых

слава его имени привлекала из Леванта, каждый со своим стремительным крейсером, укомплектованным крепким оружием и отрядом турецких десперов. Его можно было увидеть в окружении капитанов, которым вскоре предстояло прославиться везде, где нужно было захватывать корабли или штурмовать берега: Драгут, Салых Рейс, Синан, "еврей из Смирны", которого подозревали в черных искусствах, потому что он умел стрелять из арбалета, и этот несокрушимый скиталец Айдин Рейс, которого испанцы прозвали *Качадиабло*, или "Драб-дьявол", хотя ему больше подходило имя Драб-испанец. Сезон крейсерства начинался в мае и продолжался до осенних штормов, предупреждавших суда о необходимости держаться в гаванях или, по крайней мере, не предпринимать дальних экспедиций. В течение летних месяцев алжирские галеоты заполнили все западное Средиземноморье, взымали дань рабами и сокровищами с Балеарских островов и побережья Испании и даже выходили за проливы, чтобы перебить аргоси, возвращавшиеся в Кадис с золотом и драгоценностями из Индии. Ни одно судно не было защищено от их нападений; ни одно судно не проходило через барбарийские берега на пути из Испании в Италию без того, чтобы не дрогнуло его сердце. Начался "бич христианства", который должен был держать все народы Европы в вечной тревоге на протяжении трех столетий. Алжирские корсары были хозяевами на море, и их власть ощущали все, кто осмеливался пересечь их путь; и не только купцы, но и галеры - король его католического величества научился бояться скрипа турецкой гребной шлюпки.

Однажды в 1529 году Хейр-эд-Дин отправил своего верного лейтенанта "Драб-Дьявола" с четырнадцатью галеотами совершить набег на Майорку и соседние острова. Никакая работа не могла быть более подходящей для корсара, и Саллих Рейс, который был с ним, полностью разделял его удовольствие от задания. Пара начала как обычно: взяла несколько призов в открытом море, высадилась на островах и у испанских берегов и увезла с собой множество христиан, чтобы те служили у весел или выкупали свою свободу за те восьмерки, которые никогда не были лишними в карманах мореплавателя. До них дошли вести о партии морисков, которые жаждали сбежать от своих испанских хозяев и готовы были дорого заплатить за проход в Барбари. "Драб-Дьявол" и его товарищи высадились ночью возле Оливы, взяли на борт двести семей и много сокровищ и залеги под островом Форментара. К несчастью, генерал Портундо с восемью испанскими галерами как раз в это время возвращался из Генуи, куда он доставил Карла V, чтобы Папа короновал его в Болонье; и, будучи сразу же проинформированным о пиратском подвиге, он устремился в погоню к Балеарским островам. "Друб-Дьявол" поспешно высадил своих друзей-морисков, чтобы быть лучше подготовленным к бою или бегству, поскольку вид восьми больших галер был выше его ожиданий; но, к его удивлению, враг подошел на расстояние пушечного выстрела, не сделав ни одного выстрела. Портундо не хотел топить турков, опасаясь утопить беглых морисков, которые, как он предполагал, находились на борту, и за поимку которых он должен был получить десять тысяч дукатов; Но корсары сочли его поступок трусостью и, внезапно переменяв свою роль с нападающих на атакуемых, налетели на галеры, как орлы, и после оживленного рукопашного боя, в котором Портундо был убит, взяли семь из них штурмом, а остальные с максимальной скоростью направили в Ивису. Этот смелый удар привел в Алжир, помимо морисков, которые с тревогой наблюдали за битвой с острова, множество ценных пленников и освободил сотни рабов мусульманских галер от кандалов и плети.^[11] Можно не сомневаться, что "Драб-Девил" был великолепно принят, когда жители Алжира увидели семь королевских галер, включая "*Капитан*", или флагманский корабль Испании, пришвартованный у их дорог; и неудивительно, что после таких триумфов новое барбарийское государство стало процветать.

Укрепленный чередой непрерывных успехов, Хейр-эд-Дин наконец решился напасть на испанский гарнизон, который все это время терпел поражение в Пеньон-де-Альгер. Приходилось высаживать галиоты на берег в миле к западу и с трудом тащить их по берегу, а купеческие суда, пришвартованные к востоку от города, подвергались непогоде настолько, что это ставило под угрозу их торговлю. Хейр-эд-Дин решил завести в Алжире свой собственный порт, и никакие испанские узды не могли бы его обуздать. Он призвал дону Мартина де Варгаса сдаться и, получив отказ, в течение пятнадцати дней день и ночь обстреливал Пеньон из тяжелых пушек, частично созданных в Алжире, частично захваченных с французского галеона, пока штурм не стал возможным, и тогда слабый остаток гарнизона был быстро перебит и отправлен в баню. Камни крепости были использованы для строительства огромного мола, защищающего гавань Алжира с запада, и целых два года рабы-христиане трудились на этой работе.

Чтобы усугубить это бедствие, через две недели после падения Пеньона мы увидели любопытное зрелище. Девять транспортов, набитых людьми и боеприпасами для усиления гарнизона, появились в поле зрения, и долго искали известную крепость, которую они пришли выручать. И пока они удивлялись, что не могут ее обнаружить, корсары на своих галеотах и легких шебеках нагрянули и захватили весь караван вместе с двумя тысячами семьями пленниками и прекрасным запасом оружия и провизии.^[12]

Все, за что брался Хейр-эд-Дин, казалось, процветало. Его флот увеличивался месяц за месяцем, пока в летний сезон в плавании постоянно находились тридцать шесть его собственных галеотов; его призы были бесчисленны, а его силы увеличивались за счет боевых людей из семидесяти тысяч морисков, которых он спас от рабства в Испании во время ряда плаваний. Пустые места Африки были заселены трудолюбивыми земледельцами и ремесленниками, которых испанское правительство не знало, как использовать. Литейные заводы и верфи Алжира кишели занятыми рабочими. Семь тысяч рабов-христиан трудились на оборонительных сооружениях и в гавани; все попытки императора спасти их и уничтожить пиратов были отбиты с катастрофическими потерями.

ССЫЛКИ:

^[10] Хейр-эд-дин (произносится турками *Харе-удин*), как уже говорилось, является Барбароссой современных писателей, и вполне вероятно, что это имя было дано ему первоначально под впечатлением от того, что оно имело характер фамилии. Хаэдо, Мармол и Хаджи Халифа дают ему этот титул, хотя его борода была русой, в то время как Урудж был настоящим "Рыжебородым". Ни один из братьев никогда не назывался Барбароссой ни у турок, ни у мавров, и Хаджи Халифа записывает этот титул только в том виде, в каком он используется европейцами. Здесь мы принимаем народное употребление.

^[11] Морган, 264-6.

^[12] Jurien de la Gravière, *Doria et Barberousse*, Pt. I., ch. xxi.

VI.

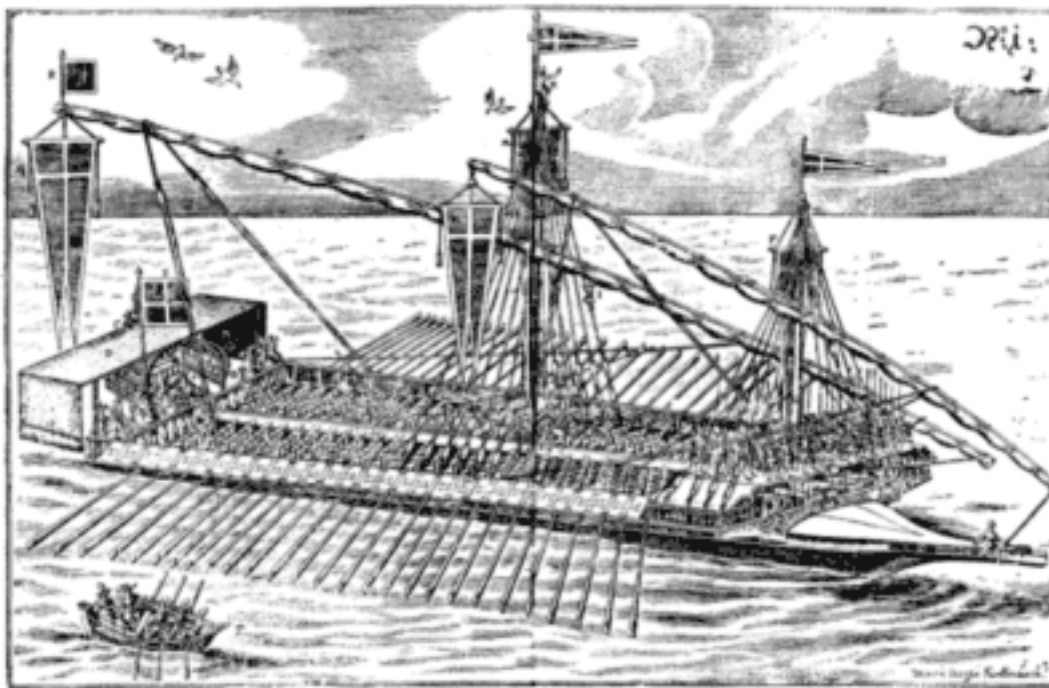
ОСМАНСКИЙ ФЛОТ.

1470-1522.

Никто лучше султана Сулеймана не оценил триумфы алжирского Беглербега. Османы, пока еще неопытные в военно-морском деле, охотно брали уроки. Турецкий флот рос медленно, главным образом потому, что в первые годы всегда находились люди, готовые служить матросами за плату. Когда Мурад I захотел переправиться из Азии в Европу, чтобы встретить вторгшуюся армию Владислава и Хуньяди, генуэзские шкиперы с радостью перевезли его людей за дукат за голову, лишь бы насолить своим извечным врагам - венецианцам, которые были набраны на другой стороне. Только после падения Константинополя турки получили в свое распоряжение Босфор, и Мухаммед II решился создать для себя военно-морскую державу.

Роковая ревность между христианскими государствами, которая так часто способствовала прогрессу турок, помогла им и сейчас. Великие торговые республики, Генуя и Венеция, уже давно боролись за господство на море. Венеция занимала много важных постов на островах

Архипелага и на сирийском побережье, где крестоносцы вознаградил ее военно-морскую помощь подарком в виде крепости Акко. Генуя была сильнее в Черном море и на Марморе, где до прихода турок ее колония в Галате была не более чем восточной Генуей. Генуэзская башня до сих пор видна на крутом склоне Пера, а генуэзские форты - обычные объекты на Босфоре и в Крыму, где они доминируют над маленькой гаванью Балаклавы. Марморское море было ареной многих смертельных схваток между враждующими флотами. В 1352 году под стенами Константинополя генуэзцы разгромили объединенные эскадры венецианцев, каталонцев и греков. Но уже в следующем году "Невеста моря" смирила гордость Генуи в катастрофическом сражении у Альгеро; а в 1380 году, когда генуэзцы овладели Кьоджией и почти захватили саму Венецию, горожане, как один человек, поднялись навстречу отчаянной ситуации и не только отбили, но и окружили захватчиков, заставив их капитулировать. С этого времени Генуя стала ослабевать, а Венеция становилась все сильнее и надменнее. Завоевание турками Константинополя, за которым быстро последовало изгнание генуэзцев из Трапезунда, Синопа, Каффы и Азова, положило конец торговому процветанию Лигурийской республики на Востоке. Черное море и Мармара теперь были турецкими озерами. Замки Дарданелл, оснащенные тяжелыми орудиями, защищали любой османский флот от преследования; и хотя Джакомо Веньеро дерзко провел свой корабль под огнем через пролив и обратно, потеряв всего одиннадцать человек, никто не решился последовать его примеру.

АДМИРАЛЬСКИЙ

КАМБУЗ.

(Фурттенбах, *Architectura Navalis*, 1629.)

Когда в 1470 году Мухаммед II с флотом из ста галер и двухсот транспортов, с семидесятитысячным войском, отбил у Венеции Негропонт, ему оставалось только переправиться через Геллеспонт, чтобы быть в полной безопасности. Все, что могли сделать венецианские адмиралы, знаменитые Лоредани, - это нанести ответный удар по тем островам Архипелага, которые находились под властью турок, и опустошить побережье Малой Азии. Как ни превосходили они турок в строительстве и управлении галерами, у них не было таких военных ресурсов, как у их противника. Их войска были наемниками, не сравнимыми с янычарами и сипахами, хотя выносливые страдиоты из Эпира, одетые как турки, но без тюрбана, примером которых может служить Отелло, почти соперничали с ними.

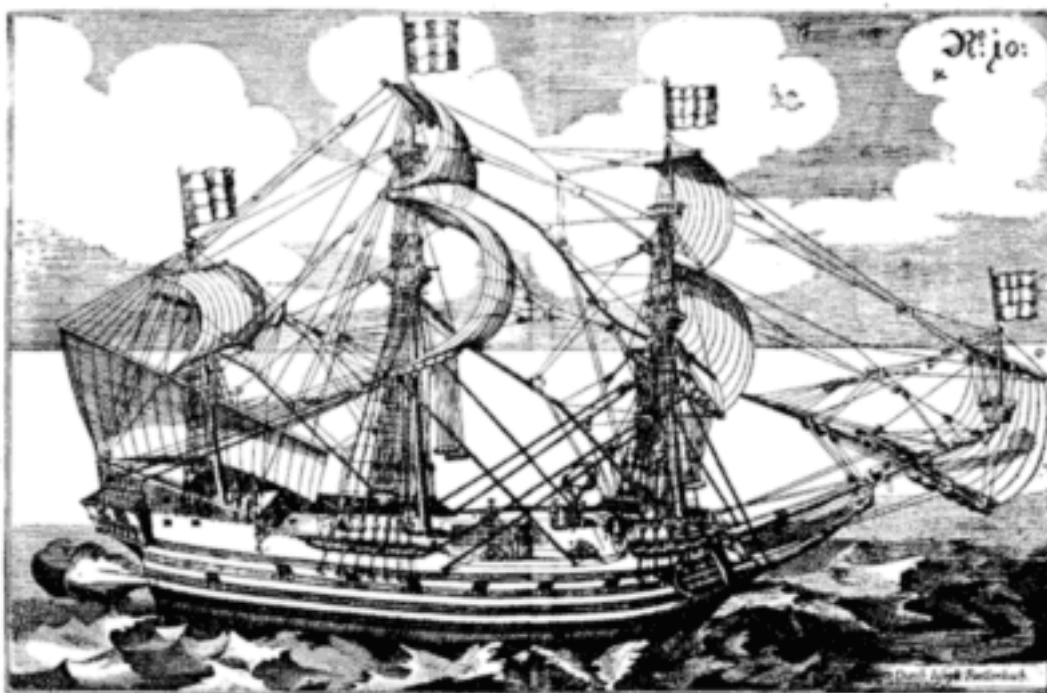
На суше Республика не могла встретиться с войсками Великого синьора, и после того, как само ее существование оказалось под угрозой из-за близкого приближения турецкой армии на берегах Пьяве^[13] (1477), Венеция заключила мир и даже, как говорят, подстрекала турок к захвату Отранто. Теперь османские галеры были свободны от Адриатики и несли огонь и меч вдоль итальянского побережья, так что при виде полумесяца на пике судна испуганные жители бежали вглубь страны, оставляя свои дома на милость пиратов. Период турецких корсаров уже начался.

Кроме дискредитировавшей себя Генуи и зависимой от нее Венеции, появилась еще одна военно-морская держава, с которой нужно было считаться. Рыцари-госпитальеры Иерусалима, изгнанные Тимуром из Смирны (в 1403 году), обосновались на Родосе, который они поспешили сделать неприступным. По-видимому, им это удалось, поскольку нападение за нападением мамлюкских султанов Египта не смогло поколебать их крепость, откуда они контролировали торговую линию между Александрией и Константинополем и промышляли пиратством на проходящих судах. Рыцари Родоса были христианскими корсарами Леванта; леса Карамании снабжали их кораблями, а население Малой Азии - рабами. Пока они бродили по морям, султанские галеры не знали покоя. Даже христианские корабли страдали от их бесцеремонных действий, и Венеция с открытым удовлетворением наблюдала, как в 1480 году Мухаммед II отправил сто шестьдесят кораблей и большую армию, чтобы смирить гордость рыцарей. Осада, однако, не удалась; д'Обюссон, Великий магистр, отразил общий штурм с неистовым героизмом, и турки отступили с большими потерями.^[14]

Убедившись, что османы не совсем непобедимы, Венеция взяла себя в руки и начала готовиться к военным действиям со своим временным союзником. Перерыв между дружескими отношениями был использован турками с пользой. Яни, христианский кораблестроитель султана, изучил усовершенствования венецианцев и теперь построил два огромных кока, семьдесят локтей в длину и тридцать в балке, с мачтами из нескольких деревьев, сплетенных вместе, размером четыре локтя в окружности. Сорок человек в доспехах могли стоять на грот-мачте и обстреливать врага. На корабле было две палубы: одна - как на галеоне, другая - как на галере, на каждой из которых стояло по большой пушке. На верхней палубе по четыре с двадцать весел на борт приводили в движение девять человек. С кормы свисали лодки, а корабельный состав состоял (так говорит Хаджи Халифа)^[15] из двух тысяч солдат и матросов. Кемаль Рейс и Борак Рейс командовали этими двумя чудовищами, а весь флот, насчитывавший около трехсот других судов, был отправлен в Адриатику под командованием Дауда-паши. Объектом нападения стал Лепанто.

В конце июля 1499 года они заметили венецианский флот, который был начеку, у Модона. Они насчитали сорок четыре галеры, шестнадцать галеасов и двадцать восемь обычных парусников. Ни один из них не хотел вступать в бой, который, как каждый из них знал, чреват серьезными последствиями. Венецианский адмирал Гримани удалился в Наварино, а турки бросили якорь у Сапиенцы. 12 августа Дауд-паша, знавший, что султан ждет его с сухопутными войсками в Лепанто, решил во что бы то ни стало продолжать наступление. В те дни турецкие мореплаватели мало доверяли открытому морю; они предпочитали держаться берега, где в случае плохой погоды можно было наткнуться на порт. Дауд, соответственно, старался пройти между островом Продано и Мореей, к северу от Наварино. Прекрасно зная его курс, венецианцы разместили свой флот в верхней части узкого прохода, где у них было больше всего шансов застать врага в беспорядочном порядке. Провизор Корфу Андреа Лоредано в тот же день усилил христианский флот десятью кораблями; позиция была выбрана удачно; ветер был попутным и обрушивался на турок, когда они выходили из пролива. Но венецианский адмирал больше всего полагался на свои галеры, а искусство

маневрирования парусными судами в боевом строю было еще в юности. Плохое рулевое управление здесь, неверный галс там, и вот уже корабль столкнулся с кораблем, большие галеры стали запутанными и беспомощными, их то относил ветром в гущу врагов, то уносило туда, где они были бесполезны, и турецкие галеры получили все по-своему. Флагман Лоредано сгорел дотла, а другие суда были уничтожены огнем. Большие корабли Яни сыграли важную роль в сражении. Два галеаса, каждый из которых вмещал тысячу человек, и еще два судна окружили Борак Рейс, но меньшие корабли не смогли обстрелять высокие борта кока и были быстро потоплены. Борак Рейс забросал галеасы горячей смолой, сжег экипажи и корабли, пока его собственное судно не загорелось, а сам он и другие знатные капитаны, совершив подвиги, погибли в пламени. Поэтому остров Продано турки и по сей день называют островом Борака.[16] Христианам это сражение было известно как "прискорбная битва при Зонкио", по названию старого замка Наварино, под которым оно происходило.

ГАЛЕРЕЯ.

(Фурттенбах, *Architectura Navalis*, 1620.)

Несмотря на успех при Зонкио, Дауд-паше еще предстояло пробиваться к Лепанто. Венецианцы собрали свой разрозненный флот и получили подкрепление от своих союзников из Франции и Родоса; было ясно, что они жаждут мести. Турки прижались к суше, бросали якорь на ночь и держались настороже. Весь путь проходил в постоянных стычках. Венецианцы пытались застать врага врасплох у причалов, но тот уже был в море, а шквалистая погода нарушила стратегию Гримани, и он с досадой увидел, что шесть его огненных кораблей безобидно горят, и ни один турок не пострадал. Снова и снова казалось невозможным, что Дауд сможет спастись, но фабианская политика Гримани вырвала врага из его рук, и когда наконец турецкий флот триумфально вошел в Патрасский залив, где его защитила султанская артиллерия Лепанто, великий приор Оверни, командовавший французской эскадрой, уплыл в отвращении к пассивности своего коллеги. Лепанто пал 28

августа, а Гримани за свою оплошность был заключен в тюрьму, номинально пожизненную: тем не менее, через двадцать один год он стал дожем.^[17]

Венеция так и не оправилась от поражения. За поражением при Лепанто и последующим закрытием Патрасского и Коринфского заливов последовал захват Модона, контролировавшего пролив Салиенца: восточное побережье Адриатического и Ионического морей больше не было открыто для христианских судов. Восточная торговля республики была еще более серьезно подорвана турецким завоеванием Египта (1517),^[18] которое лишило ее самого важного порта; а открытие Нового Света привело к тому, что испанские торговцы стали успешно конкурировать с ее собственными. Венеция действительно была практически восточным городом; ее искусные мастера учились своему искусству в Египте и Месопотамии; ее базары были заполнены товарами Востока, димитическими и другими тканями, шелками и парчой из Дамьетты, Александрии, Тинниса и Каира, хлопком из Баальбекка, шелком из Багдада, атласным сатином из Мадина в Армении; и она ввела в Европу не только товары Востока, но и сами их названия. Sarcenet - сарацинский материал; tabby - по названию улицы в Багдаде, где производился полинялый шелк; Baldacchini - просто "Baldac", *то есть* багдадские пологи; samite - шамитская, "сирийская" ткань; сам плащ египтянина, *джубба*, сохранился в giurra, jure.^[19] Потеряв восточную торговлю, к которой привела враждебность турок, Венеция больше не могла удерживать свои позиции. Она смирилась с судьбой и признала турецкое господство как на море, так и на суше. Она даже заплатила султану дань за остров Кипр. Когда Сулейман Великолепный сменил Селима и захватил Белград (1521), Венеция поспешила увеличить выплаты и обложила данью и Занте. Так смирилась морская невеста.

Турция все еще страдала от назойливости родосских корсаров, и пока они не были устранены, ее военно-морское превосходство не было полным. Генуя и Венеция были усмирены: настал черед рыцарей Святого Иоанна. Селим оставил своему сыну, великому Сулейману, в наследство великолепный флот, подготовленный именно для этой битвы. Сто три быстроходные галеры, тридцать пять галеасов, кроме того, более мелкие суда и 107 транспортов, "навесы, фусты, махоны, тафореи, галионы и эскулапы",^[20] составили знатный флот, и Родос пал после героической обороны в конце 1522 года. Шесть месяцев рыцари держались, противостоя флоту, разросшемуся до четырехсот кораблей, и армии, насчитывавшей более ста тысяч человек, которой командовал лично султан. Это был кризис в истории Европы: форпост христианства оказался под ударом. Рыцари благородно выполнили свой долг, но против них были лучшие в мире инженеры и все ресурсы могущественной империи, управляемой владыкой-разумом. Сулейман окружил город своими сооружениями и сделал регулярные подходы для своих наступающих батарей и шахт, но к концу месяца ни одна стена не была разрушена, а восемь бастионов восьми языков Ордена - английского, французского, испанского, итальянского, португальского, немецкого, провансальского и овернского - до сих пор оставались непоколебимыми. Габриэль Мартинего из Кандии руководил контрминами с заметным успехом.^[21] Наконец английский бастион был взорван; турки ринулись на пролом и были отбиты с потерей двух тысяч человек. Второй штурм не удался, но 24 сентября им удалось закрепиться, а разрушение испанских, итальянских и провансальских бастионов турецкими минами и последующее воздействие на измученный гарнизон делало оборону все более опасной. Османская армия тоже сильно страдала, как от болезней, так и от смертоносного оружия рыцарей, и в надежде пощадить своих людей Сулейман предложил гарнизону жизнь и свободу, если они сдадут город. Сначала они гордо отвергли это предложение, но через две недели, обнаружив, что их боеприпасы исчерпаны, а численность сильно поредела, 21 декабря они умоляли султана повторить свои условия, и, проявив милосердие, Сулейман

позволил им всем беспрепятственно отплыть на своих кораблях в те порты Европы, которые казались им наиболее подходящими.[22]

Падение Родоса устранило последнее препятствие на пути к полному господству османского флота в восточном бассейне Средиземного моря. Отныне ни один христианский корабль не мог безопасно находиться в этих водах, кроме как по воле султана. Старые морские республики на время оказались бессильны, и не существовало силы, способной оспорить господство Османской империи в Эгейском, Ионическом и Адриатическом морях.

Почти в то же время братья Барбароссы одержали аналогичный триумф на западе. Взятие Алжира и создание различных сильных гарнизонов на барбарийском побережье обеспечило турецким корсарам господство в западном бассейне Средиземного моря. Сулейман Великолепный видел необходимость объединения; он знал, что Хейр-эд-дин может научить мореплавателей и кораблестроителей Стамбола многому, чему им следовало бы научиться; его Великий Везир Ибрагим настойчиво призывал к более тесным отношениям между турецкими державами востока и запада; и Хейр-эд-дин получил императорский приказ явиться в Константинополь.

ССЫЛКИ:

[13] См. S. Lane-Poole, *The Story of Turkey*, 135.

[14] См. "История Турции", 136.

[15] *История морских войн турок*, 20.

[16] Хаджи Халифа, 21.

[17] Jurien de la Gravière, *Doria et Barberousse*, Pt. I., ch. xv.

[18] См. "История Турции", 158-163.

[19] См. S. Lane-Poole, *The Art of the Saracens*, 239, &c.

[20] *Doria et Barberousse*, Pt. II., ch. vii.

[21] *Ibid.*, Pt. II., ch. vii., p. 106 ff.

[22] См. "История Турции", 170; иллюстрации, стр. 137, 147, 171, 175, 177.

VII.

ДОРИА И БАРБАРОССА.

1533.

Хейр-эд-Дин не спешил с визитом в Блистательную Порту. Он должен был обеспечить безопасность и управление Алжиром во время своего отсутствия, когда тот подвергался опасностям как иностранных нападений, так и внутренних интриг. Он должен был считаться с галерами рыцарей Святого Иоанна, которые, после долгих бездомных скитаний, что было совсем не достойно того христианства, которое они так героически защищали на Родосе, наконец обосновались в не менее удобном месте, чем Мальта, откуда у них были все возможности для преследования корсаров (1530). К тому же поблизости находился Андреа Дория, а он был не из тех противников, с которыми Барбаросса хотел встретиться на опасном расстоянии. Великий генуэзский адмирал считал это личной дуэлью с Хейр-эд-дином. Каждый из них занимал верховное положение на своей стороне воды. Оба были стариками и состарились в оружии. Дория родился в 1468 году в знатной генуэзской семье, ему было шестьдесят пять лет, из которых почти пятьдесят он провел на войне. Он служил в гвардии

Папы Римского, находился на службе при герцоге Урбинском и Альфонсо Неаполитанском, а когда ему перевалило за сорок, он вышел в море и неожиданно оказался верховным адмиралом Генуи (1513). Его назначение на должность командующего галерами своей страны было связано с его ревностными заслугами на берегу, а не с каким-либо особым опытом в военно-морском деле; действительно, командующий галерами был в равной степени военным и морским офицером. Однако Дория, поздно принявший свою профессию, обладал несомненными дарованиями моряка, и его руководство решило, какая из соперничающих христианских держав должна править волнами Средиземного моря. Он посвятил свой меч Франции в 1522 году, когда революция свергла его партию в его собственной республике; и пока он был на стороне Франции, морское командование, насколько оно не принадлежало барбарийским корсарам, принадлежало Франции. Когда в 1528 году он счел, что Франциск I плохо использует себя и свою страну, он перевел свои двенадцать галер на сторону Карла V, и тогда императорские флоты снова восторжествовали. Дория стал вершителем судеб между враждующими государствами. Дория был освободителем Генуи и, отказавшись быть ее королем, остался ее кумиром и деспотом. Ни одно имя не вселяло такого ужаса в сердца турок; многие корабли пали жертвой его пожирающих галер, многие рабы-мусульмане тянулись к его веслам или томились в генуэзских тюрьмах. Официально являясь адмиралом, он в то же время лично был корсаром и использовал свои личные галеры для увеличения своего богатства.

Слава Хейр-эд-Дина как среди христиан, так и среди турок была по меньшей мере столь же велика и славна, как и у его соперника. Он изгнал испанцев из Алжира и нанес неисчислимый ущерб кораблям и берегам империи. Несмотря на то что оба они двадцать лет бороздили одно и то же море, они ни разу не встречались в морском бою: возможно, каждый из них слишком уважал другого, чтобы рисковать. Давным-давно, когда Хейр-эд-Дин был неизвестен, Дория изгнал его из Голетты (1513); а в 1531 году генуэзский адмирал совершил поход на Шершель, который Хейр-эд-Дин укреплял, к большому ущербу и беспокойству противоположного побережья Испании. Империалисты высадились на берег, захватили форт и освободили семьсот рабов-христиан. Затем, вопреки приказу и не обращая внимания на сигнальную пушку, созывавшую их на борт, солдаты разошлись по городу в поисках добычи и, оказавшись в невыгодном положении перед турками и морисками, были в беспорядке согнаны на берег, где увидели быстро удаляющиеся галеры Дория. Девятьсот человек были убиты на берегу моря, а шестьсот взяты в плен. Одни говорят, что адмирал хотел наказать своих людей за непослушание, другие - что он увидел флот Хейр-эд-Дина, идущий на помощь. В любом случае он отступил, и два великих соперника не встретились. По пути домой генуэзцы подобрали несколько барбарийских судов, чтобы утешить его за неудачу.

АНДРЕЙ ДОРИЯ.

В следующем году он вернул себе славу блестящей экспедицией к берегам Греции. С тридцатью пятью парусами и сорока восемью галерами он атаковал Корон, чтобы отвлечь внимание, пока султан Сулейман вторгся в Венгрию,^[23] и после сильной бомбардировки сумел высадить своих людей на куртине форта. Турецкий гарнизон был пощажен и выведен, Мендоса остался командовать, а Дория подошел к Патрасу, взял его, занял крепости, охраняющие Коринфский залив, и с триумфом вернулся в Геную, прежде чем турецкий флот смог подойти к нему. Это произошло в сентябре 1532 года. Весной следующего года был совершен еще более дерзкий подвиг. В Короне не хватало припасов, и турецкий флот блокировал порт. Тем не менее Кристофоро Паллавичини провел свой корабль внутрь под прикрытием крепостных пушек и призвал гарнизон держаться; Дория, следуя за ним в великолепном стиле, пробился внутрь, несмотря на то что половина его флота, состоявшего из парусных галеонов, оказалась на мели посреди турецких галер, и его пришлось спасать в зубах врага. Люtfи-паша был перехитрил и потерпел поражение. По словам адмирала Жюрьена де ла Гравьера, эта операция по спасению Корона была одной из самых искусных морских операций XVI века.^[24]

Было очевидно, что, хотя Дория почти ничего не добился в борьбе с барбарийскими корсарами, он всегда одерживал верх над турками. Султан жаждал узнать секрет успеха

Хейр-эд-Дина и считал дни до его прибытия в Золотой Рог. Корсар, со своей стороны, был достаточно наслышан о недавних подвигах Дориа, чтобы проявлять больше, чем обычную осторожность, и не хотел снижать свою ценность в глазах султана слишком поспешным выполнением приказа его величества. Наконец, в августе 1533 года, назначив Хасан Ага, сардинского евнуха, которому он очень доверял, вице-королем на время своего отсутствия, Хейр-эд-Дин отплыл из Алжира с несколькими галерами и, сделав несколько дел на свой счет - разграбив Эльбу и захватив несколько генуэзских кукурузных кораблей, - продолжил свой путь, обойдя Мальту на почтительном расстоянии и огибая Морею, пока не бросил якорь в Салоникском заливе.^[25] По своему маршруту, который касался Санта-Мауры и Наварино, он, по-видимому, искал Дориа, несмотря на малочисленность своих сил (которые, однако, были увеличены за счет призов); но, к счастью, возможно, для корсара, генуэзский адмирал вернулся в Сицилию, и они разминулись по дороге.

Вскоре взору султана предстал барбарийский флот, нарядно украшенный флагами и вымпелами, огибающий Сераглио-Пойнт и в полном порядке входящий в глубокие воды Золотого Рога; вскоре Хейр-эд-Дин и восемнадцать его капитанов склонились перед Великим синьором и стали получать награды, причитающиеся за их славу и заслуги. Странное зрелище предстало в тот день на Эски Серай,^[26] и диван был переполнен. Испытанные генералы и государственные деятели величайшего из османских императоров собрались поглазеть на суровых морских псов, чьи подвиги были на устах у всей Европы; и больше всего они разглядывали энергичную, крепкую, но грузную фигуру старика с кустистыми бровями и густой бородой, когда-то ярко-русой, но теперь охрипшей от лет и подверженности капризам судьбы и суровой погоды. В его полных и зорких глазах, которые могли пылать готовой и неукротимой яростью, они уловили решительный ум, который должен был указать им путь к триумфам на море, сравнимым даже с теми, которые их победоносный султан одержал перед крепкими стенами и на равнине для сражений. Великий везир Ибрагим распознал в Хейр-эд-дине человека, который был ему нужен, и алжирскому корсару отдали предпочтение перед всеми адмиралами Турции и назначили его реконструировать османский флот. Зимой он провел на верфях, где его быстрый глаз мгновенно обнаружил недостатки строителей. Константинопольские турки, как он обнаружил, не знали ни как строить, ни как эксплуатировать свои галеры.^[27] Они не были столь быстры, как христианские; и вместо того чтобы самим стать моряками и управлять ими должным образом, они похищали пастухов из Аркадии и Анатолии, которые никогда в жизни не держали в руках ни паруса, ни румпеля, и поручали управление своими галерами этим неопытным рукам.^[28] Хейр-эд-Дин вскоре все изменил. К счастью, рабочих и леса было в избытке, и, вдохновляя своих людей собственной удивительной энергией, он за зиму построил шестьдесят одну галеру, а весной смог выйти в море с флотом из восьмидесяти четырех судов. С зимы, проведенной Хейр-эд-дином на верфях, начинается период турецкого господства на море.

ССЫЛКИ:

^[23] См. *"История Турции"*, 191.

^[24] *Doria et Barberousse*, Pt. II. ch. xxv.

^[25] Испанские историки умалчивают об этой экспедиции: вернее, Хаэдо положительно отрицает ее и говорит, что Хейр-эд-дин отправил посольство к султану, но не поехал лично. Хаджи Халифа, однако, ясно и подробно рассказывает об этом визите.

^[26] О Стамболе и старом серале см. в *"Истории Турции"*, 260 и далее.

[27] См. главу XVI, ниже.

[28] Так говорит Жан Чесно, французский секретарь в Константинополе в 1543 году. См. Jurien de la Gravière, *Les Corsaires Barbaresques*, 13.

VIII.

ТУНИС ВЗЯТ И ПОТЕРЯН.

1534-1535.

Обитатели берегов Италии вскоре обнаружили новый дух турецкого флота; теперь им приходилось опасаться корсаров с обеих сторон, как с востока, так и с запада. Летом 1534 года Хейр-эд-дин вывел свой новый флот из восьмидесяти четырех галер из Золотого Рога, чтобы утолить свой аппетит в грандиозном походе за добычей. Войдя в Мессинский пролив, он захватил Реджио, унес корабли и рабов; на следующий день взял штурмом и сжег замок Сан-Лучида и взял восемьсот пленников; захватил восемнадцать галер в Четраро; подверг мечу и клейму Сперлонгу и нагрузил свои корабли женами и девицами. Незаметный поход вглубь страны привел корсаров в Фонди, где лежала Джулия Гонзага, молодая и красивая вдова Веспасио Колонна, герцогиня Траджетто и графиня Фонди. Она была сестрой "небесной Джоанны Арагонской", о красоте которой двести восемьдесят итальянских поэтов и риториков напрасно израсходовали ресурсы нескольких языков; эту красоту разделяла и сестра, чьим девайсом был амарант "Цветок любви", выбитый на ее щите. Эта красавица Хейр-эд-Дин предназначалась для султанского гарема, и столь тайными были передвижения корсаров, что он почти неожиданно прекрасную Джулию в ее постели. Она едва успела сесть на коня в своей смене и улететь с единственным сопровождающим, которого впоследствии приговорила к смерти, возможно, потому, что красота, открывшаяся в ту ночь, заставила его перебороть себя.[29] Разъяренные ее побегом, пираты быстро расправились с Фонди; церковь была разрушена, а грабеж продолжался четыре ужасных часа, которые жители никогда не забудут.

Освеженные и воодушевленные успешным набегом, турки не нуждались в особом поощрении, чтобы с готовностью приступить к настоящей цели экспедиции, которая заключалась не в чем ином, как в аннексии королевства Тунис. Прошло три столетия с тех пор, как султаны из рода Хафса установили свою власть на старом карфагенском месте после распада африканской империи Альмохадов. Их правление было мягким и справедливым; в целом они поддерживали дружеские отношения с европейскими державами, и во многих договорах зафиксированы справедливые условия, на которых купцы Пизы, Венеции и Генуи были допущены в порт Туниса. Святой Людовик был настолько поражен благочестием и справедливостью короля, что даже пришел обратиться к нему в свою веру и погиб при этом. Двадцать один правитель из их рода сменял друг друга, пока сила

Бени Хафса не иссякла, а братская ревность не добавила кровопролития к слабости. Хасан, двадцать второй, взшел на трон по телам сорока четырех убитых братьев, а когда таким образом закрепил за собой место, он стал примером порочной слабости, которой должны были избегать все государи. Соперник послужил корсарам предлогом для вторжения, и Хейр-эд-Дин едва успел высадиться на берег, как этот жалкий негодяй бежал из города, и хотя его поддержали некоторые арабские племена, он не смог ничего противопоставить турецким пушкам. Тунис, как и Алжир, был присоединен к Османской империи против ее воли и теми же умелыми руками. Можно сомневаться, что султанская грамота действовала бы в любой из его новых провинций, если бы их завоеватель не отказался от нее.

ТУНИС, 1566

ГОД.

(По карте из Британского музея.)

Тунис недолго оставался во владениях Барбароссы. Изгнанный король обратился к Карлу V. И как бы император ни относился к обидам Хасана, он ясно понимал, что присутствие Барбароссы в тунисской гавани - это постоянная угроза его собственному Сицилийскому королевству. Неприятно было видеть пиратские гнезда на скалах алжирского побережья, но Тунис был ключом к проходу с запада в восточный бассейн Средиземного моря, и оставлять его в руках корсаров было до последней степени опасно. Поэтому он встал на сторону Хасана и в конце мая 1535 года отплыл из Барселоны на шестистах кораблях под командованием Дориа (у которого была своя обида) и с цветком императорских войск, испанцами, итальянцами и немцами. В июне он осадил Голетту - или *Халк-эль-Вед*, "горло потока", как называли ее арабы, - башни-близнецы, расположенные в миле друг от друга и охраняющие канал в Тунис. Большой карак "*Святая Анна*", посланный с четырьмя галерами "*Религией*" (так Мальтийские рыцари называли свой орден), был пришвартован вблизи, и его тяжелые пушки вскоре проделали брешь, через которую шевалье Косье провел рыцарей Святого Иоанна, всегда занимавших опасный пост, в крепость и водрузил знамя "*Религии*" на крепостных стенах^[30] (14 июля). Три отчаянных вылазки предприняли осажденные под предводительством Синана Еврея; три итальянских генерала пали в бою; прежде чем их в смятении отбросили к городу Тунису, оставив Голетту со всеми ее запасами оружия и

боеприпасов, с сорока пушками, некоторые из которых прославились при осаде Родоса, и более чем сотней судов в руках врага. Барбаросса вышел навстречу императору во главе почти десяти тысячного войска; но его берберы отказались сражаться, тысячи христианских рабов в Касабе (цитадели) при помощи предательства разорвали цепи и закрыли за ним ворота; и, защищая свой вал, сколько мог, вождь корсаров с Синаном и Айдином "Драб-Дьяволом" направился к Боне, где он, к счастью, оставил пятнадцать своих кораблей. Линии тройной стены Хейр-эд-Дина до сих пор можно проследить по горловине суши, отделяющей Тунисское озеро от Средиземного моря. Пятнадцать лет назад этот вал был прорван, и тогда за ним нашли около двухсот скелетов, несколько испанских денег, пушечные ядра и сломанное оружие.^[31]

На три дня Карл отдал город Тунис на откуп жестокости своих солдат. Это были дни ужасного разгула и кровопролития. Мужчин, женщин и детей убивали тысячами, и даже хуже, чем убивали. Разъяренные войска сражались друг с другом за обладание добычей, а незадачливые христиане из Касабы были изрублены своими освободителями в борьбе за сокровища Хейр-эд-Дина. Улицы превратились в руины, дома - в притоны убийств и позора: сами католические летописцы признают отвратительные бесчинства, творимые развратными и неистовыми солдатами великого императора. Трудно вспомнить, что почти в то самое время, когда немецкие, испанские и итальянские воины бесчинствовали и резали беспомощных, невинных людей в Тунисе, которые почти не принимали участия в войнах Хейр-эд-Дина и с неохотой признавали его власть, великий везир Ибрагим входил в Багдад и Тебриз как завоеватель во главе диких азиатских войск, и ни один дом, ни один человек не подвергался нападению. *Fas est et ab hoste doceri.*

До Туниса экспедиция Карла V была бесплодной. Перед отплытием в августе он заключил с Хасаном договор, который предусматривал дань Испании, владение Голеттой кастильской короной, освобождение христианских рабов, прекращение пиратства и выплату ежегодной дани в размере шести мавританских барбусов и двенадцати соколов; и он, и мавр должным образом поклялись в этом на кресте и мече. Но договор оказался лишь пустой тратой пергамента. Ни один мусульманский принц, добившийся своего восстановления такими средствами, какие использовал Хасан, проливший мусульманскую кровь христианским оружием и разоривший мусульманские дома святотатственными злодеяниями "неверных" солдат и связавший себя узами вассала "идолопоклоннической" Испании, не мог надеяться на долгое сохранение своего трона. Он был объектом ужаса и отвращения для людей, на которых он навлек это ужасное бедствие, и настолько яростно они презирали предателя ислама, что рассказывают историю о мавританской девушке, попавшей в лапы солдат, которая, когда восстановленный король Туниса попытался спасти ее, плюнула ему в лицо; все было лучше, чем бесчестье его защиты. Хасан претендовал на пятилетнее правление, но страна была охвачена войной, священный Кайраван не хотел ничего говорить правителю, который был обязан своим тронном неверным насильникам; императорские войска тщетно пытались удержать его; Дория удалось лишь на короткое время подчинить прибрежные города власти несчастного принца; а в 1540 году Хасан был заключен в тюрьму и ослеплен своим сыном Хамидом, и никто не мог его пожалеть. Побережье оказалось во власти корсаров, и, как мы увидим, даже испанцы были вынуждены в скором времени оставить Голетту.

Тем не менее, экспедиция в Тунис стала подвигом, которым гордилась Европа. Карл V. редко страдал от обесценивания своих подвигов, и, как причудливо говорит Морган, "за всю свою жизнь я не встречал того испанца, который, я убежден, не одарил бы меня по меньшей мере сорока *бото-а-крис*то, если бы я притворно утверждал, что Карл V. не держал весь этот

земной шар на ниточке в течение четырех с половиной часов, а *потом она лопнула*, хотя ни у кого не хватило ни доброты, ни манер, чтобы сообщить или исправить мое невежество в подлинной истории, посвятив меня в тайну, когда наступил этот критический и скользкий период времени".^[32] Естественно, что столь основательные поклонники с восторгом восприняли завоевание Туниса, освобождение грозной Голетты, освобождение тысяч христианских пленников и, прежде всего, поражение этого бича христианства, самого Барбароссы. Об этом пели поэты, осаду запечатлел художник, гончар из Урбино выжег эту сцену на своей вазе; вся Европа была в восторге от этого подвига. Карл изображал из себя крестоносца и рыцаря-избавителя, а в память о своих доблестных деяниях и деяниях своих кавалеров учредил новый рыцарский орден - Тунисский крест с девизом "Барбария", о котором, однако, мы больше ничего не слышим. В целом "это была знаменитая победа".

Радость триумфа была печально омрачена поступком Хейр-эд-Дина. Этот неисправимый пират, понимая, что никто не заподозрит его в бродяжничестве, пока Карл осаждает свое новое королевство, воспользовался случаем, чтобы перебраться на Минорку со своими двадцатью семью оставшимися галеотами; Там он под испанским и другими фальшивыми знаками обманул жителей острова, заставив их поверить, что его корабли являются частью Армады; после чего он смело вошел в порт Маон, захватил богатый португальский галеон, разграбил город и, нагруженный шестью тысячами пленников и большим количеством добычи и боеприпасов, с триумфом отвел свой приз обратно в Алжир. Тем временем Дориа усердно охотился за ним с тридцатью галерами, по прямому приказу императора поймать его живым или мертвым. Великий генуэзец еще три года ждал своей долгожданной дуэли.

Выполнив свою задачу, Армада, как обычно, распалась, так и не покончив с корсарами. Хейр-эд-дин, ожидавший нападения в Алжире, с радостью воспринял эту новость и, когда берег был чист, отплыл в Константинополь за подкреплением. Алжир он больше не видел.

ССЫЛКИ:

^[29] Von Hammer, *Gesch. d. Osm. Reiches*, ii. 129.

^[30] Broadley, *Tunis, Past and Present*, i. 42, цитирует рассказ Boyssat, одного из мальтийских рыцарей, написанный в 1612 году.

^[31] Об экспедиции Карла в Тунис можно прочитать у Мармола, Хаджи Халифы, Робертсона, Моргана, фон Хаммера и Бродли. В последнем из них вы найдете несколько интересных фотографий картин Яна Корнелиса Вермейена, написанных на месте во время осады по приказу императора и хранящихся сейчас в Виндзоре. Все рассказы об осаде и взятии города содержат расхождения, примирить которые представляется безнадежным.

^[32] *История Алжира*, 286.

IX.

МОРСКОЙ БОЙ У ПРЕВЕЗЫ.

1537.

Когда Барбаросса вернулся в Константинополь, Тунис был забыт, и на ум приходила только Минорка: вместо титула беглербега Алжира султан приветствовал его как капудан-пашу или верховного адмирала османского флота. В Адриатике предстояла работа, и никто не подходил для ее выполнения лучше, чем великий корсар. Хейр-эд-дин приобрел дополнительное влияние в Стамболе после казни великого везира Ибрагима, [\[33\]](#), и он использовал его в прямо противоположном направлении. Ибрагим, далматинец по происхождению, всегда стремился поддерживать дружеские отношения с Венецией, своим родным государством, и уже более тридцати лет между республикой и Портой царил мир. Барбаросса, напротив, жаждал столкнуть свои галеры с самыми знаменитыми морскими державами Средневековья и сделать Полумесяц таким же верховным в водах Адриатики,

каким он был в Эгейском море. Франциск I старательно поддерживал эту политику из ревности к империи. Венецианцы, стремясь сохранить хорошие отношения с султаном и занять нейтральную позицию между Франциском и Карлом V, постепенно оказались втянутыми в войну, причем по собственной вине. Их командиры на Адриатике и в Кандии не смогли устоять перед соблазном погони за османскими купцами. Канале, прокуратор Кандии, поймал известного корсара, "молодого мавра Александра", как называли его жертвы, потопил или захватил его галеры, убил его янычар и тяжело ранил самого молодого мавра, - и все это в турецких водах, на турецких подданных и в мирное время. Конечно, когда слишком галантный Проведитор пришел в себя и осознал свою глупость, он залатал раны молодого мавра и с нежностью отправил его обратно в Алжир: но султанский гнев уже разгорелся, и когда венецианские галеры фактически преследовали корабль с турецким послом, никакие извинения Синьории не могли сгладить нанесенного оскорбления. Война была неизбежна, и Венеция поспешила объединить усилия с Папой и императором против грозного войска, которое теперь наступало на Адриатику.

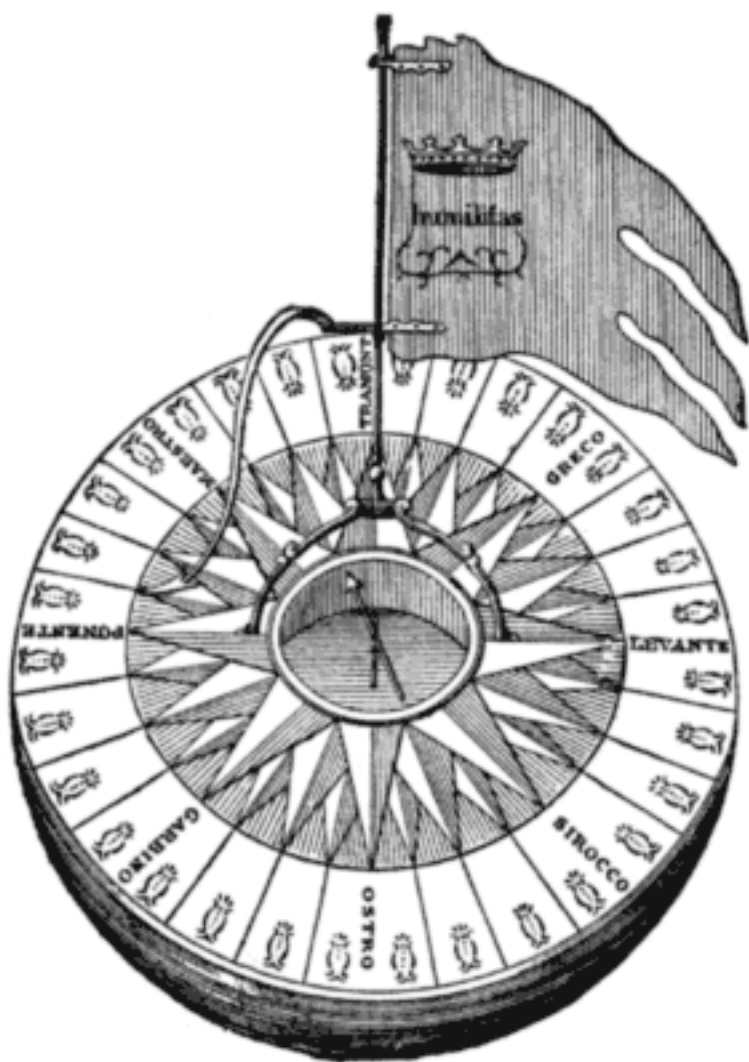
До этого у берегов Греции произошло несколько захватывающих сражений. Дориа, выйдя из Мессины, встретил губернатора Галлиполи у Паксоса и сразился с ним еще до рассвета. Высокий адмирал в крамольном дублете, стоящий на носу корабля, в течение полутора часов руководил ходом боя, держа в руке шпагу - легкая добыча для снайперов, о чем ему напомнила рана в колено. После тяжелой борьбы двенадцать галер противника были захвачены и с триумфом доставлены в Мессину. Теперь Барбаросса был очень нужен, и в мае 1537 года он отплыл со ста тридцатью пятью галерами, чтобы отомстить за нанесенное оскорбление. Целый месяц он опустошал Апулийское побережье, как мор, и унес десять тысяч рабов, в то время как Дориа с гораздо меньшими силами беспомощно лежал на дорогах Мессины. Турки хвастались, что скоро поставят своего папу, когда началась война с Венецией, и их отвлек от опустошения Италии приказ султана осадить Корфу. Ионические острова всегда были предметом раздора между турками и их соседями, и война с Венецией, естественно, началась с нападения на Корфу. Сенат как можно дольше закрывал глаза на назначение огромных вооружений, покинувших Константинополь весной: Предполагалось, что их целью будет Тунис или, возможно, Неаполь. Но теперь их не обманули, и 25 августа капитан-паша Барбаросса высадил двадцать пять тысяч человек и тридцать пушек под командованием Лютфи-паши в трех милях от крепости Корфу. Через четыре дня к прибывшим присоединился великий везир Аяс с двадцатью пятью тысячами человек и блестящим штабом, а легкие войска акынджи разили всех огнем и мечом. За три дня пятидесятифунтовые орудия сделали девятнадцать выстрелов, но только пять попали в крепость: турки стреляли слишком высоко, и многие из их снарядов безвредно падали в море. Несмотря на бурю и дождь, Великий везир не переставал объезжать окопы по ночам. Сулейман предложил либеральные условия капитуляции, но осажденные отправили назад своего гонца, так и не получив ответа. Александр Трон с ужасающей точностью стрелял из больших пушек крепости. Две галеры были быстро потоплены, четыре человека были убиты в окопах одним выстрелом - новый и тревожный опыт в те ранние дни артиллерии - четыре раза форт Сант-Анджело был атакован безрезультатно; приближалась зима, и султан решил снять осаду. Напрасно Барбаросса твердил: "Тысяча таких замков не стоит жизни одного его храбреца", - сказал султан, и 17 сентября войска начали отступать.^[34]

Затем началась сцена опустошения, свидетелями которого греческие острова становились слишком часто, - не только от турок, но и от генуэзцев и венецианцев, которые также приплывали на архипелаг за своими гребцами, - но, пожалуй, никогда в таких масштабах. Бутринто был сожжен, Паксос завоеван, а затем Барбаросса огнем и мечом пронесся по всей Адриатике и Архипелагу. С семьюдесятью галерами и тридцатью галеотами он

свирепствовал на островах, большинство из которых принадлежало знатным венецианским семьям - Веньеры, Гриспи, Пизани, Квирини. Сира, Скирос, Эгина, Парос, Наксос, Тенос и другие венецианские владения были разгромлены, а тысячи их жителей унесены, чтобы тянуть турецкое весло. Наксос внес пять тысяч долларов в качестве дани за первый год; Эгина предоставила шесть тысяч рабов. Много трофеев Барбаросса привез домой в Стамбол, богатства которого, несомненно, наполнили его самого и султана, если не "общую казну". Четыреста тысяч золотых, тысяча девушек и пятнадцать сотен мальчиков были полезными ресурсами, когда он вернулся, чтобы "потереть свой лик о королевское стремя".[35] Двести мальчиков в алом, несущих золотые и серебряные чаши; еще тридцать - с кошельками; двести - со свертками тонкой ткани: таков был подарок, с которым верховный адмирал явился к султану.

В то время гений Сулеймана был занят тремя различными делами: он вел кампанию в Молдавии; его Суэцкий флот - новинка в османской истории - вторгся в Индийский океан, не добившись, правда, ощутимых результатов (если не считать трофея из индийских ушей и носов), кроме завоевания Адена на обратном пути, но все же это был заметный подвиг, доставивший беспокойство португальцам в Гуджерате; а его верховный адмирал планировал уничтожить морскую мощь Венеции.

Летом 1538 года Барбаросса вышел в море, и вскоре под его командованием было уже сто пятьдесят кораблей. Для начала он собрал гребцов и дань с островов, двадцать пять из которых теперь были переведены из венецианского подданства в турецкое, а затем опустошил восемьдесят деревень в Кандии. Тут пришло известие, что объединенный флот императора, Венеции и папы римского крейсирует в Адриатике, и капитан-паша поспешил ему навстречу. С ним был весь отряд корсаров. Вокруг его флагмана стояли галеры Драгута, Мурад-Реиса, Синана, Салих-Реиса с двадцатью египетскими судами и другие, всего сто и двадцать два военных корабля. Передовой отряд заметил часть врага у Превесы - турецкой крепости напротив мыса Арта или Актиум, где Антоний потерпел свое памятное поражение.

КОМПАС ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА.

(Жюрьен де ла Гравьер.)

Силы христиан были поистине ошеломляющими. Восемьдесят венецианских, тридцать шесть папских и тридцать испанских галер, вместе с пятьюдесятью парусными галеонами, составляли грозное целое из почти двухсот военных кораблей, а на их борту было едва ли меньше шестидесяти тысяч человек и две тысячи пятьсот орудий. Главнокомандующим был Дориа, а Капелло и Гримани возглавляли венецианский и римский контингенты. Барбаросса, к счастью, получил лишь неполные сведения о силах противника и поэтому смело продолжил свой северный путь вверх по Адриатике. Когда он достиг Превесы, объединенные флоты уже ушли на Корфу, и он смог беспрепятственно войти в просторный залив Арта, где все флоты мира могли спокойно стать на якорь и не преследовать его.

25 сентября союзные флоты появились у входа в залив, и тогда Барбаросса впервые осознал свою огромную удачу, оказавшись первым в заливе. Сражение в открытом море могло закончиться полным уничтожением его флота; но, находясь в просторной гавани, на дружественном побережье, за барьером, который не могли преодолеть более тяжелые корабли противника, он мог выжидать удобного случая и взять врага на мушку. Опасность заключалась в том, что Дориа мог высадить свои пушки и атаковать с берегов залива, и чтобы справиться с этим риском, некоторые турецкие капитаны настаивали на высадке своих людей и пытались возвести земляные укрепления для своей защиты; но огонь с христианских кораблей вскоре остановил этот маневр. Барбаросса не ожидал, что Дориа решится на высадку, и оказался прав. Старый адмирал Карла V вряд ли стал бы подвергать

свои корабли риску нападения турок, когда он лишил их людей и пушек, которые могли бы защитить их в одиночку.

Два флота настороженно наблюдали друг за другом. Дориа и Барбаросса наконец-то сошлись лицом к лицу для великой битвы, но, как ни странно, ни тот, ни другой не решались ее начать: Барбаросса осознавал серьезное численное превосходство; Дориа беспокоился за безопасность своих пятидесяти больших парусных судов, на тяжелую артиллерию которых он больше всего рассчитывал, но которые встречный ветер мог загнать на вражеский берег и уничтожить. В то время как его корабль, находившийся на крайнем левом фланге, имел под килем всего одну сажень воды. Каждый из них остро ощущал всю тяжесть своего положения, и даже чувство, что наконец-то наступил решающий день их долгого соперничества, не могло заставить их отказаться от политики благоразумия. Более того, речь уже не шла о доблести горячих юношей: Дориа, Барбаросса и Капелло были людьми почти семидесяти лет, и Дориа, конечно, уже не был тем человеком, каким был когда-то; политика испортила его.

Итак, два великих адмирала ждали и присматривались к силам друг друга. Выйдет ли Барбаросса? Или Дориа должен рискнуть пройти бар и силой вступить в схватку? Ни того, ни другого не произошло, но утром 27-го корсары протирали глаза, чтобы почувствовать, не спят ли они, когда увидели весь великолепный флот христианства, стоящий на якоре, медленно и величественно уплывающий прочь! Боялись ли христиане? Как бы то ни было, никто, даже Барбаросса, не мог теперь удержать турок. Они бросились в погоню, не думая и не заботясь о том, что, кроме проницательного капитана, это не было проделкой Дориа, чтобы поймать их на открытой местности. "Становитесь в строй", - приказал Барбаросса своим капитанам, - "и делайте то, что вижу я". Драгут занял правое крыло, Салах Реис - левое. Рано утром 28-го числа христианский флот был обнаружен на якоре при шквальном ветре у Санта-Мауры, в тридцати милях к югу. Дориа был совершенно не готов к такому быстрому преследованию и с тревогой наблюдал за длинной боевой линией из ста сорока галер, галеотов и бригантин, несущихся на него против ветра. Его корабли были разбросаны, так как паруса не поспевали за веслами, огромный венецианский карак Кондутьмиеро стоял на мели у Зуары, далеко позади, да и другие находились в не лучшем положении. Три часа Дориа колебался, а затем отдал приказ плыть на север и встретить врага. Кондутьмиеро уже был в яростной схватке, и вскоре его каракка превратилась в простое безрукое бревно, от мгновенного уничтожения ее спасли только огромные размеры и ужасные пушки, которые, хорошо нацеленные, низко на воде, чтобы получить *рикошет*, причиняли страшные бедствия атакующим галеонам. Два галеона были сожжены дотла, а их экипажи перебрались в шлюпки; третий, галеон Бокканегра, потерял грот-мачту и, пошатываясь, ушел покалеченным. Что было делать Дориа? Ветер теперь был в его пользу; враг был впереди: но Дориа продолжал лавировать и лавировать на расстоянии. Какую цель он преследовал, неизвестно: его коллеги Гримани и Капелло поднялись на борт его флагманского корабля, горячо возражали ему и даже умоляли его уйти и дать им возможность сразиться с собственными кораблями, но тщетно. Он склонялся к тактике, в то время как нужно было проявить мужество; и тактика проиграла. Корсары взяли, правда, всего семь галер и парусных судов, но они держали море. Вечером Дориа отплыл на Корфу, а за ним при штормовом ветре последовал весь союзный флот.[\[36\]](#)

НАБЛЮДЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ АСТРОЛЯБИИ.

(Жюрьен де ла Гравьер.)

Итак, великая дуэль между морскими противниками так и не состоялась. Барбаросса был готов, но Дория сдержался: он предпочел показать свое мастерство, а не храбрость. В результате турки одержали победу, причем значительную. Двести великолепных кораблей трех великих христианских государств бежали перед неполноценными силами османов, и неудивительно, что султан Сулейман, узнав об этом в Ямболи, осветил город и добавил к доходам завоевателя сто тысяч аспер в год. Барбаросса еще раз доказал всему миру, что турецкий флот непобедим. Флаг Сулеймана развевался над всеми водами Средиземного моря.

ССЫЛКИ:

[33] См. *"История Турции"*, 195.

[34] Von Hammer, *Gesch. d. Osm. Reiches*, ii. 142.

[35] Хаджи Халифа, 58.

[36] Jurien de la Gravière, *Doria et Barberousse*, Pt. II., ch. xlii.-xlv.; Hājji Khalīfa, 62; Von Hammer, ii. 155; Morgan, 290.

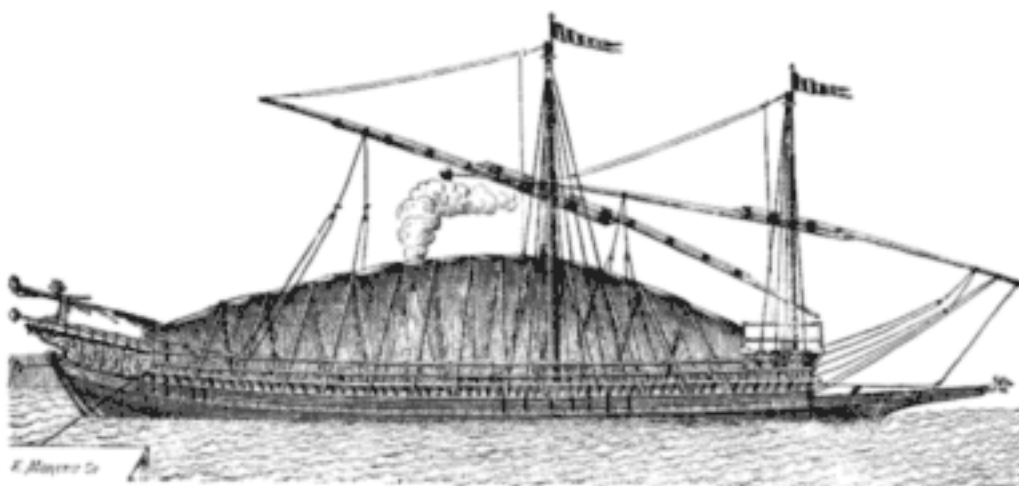
Х.

БАРБАРОССА ВО ФРАНЦИИ.

1539-1546.

Жизнь Барбароссы подходила к концу, но за оставшиеся восемь лет он укрепил свою и без того непревзойденную славу. Первым его подвигом после Превезы стало взятие Кастельнуово, которое союзные флоты захватили в октябре в качестве некоторой компенсации на суше за свое унижение на море. Турецким войскам не удалось вернуть крепость в январе 1539 года; но в июле Барбаросса, как обычно, отправился на фронт с флотом из двухсот галер, больших и малых, и со всеми своими лучшими капитанами; и после нескольких очень красивых боев в заливе Каттаро, высадил восемьдесят четыре своих самых тяжелых орудия и обстрелял Кастельнуово с трех хорошо расположенных батарей. 7 августа в результате кровопролитного штурма была захвачена первая линия обороны; через три дня губернатор дон Франсиско Сармьенто с горсткой испанцев сдался окончательному штурму и с удивлением обнаружил, что его рыцарски уважают как почтенного врага. В ходе осады погибли три тысячи испанцев и восемь тысяч турок.

Еще одна кампания - и подвиги Барбароссы закончились. Великие события происходили на алжирских берегах, куда мы должны вернуться после слишком долгого отсутствия в Леванте и Адриатике: но сначала следует пренебречь порядком лет, чтобы мы могли увидеть последнего из самых знаменитых корсаров. Чтобы загладить вину за холодность Генриха VIII, Франциск I в 1543 году заключил союз с другой великой морской державой, Турцией, против императора; и старый морской скиталец действительно привел свой флот из ста пятидесяти кораблей к Марселю. Французские капитаны отсалютовали корсарскому *капитулу*, и знамя Богоматери было спущено, чтобы его заменил полумесяц. Французский адмирал мог бы назвать это "нечестивым союзом". По пути Барбаросса совершил набег в своем прежнем стиле; сжег Реджио и увез дочь губернатора; появился у Тибра и привел в ужас жителей Чивита-Веккья; а в июле с триумфом вошел в Лионский залив. Здесь он нашел молодого герцога Энгиенского, Франсуа де Бурбона, командующего французскими галерами, который принял его со всеми почестями и церемониями.

ГАЛЕРЕ НА ЯКОРЕ.

(Жюрьен де ла Гравьер.)

Барбаросса едва успел прибыть на место, как обнаружил, что его великая экспедиция была всего лишь глупой затеей. Король Франции боялся предпринимать серьезный поход против императора, и ему уже было стыдно за союз с мусульманами: его собственные подданные, да и вся Европа, плакали от стыда. Барбаросса пунцовел от ярости и рвал свою белую бороду: не для того он проделал с огромным флотом весь путь от Стамбола, чтобы стать посмешищем. Очевидно, нужно было что-то сделать, чтобы удовлетворить его честь, и Франциск I неохотно отдал приказ об обстреле Ниццы. В сопровождении слабого и плохо подготовленного французского контингента, у которого вскоре закончились боеприпасы - "Прекрасные солдаты, - кричал корсар, - набивают свои корабли бочками с вином, а бочки с порохом оставляют позади!" - Барбаросса обрушился на ворота Италии. Город вскоре сдался, но форт устоял, его защищал один из непобедимых врагов турок, мальтийский рыцарь Паоло Симеони, который сам побывал в плену у Барбароссы; и так как французы протестовали против разграбления города после капитуляции на условиях, а армия Карла продвигалась, лагеря были разбиты в смятении, а флоты отступили от Ниццы.

Той зимой жители Тулона наблюдали странное зрелище. Прекрасная гавань Прованса была отведена турецкому адмиралу под зимнюю стоянку. Там стоял на якоре огромный флот Великого Синьора, и кто знал, как долго он сможет властвовать над самой прекрасной провинцией Франции? Мусульмане в тюрбанах расхаживали по палубам и мостику, внизу и рядом с которыми сотни христианских рабов сидели, прикованные к скамьям, и были жертвами ударов боцмана. Французы были вынуждены беспомощно наблюдать за происходящим, в то время как французы стонали на галерах неверных в безопасности французского порта. Пленники умирали сотнями от лихорадки в течение той зимы, но христианские похороны им не разрешались - даже колокола, созывающие благочестивых на мессу, были заглушены, ибо не являются ли они "музыкальным инструментом дьявола"?[37] - а пустоты в скамьях заполнялись ночными набегами на соседние деревни. В окрестностях Тулона было плохо спать, когда за границей орудовали корсарские банды. А кормить и платить этим хищным союзникам было задачей, которая почти разоряла финансы Франции.

Французы не были уверены в верности корсара, и надо добавить, что у императора были причины сомневаться в честности Дориа. Два величайших адмирала эпохи находились в Западном Средиземноморье, но ничто не могло склонить их к ссоре. Дело было в том, что каждому из них грозила большая потеря репутации, и каждый предпочитал сойти в могилу с незапятнанной славой. Франциск I подозревал, что Барбаросса подумывает о сдаче Тулона императору, и, как ни невероятно это было, некоторую окраску беспокойству короля

придавали дружеские отношения, которые, казалось, существовали между генуэзским корсаром и его барбарийским соперником. Дориа отдал пленного Драгута своему старому капитану за выкуп в три тысячи золотых крон - сделка, о которой он впоследствии вспоминал с нескрываемым сожалением. Ситуация с каждым днем становилась все более неприятной для Франции. С удобной позиции в Тулоне Барбаросса отправлял эскадры под командованием Салыха Реиса и других командиров опустошать берега Испании, а сам "лениво занимался опустошением казны французского короля".

Наконец от него избавились. Франциск был вынужден обеспечивать жалованьем и пайком все экипажи и войска османского флота вплоть до их возвращения в Босфор; он должен был освободить четыреста магометанских рабов-галер и доставить их Барбароссе; он нагрузил его драгоценностями, шелками и другими подарками; корсар отбыл по-корсарски, обвешанный добычей. Его плавание на родину было долгим изматыванием итальянских берегов; его галера плыла, нагруженная людьми, а прибытие в Константинополь стало сигналом к заполнению всех гаремов великих пашей прекрасными невольницами. Барбаросса, нагруженный такими дарами, был уверен в своем приеме.

Через два года он умер, в июле 1546 года, стариком, которому, возможно, было около девяноста лет, так и не пережив своей великой славы. "Доблестный, но благоразумный, яростный в атаке, предвидящий в подготовке", он считается первым морским капитаном своего времени. "Морской вождь мертв", выраженное тремя арабскими словами, дает числовое значение 953 - год хиджры, в котором умер Хейр-эд-дин Барбаросса.

Долгое время после этого ни один турецкий флот не выходил из Золотого Рога без того, чтобы его команда не повторила молитву и не произвела салют над могилой в Бешикташе, где покоятся кости первого великого турецкого адмирала.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[37] См. S. Lane-Poole, *The Speeches and Tabletalk of the Prophet Mohammad*, 168.

XI.

КАРЛ В АЛЖИРЕ.

1541.

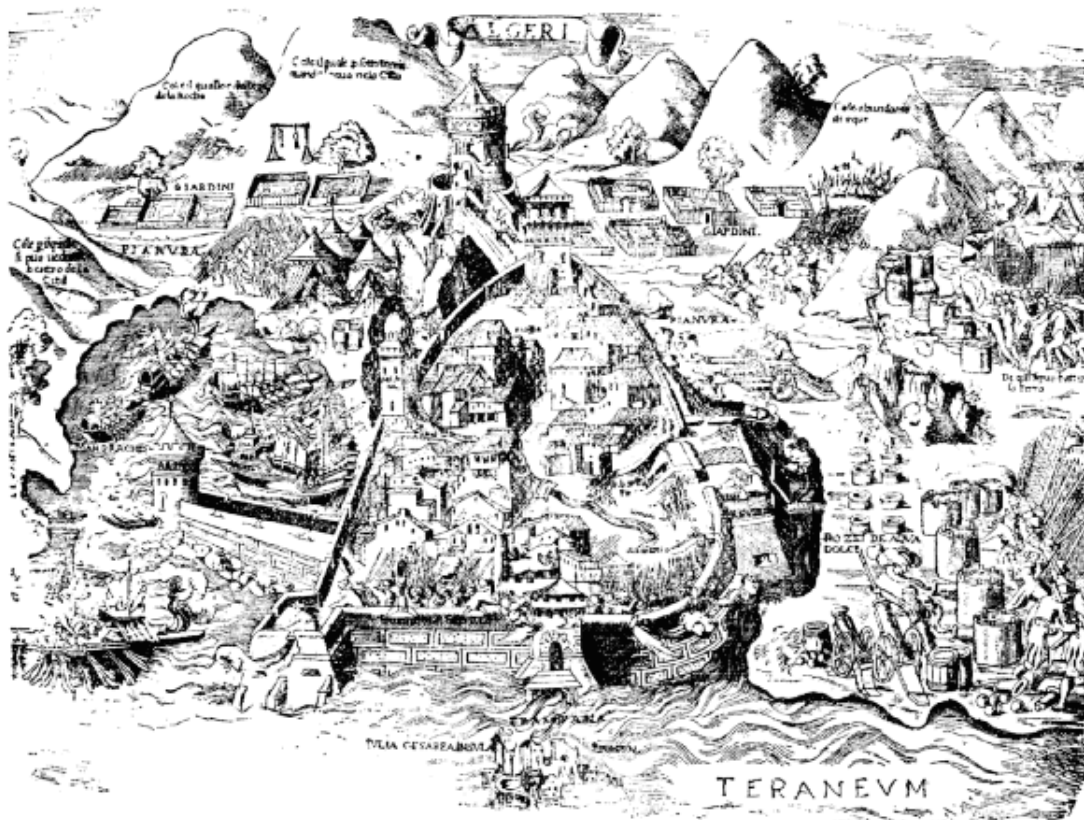
Когда в 1535 году Барбаросса навсегда покинул Алжир, чтобы стать верховным адмиралом Османской империи, корсары, конечно, потеряли своего вождя; но за его спиной осталось так много его капитанов, что игра в морские бродяги продолжалась так же весело, как и прежде. Их грабежи были столь свирепы и беспощадны, что жители Италии, Испании и островов начали сожалеть о внимании столь благородного разбойника, как Барбаросса. Его

преемником или вице-королем в Алжире стал сардинский ренегат Хасан Евнух; но главными командирами на море были Драгут, Салых Рейс, Синан и другие, которые, когда их не призывали присоединиться к флоту капитан-паши, занимались пиратством у барбарийского побережья. Драгут (правильно Торгуд) творил безмерные бедствия в Архипелаге и Адриатике, захватывал венецианские галеры и опустошал берега Италии, пока не был пойман Джаннеттино Дориа, племянником великого адмирала, когда тот, ничего не подозревая, занимался дележом добычи на сардинском побережье (1540). Раздраженный тем, что его огромную империю постоянно преследуют столь беззаконные и ничтожные враги, Карл Император решил раз и навсегда покончить с торговлей корсаров. В 1535 году он покорил Тунис, но пиратство все еще продолжалось. Теперь ему предстояло схватиться с главой и фронтом этого преступления и завоевать Алжир.

Он не опасался за результат: город корсаров падет при одном только виде его огромной флотилии, и с этой тщеславной уверенностью он отправился в путь в октябре 1541 года. Он даже взял на борт испанских дам, чтобы те посмотрели на его триумф. Сезон для высадки на африканском побережье закончился, и все понимали, что шанс добиться чего-либо до того, как зимние штормы оградят побережье от любого плавучего врага, более чем сомнителен; но "испанцы обычно двигаются с серьезностью"; кроме того, Карл задержался в течение напряженного лета из-за своих проблем в Германии и Фландрии, и не мог вырваться раньше.

Теперь, наконец, он был свободен и, несмотря на убедительные уговоры Дориа и уговоры папы, отправился в Алжир. Все давно было готово - месяц, полагал он, на воле завершит дело, - короче говоря, он поедет. В Специи он сел на флагманский корабль Дориа; герцог Алва, кровавой памяти, командовал войсками, многие из которых были привезены самим императором с немецких гор. Неудача преследовала их с самого начала: шторм, нередкое явление с наступлением ноября, загнал корабли обратно в укрытие на Корсике. В конце концов море утихло, и флот, подбирая союзников на ходу, осторожно пробирался к суше до самой Менорки, где мистраль, ужас моряков, обрушился на огромную армаду - мачты накренились, верфи треснули, паруса были изорваны в лохмотья, и ничего не оставалось, как грести, грести, спасая свои жизни и жизнь Карла. Они были всего в семи милях от Порт-Магона, но на победу ушла половина ночи - бесконечной ночи, которую изнемогающие экипажи никогда не забудут.

В бухте Пальма на Майорке собрался флот. Здесь были сто парусников императора с немецкими и итальянскими войсками, которыми командовали такие исторические личности, как Колонна и Спиноза; сицилийские галеры Фернандо Гонзаго, а также сто пятьдесят транспортов из Неаполя и Палермо; Пятьдесят галер Бернадино де Мендосы, двести транспортов с оружием и артиллерией, корпус джентльменов-авантюристов, набранных из рыцарства Испании, среди которых был только один, поднявшийся из рядов, - но это был Кортес, завоеватель Мексики. Более пятисот парусов, на которых находилось двенадцать тысяч человек, и сухопутный десант из двадцати четырех тысяч солдат, вошли в Алжир 19 октября 1541 года.

ОСАДА

АЛЖИРА, 1541 ГОД.

(По карте, хранящейся в Британском музее.)

Наконец-то великий император взглянул на пиратскую метрополию. На скалистом мысе, образующем западный гребень бухты-полумесяца, высоко в амфитеатре холмов, ярус за ярусом, в узких тенистых переулках, грелись под осенним солнцем дома корсаров, увенчанные крепостью, знавшей владычество двух Барбароссов. Справа находился мол, который испанские рабы построили из руин испанского форта. На юг и север выходили двое ворот - Баб-Азун и Баб-эль-Вед.

Обойдя мыс Кашина, галеры со спущенными парусами причалили к низкому берегу, поросшему роскошной зеленью, к югу от города и вдали от него, в месте, которое до сих пор называется "Сад эссе". Сильная волна мешала высадке в течение трех дней, но 23-го числа, в прекрасную погоду, войска высадились. Берберы и арабы, выстроившиеся вдоль берега и бросившие вызов захватчикам, поспешно отступили перед пушками галеры, и испанцы высадились без сопротивления. На следующий день они начали марш к городу, расположенному в нескольких милях от них. Испанцы образовали левое крыло на склоне холма; император и герцог Алва с немецкими войсками составили центр; итальянцы и сто пятьдесят мальтийских рыцарей шли справа по берегу моря. Оттеснив отряды конных арабов, которые устраивали засады среди скал и оврагов и перебили множество христиан, захватчики упорно продвигались вперед, пока Алжир не был обложен со всех сторон, кроме северной. Казалось, его судьба предрешена. Короткий обстрел из тяжелых пушек Карла, и испанцы ворвутся в пролом и возьмут цитадель штурмом. Хасан Ага, внутри которого находилось всего восемьсот турок и, возможно, пять тысяч арабов и мавров, должно быть, почти сожалел о гордом ответе, который он только что дал на призыв императора сдаться.

Затем, когда казалось, что конец близок, на помощь пришли силы природы. Звезды в своих курсах сражались за Алжир: шли дожди, дули ветры и били по армии, пока несчастные

солдаты, не имея ни палаток, ни плащей, почти без еды - ведь выгрузка запасов едва началась, - простояв всю ночь по колено в слякоти на этой языковой земле, промокнув до нитки, замерзнув под проливным дождем и злущим ветром, готовы были упасть от усталости и страданий. Когда рассвело, они с трудом противостояли порывистому ветру; их порох был насквозь мокрым, а внезапная атака турок вызвала в рядах панику, для подавления которой потребовалось все мужество и хладнокровие мальтийских рыцарей. Наконец враг был выбит из окопов и преследуем, ведя стычки до самого Баб Азуна. Казалось, что преследователи и преследуемые войдут вместе; но ворота были мгновенно заперты, и один смелый мальтийский рыцарь едва успел ударить кинжалом в ворота, чтобы бросить вызов гарнизону, как христиане оказались под таким сильным огнем с крепостных стен, что были вынуждены отступить: мальтийские рыцари, последние из всех, их алые дублеты блестели как свежая рана, и их лица были обращены к врагу, прикрывали отступление.

Затем Хасан вывел из ворот своих лучших всадников, и, вбивая каблуки в бока лошадей, туча мусульман хлынула вниз с холма. Мальтийские рыцари перенесли удар с железной стойкостью, хотя и понесли большие потери. Итальянцы спасались бегством. Немцы, которых Карл поспешно отправил на помощь, вернулись на двойную, не выхватив меча. Сам император облачился в доспехи, вскочил на коня и с мечом в руке бросился в гущу беглецов, пылкими упреками сумев склонить их к бою. "Вперед, господа, - обратился он к окружающим вельможам, - вперед!" И вот он снова вывел на поле боя свои удрученные войска; на этот раз паническая тревога рядовых была подавлена и изгнана хладнокровным мужеством кавалеров, и турки были загнаны обратно в город. Эта стычка стоила ему трехсот человек и дюжины мальтийских рыцарей. Весь тот день император и его офицеры, все великие синьоры, стояли у оружия под проливным дождем, с сапог сочилась вода, и были бдительно настороже.

Если бы Карл сейчас во что бы то ни стало направил свои корабли к берегу и подтащил тяжелый осадный обоз, склады, палатки и боеприпасы, все еще могло бы быть выиграно. Но несколько драгоценных дней были потрачены впустую, а утром 25-го поднялся такой шторм, с каким редко сталкиваются моряки даже у такого побережья - жестокий ураган северо-восточного направления, до сих пор известный в Алжире как "шторм Карла" - такой, что мало кто из кораблей решался уходить с подветренного берега. Огромная флотилия в бухте была на расстоянии одного туза от полного уничтожения. Якоря и тросы были бессильны удержать переполненные, толкающиеся корабли. Один за другим они отрывались от борта и бросались в шторм, пока их палубы не утопали в море. Доски проломились, беспомощные громадины столкнулись бок о бок. Многие экипажи в безумии бросались на берег. За шесть часов затонуло сто пятьдесят кораблей. Гребцы галеры, измученные работой на веслах, наконец сдались, и пятнадцать кораблей прибило к берегу, где их встретили берберы с холмов, которые пронзили копьями несчастных моряков, потерпевших кораблекрушение, как только они достигли суши.

Самый ужасный день должен был закончиться: на следующий день шторм утих, и Дориа, которому удалось вывести в море большую часть флота, вернулся, чтобы посмотреть, что за новое безрассудство затеяно. Он был возмущен императором за то, что тот отверг его советы и вверг флот и армию в такую опасность; он был отвратителен своим капитанам, которые совершенно потеряли хладнокровие во время урагана и хотели скорее вывести свои корабли на берег с уверенностью в крушении, чем переждать бурю, и при этом называли себя моряками!

Он обнаружил, что Карл полностью осознает необходимость временного отступления, пока армия не будет приведена в порядок и переодета. Лагерь был разбит: сам император

наблюдал за операцией, стоя у дверей своего шатра в длинной белой рясе и тихо шепча утешительные слова христианина: "Да будет воля Твоя" - *Fiat voluntas Tua!* Багаж и снаряжение были брошены, лошади полевой артиллерии были съедены голодными солдатами, а затем начался марш.

Отступать вообще - унижение, но отступать так, как отступала эта незадачливая армия, - агония. Глубокая грязь забивала их усталые ноги; когда объявлялся привал, они могли лишь опираться на алебарды, лечь - значит задохнуться в грязи; горные потоки, вздувшиеся по грудь, нужно было переходить, людей вброд смывало, пока они не построили грубый мост - венец унижения! - из обломков своих собственных кораблей. Хасан и множество турок и арабов вечно висели на их флангах. Обессиленные итальянцы, у которых не было сил на такую работу, часто попадали в руки преследователей; немцы, которые ничего не могли сделать без своей привычной внутренней начинки, были просто *помехой*; и только худой испанец прикрывал отступление, проявляя природное мужество.

Наконец удрученная армия достигла бухты Темендефуст (Матифу), где на якоре стояли остатки флота. Было решено, ввиду приближения зимы и невозможности отправлять припасы для армии в штормовую погоду, снова встать на якорь. Кортес тщетно протестовал: военный совет согласился, что уже слишком поздно, чтобы предпринимать попытки возмездия. Тогда возникла новая трудность: как найти место во флотилии, потерявшей почти треть своих кораблей, для армии, которая была всего на пару тысяч меньше, чем при высадке? С сожалением Карл отдал приказ бросить лошадей в море, и, несмотря на уговоры хозяев, любимых возниц бесценной породы зарезали и выбросили за борт. Знаменитая порода испанских лошадей была практически уничтожена. Это была еще одна трагедия. 2 ноября большая часть войск была на борту. Карл решил последним покинуть берег, но ветер усиливался, море поднималось, и наконец он отдал приказ бросить якорь. В Алжире часто рассказывают историю о том, как великий император, который хотел бы держать Европу на ладони своей руки, с грустью снял корону со своей головы и, бросив ее в море, сказал: "Иди, безделушка: пусть какой-нибудь более удачливый принц выкупит и наденет тебя".

Он отплыл не медля ни минуты. Разразился новый страшный шторм. Корабли носило то туда, то сюда. Где их гнала буря, там они беспомощно блуждали, и многие люди погибли от голода и жары. Некоторые из испанских кораблей потерпели крушение в Алжире, а их экипажи и войска были отправлены в Баньос. Сам Карл и Дориа с частью флотилии благополучно прибыли в Бухейю - в то время испанский форпост. Здесь нежданные гости вскоре вызвали голод, и буря продолжала бушевать. Полуголодные гребцы тщетно пытались пробиться к волнам и доставить императора обратно в Испанию: через восемьдесят миль они сдались, и корабли уныло вернулись в гавань. Двенадцать дней и ночей шторм ворчал у коварного побережья, и только 23 ноября императорский флот смог отплыть к берегам Испании.

В тот праздник в Кастилии царил траур. Кроме восьми тысяч рядовых и офицеров, триста родовитых офицеров пали жертвами шторма или мавританского копья. Алжир кишел пленными христианами, и стало общим местом, что раб-христианин едва ли может стать достойным обменом на лук.

Так закончилась эта знаменитая экспедиция. Она началась со славы, а закончилась позором. Все христианство, можно сказать, - ведь в армии были английские рыцари, такие как сэр Томас Чаллонер, а также немцы, французы, испанцы и итальянцы, - отправилось уничтожить гнездо пиратов, и вот, под гнетом стихий и по глупости своих собственных советов, они сами едва не были уничтожены. Они оставили после себя корабли, людей,

запасы и пушки: хуже того, они оставили Алжир более сильным и непокорным, чем когда-либо.

Алжирцы, в свою очередь, никогда не забывали о доблести рыцарей Мальты, и место, где они стояли, до сих пор называется "Могилой рыцарей". Высоко на склоне холма можно увидеть "Императорский замок", который обозначает традиционное место, где был установлен большой шатер Карла утром рокового 23 октября.

"Климат Африки, - язвительно заметил адмирал Жюрьен де ла Гравьер, - явно не подходит для рыцарских подвигов".

XII.

ДРАГУТ РЕПС.

1543-1560.

Имя Драгута уже не раз встречалось в этой истории: ему суждено было стать таким же печально известным, как имя Барбароссы, по мере того как продвигался век. Драгут - или

Торгуд - родился на Караманском побережье напротив острова Родос. В отличие от многих своих коллег он был сыном магометанских родителей, землепашцев. Будучи авантюристом по натуре, он еще мальчиком поступил на службу в турецкий флот и стал "хорошим лоцманом и отличным стрелком". В конце концов ему удалось купить и завести галеот, на котором он путешествовал по водам Леванта, где его близкое знакомство со всеми берегами и островами позволило ему захватить и избавиться от многих призов. Хейр-эд-дин Барбаросса вскоре узнал о его подвигах и сердечно приветствовал его, когда тот приехал засвидетельствовать свое почтение в Алжир, причем настолько, что поручил ему руководство различными экспедициями и в конце концов назначил его своим лейтенантом с командованием двенадцатью галерами. "С тех пор ни одного лета не проходило без опустошения берегов Неаполя и Сицилии, и ни одно христианское судно не пыталось пройти между Испанией и Италией, ибо если ему предлагали это сделать, он непременно срывал их, а когда упускал добычу в море, возмещал ущерб, спускаясь вдоль побережья, грабя деревни и города и уводя в плен множество жителей."[\[38\]](#)

ЗАМОК ДЖЕРБА.

(Элизе Реклю.)

В 1540 году, как мы уже видели, Драгут был пойман Джаннеттино Дориа, который сделал его подарком своему великому родственнику Андреа, на галерах которого он был вынужден работать в цепях. Ла Валетт, впоследствии Великий магистр Мальты, который когда-то тянул весло пленника на кораблях Барбароссы и хорошо знал Драгута, однажды увидел, как бывший корсар напрягается на берегу галеры: "Сеньор Драгут, - сказал он, - *usanza de guerra!* Это обычай войны!" И пленник, вспомнив о бывшем ученичестве своего гостя, весело ответил: "*Y mudanza de fortuna* - перемена удачи!" Он не пал духом, и в 1543 году Барбаросса выкупил его за 3000 крон,[\[39\]](#) и сделал начальником галер западных корсаров. Тюремное заключение обострило его аппетит к христианам, и он с еще большим рвением, чем в былые времена, стал преследовать итальянские берега. Окруженный смелыми духами и командуя собственным флотом, Драгут овладел Средиземноморьем и даже рискнул захватить самого страшного из врагов - мальтийскую галеру, на которой нашел 70 000 дукатов, предназначенных для ремонта укреплений Триполи, принадлежавшего тогда "религии". Как пишет турецкий летописец, "Торгуд стал нарисованным мечом ислама".

Логово Драгута находилось на острове Джерба, который традиция связывает с лотосоедами, возможно, из-за пышного плодородия почвы. Жители Джербы, несмотря на простое

земледелие, были нетерпимы к контролю и часто не зависели ни от соседнего королевства Тунис, ни от какого-либо другого государства. Здесь, с их позволения или без него, Драгут занял свой пост, вероятно, в том самом замке, который Роджер Дориа, будучи владыкой острова, начал строить в 1289 году; а из широкого озера сзади выходили корсарские галеоты, чтобы разорять земли, находившиеся под защитой потомков Роджера Дориа. Не довольствуясь богатыми трофеями Европы, Драгут брал один за другим испанские форпосты в Африке - Сузу, Сфакс, Монастир - и наконец отправился покорять "Африку".

ОСАДА "АФРИКИ",

1390 ГОД.

(Из MS.)

В арабском языке нередки случаи, когда страна и ее столица называются одним и тем же именем. Так, Миср означал и до сих пор означает Египет и Каир; Эль-Андалус - Испанию и Кордову. Точно так же "Африка" означала для арабов провинцию Карфаген или Тунис и его столицу, которая сначала была не Тунисом, а последовательно Кайраваном и Махдией. На протяжении всего позднего средневековья название "Африка" применяется христианами к последнему городу. Именно здесь в 1390 году безвременно закончилась "великая и благородная авантюра". "Генуэзцы, - говорит Фруассар, - питали к этому городу сильную вражду; корсары часто следили за ними в море, а когда были сильнее, нападали на их корабли и грабили их, перевозя добычу в этот город Африки, который был и остается теперь их местом хранения и может быть назван их убежищем". Он был "сверх меры крепок, окружен высокими стенами, воротами и глубокими рвами". Рыцарство христианства вняло мольбам генуэзцев и жителей Майорки, Сардинии, Искьи и многих других островов, стонущих от разорения корсарами; герцог Бурбонский возглавил экспедицию (за счет генуэзцев), в которую вошли такие известные имена, как граф д'Овернь, лорд де Курси, сэр Джон де Вьенн, граф Эу и наш Генрих Бофорт; и в день св. Иоанна Крестителя, с большой помпой, с развевающимися знаменами и звуками труб, они отплыли на трехстах галерах в Барбарию. Прибыв в Африку, не без помех в виде шторма, они увидели город в форме лука, протянувшего руки к морю; высокими были его валы, а колоссальная башня, вооруженная каменными снарядами, охраняла гавань. Тем не менее рыцари высадились в добром сердце, после кубка греческого или мальмсейского вина, в бдение Дня Магдалины (22 июля), без

сопротивления, и каждый вельможа установил свой вымпел перед палаткой напротив крепости, с генуэзскими арбалетчиками справа. Здесь они пробыли девять недель. Сарацины не вступали в бой, но изводили врага своими скирмишерами, которые выпускали стрелы, затем опускались за свои мишени из каппадокийской кожи, чтобы избежать ответного залпа противника; затем, снова поднимаясь, метали свои копья со смертельной точностью. Что же оставалось делать? Герцог Бурбонский проводил время, сидя со скрещенными ногами перед своей палаткой; дворяне и рыцари пили отличное вино и ели; но было очень жарко и неудобно - штурм провалился, многие погибли; генуэзцы хотели вернуть свои галеры в порт до наступления осенних штормов; поэтому они собрали свой багаж и высадились, трубя в свои рога и бьют в барабаны от радости.[\[40\]](#)

ГРЕЧЕСКИЙ

ОГОНЬ.

(Из документального фильма).

СРЕДНЕВЕКОВОЕ

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ.

(Из РС.)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СНАРЯДЫ.

(Из MS.)

Это был город, который Драгут взял без боя весной 1550 года. Махдия тогда находилась в анархическом состоянии, ею управлял совет вождей, каждый из которых был готов предать другого, и никто не был обязан ни малейшей преданностью какому-либо королю, в первую очередь презируемому королю Туниса Хамиду, который сверг и ослепил своего отца Хасана, ставленника Карла V. Один из этих вождей ночью впустил Драгута и его веселых людей в город, и жители, проснувшись, обнаружили, что "Африка" находится во владении дерзкого корсара, чей красно-белый флаг с голубым полумесяцем развевался с крепостных стен.

Столь легкий триумф вызвал подражание всего христианства. Там, где герцог Бурбонский потерпел неудачу, Драгут добился значительного успеха. Дон Гарсия де Толедо мечтал затмить славу корсара. Его отец, вице-король Неаполя, папа римский и другие обещали свою помощь, и старый Андреа Дория принял командование. После долгих проволочек и консультаций большое количество войск было доставлено в Махдию и высажено 28 июня 1550 года. Драгут, хотя и знал о проекте, находился в море, опустошая Гenuэзский залив и выплачивая себе аванс за любые потери, которые христиане могли бы нанести в Африке: в городе командовал его племянник, Хисар Рейс. Когда Драгут вернулся, осада продолжалась уже месяц, но безрезультатно; мощный штурм был отбит с большими потерями для

осаждающих, которые все больше унывали. Корсар собрал отряд мавров и турок и попытался освободить крепость; но его засада провалилась, одновременный удар Хисара был отбит, и Драгут, видя, что ничего не может сделать, бежал в Джербу. Его отступление придало осаде новые силы, а смена атаки выявила слабые места в обороне. Энергичный штурм 8 сентября овладел стенами, завязался ожесточенный уличный бой, и сильный город "Африка" оказался в руках христиан.

Султан Сулейман Великий был мало доволен тем, что мусульманская крепость была взята штурмом войсками его союзника, императора. Карл ответил, что он сражался с пиратами, а не с вассалами султана, но Сулейман не заметил разницы и подчеркнул свое неодобрение, подарив Драгуту двадцать галер, которые вскоре оказались у христианских берегов. Причитания его жертв разбудили Дориа, которому посчастливилось застать корсара врасплох, когда тот смазывал кили в проливе за Джербой. Этот пролив был практически *тупиком*. Между островом и большим озером, лежащим за ним, море проложило узкий канал с северной стороны, по которому с осторожностью могли проходить легкие суда; но выходить из озера южной стороны означало плавание по болоту, и никто даже не помышлял о такой попытке. Дориа понял, что заманил врага в ловушку, и не спешил пускаться в плавание по отмелям и узкостям пролива. Он отправил в Европу радостные сообщения о своем триумфе и с осторожностью, как это было в его привычке, ждал развития событий.

Драгут, в свою очередь, не осмелился выступить против значительно превосходящих сил; его единственным шансом была уловка. Поэтому, набравшись смелости, он оборудовал небольшое земляное укрепление пушками и обстрелял противника, практически не причинив ему никакого вреда, кроме того, что заставил Дориа колебаться еще больше. Тем временем ночью, пока его маленькая батарея озадачивала врага, все было готово на южной оконечности пролива. Созвав несколько тысяч полевых рабочих, он приступает к работе; здесь прорыт небольшой канал, там в дело вступают катки, и через несколько часов его маленький флот благополучно переправлен в открытую воду на южной стороне острова. Отозвав своих людей с иллюзорной батареи, корсар направляется к архипелагу: по счастливой случайности он настигает по пути прекрасную галеру, которая доставляла новости о подкреплении, прибывшем в Дориа. Старый генуэзский адмирал так и не получает сообщение: он с изумлением трет глаза, гадая, что же случилось с плененным флотом. Никогда еще адмирал не был так жестоко обманут: никогда еще Дориа не проклинал проворных корсаров с большей яростью и лучшим основанием.

В следующем, 1551 году, Драгут попал в османский флот, которым тогда командовал Синан-паша. Ему надоели одиночные странствия, и он счел их слишком увлекательными: теперь он предпочитал охотиться парами. С полутора сотнями галер, десятью тысячами солдат и многочисленными осадными орудиями Синан и Драгут отплыли из Дарданелл - куда именно, не мог сказать ни один христианин. Они, как обычно, опустошили Мессинский пролив, а затем раскрыли место нападения, взяв курс на Мальту. Рыцари Святого Иоанна были вечной занозой в боку турок и еще большим раздражителем для корсаров, чьи корабли они, и только они, осмеливались брать в одиночку, и слишком часто с успехом. Султан и корсары одинаково стремились вытеснить рыцарей со скалы, которую они укрепляли двадцать лет, так же как Сулейман вытеснил их с Родоса, который они укрепляли двести лет. В июле турецкий флот появился перед Марсой, совершенно неожиданно для рыцарей. Турки высадились на мысе, разделяющем две большие гавани, где до сих пор не было форта Святого Эльма, который мог бы помешать им. Синан был ошеломлен мощным видом крепости Сант-Анджело на дальней стороне гавани и почти раскаялся в своей затее. Чтобы довершить свое уныние, он, похоже, пошел на неудачу. Вместо того чтобы смело бросить все

свои силы на маленький гарнизон и одолеть его всем весом, он попытался провести разведку и попал в засаду; после этого он легкомысленно отказался от всякой мысли об осаде и довольствовался тем, что опустошил внутренние районы Мальты и захватил соседний остров Гоза.

Количество добычи, которую он привезет в Константинополь, возможно, поможет ему сохранить голову на плечах после столь значительной неудачи; но Синан предпочел не полагаться на случай. Чтобы сгладить свое поражение, он отплыл прямо в Триполи, расположенный в шестидесяти четырех лигах от него. Триполи был естественным противоядием Мальте: ведь Триполи тоже принадлежал рыцарям Святого Иоанна - во многом против их воли, поскольку император поставил защиту этого самого восточного барбарийского государства в зависимость от владения Мальтой. До сих пор им не удавалось привести ее в надлежащее состояние, и, имея разрушающиеся крепостные стены и слабый гарнизон, они ежегодно ожидали вторжения. Теперь этот час настал. Призванный сдаться, комендант Гаспар де Вилье, уроженец овернского языка, ответил, что город был доверен ему, и он будет защищать его до смерти. У него было всего четыреста человек, чтобы удержать форт.

Шесть тысяч турок высадились на берег, было высажено сорок пушек, Синан сам руководил каждым движением, расставлял батареи и земляные укрепления. Сильная канонада не произвела никакого эффекта на стены, и турецкий адмирал вспомнил недавнее поражение на Мальте и суровое лицо своего господина, и его голова беспокойно опустилась на шею. Осада, похоже, не продвигалась. Возможно, и это предприятие потерпело бы неудачу, если бы не вероломство одного французского перебежчика, который сбежал в окопы и указал слабые места в стенах. Его совет был принят; стены рухнули; гарнизон в усталости и отчаянии прилег поспать своих бедах, и никакие упреки и удары не могли их разбудить. 15 августа Гаспар де Вилье был вынужден сдаться на условиях, как он считал, идентичных тем, которые Сулейман предоставил рыцарям Родоса.^[41] Но Синан не был Сулейманом; более того, он был в ярости против всего ордена. Он заковал гарнизон - всех, кроме нескольких человек, - в цепи и увел их, чтобы украсить свой триумф в Стамболе.

Так Триполи вновь оказался в руках мусульман, спустя сорок один год после его завоевания графом доном Педро Наварро.^[42]

На этом злоключения христиан не закончились. Год за годом в итальянских водах появлялся османский флот, возглавляемый то Синаном, то хорватом Пиали-пашой, но всегда с Драгутом во главе; год за годом берега Апулии и Калабрии отдавали мусульманским грабителям все больше своих сокровищ, своей молодости и красоты; но впереди было еще хуже. Не имея возможности справиться с турками на море, державы Южной Европы решили нанести еще один удар на суше и вернуть Триполи. Флот из почти сотни галер и кораблей, собранный из Испании, Генуи, "Религии", Папы, со всех сторон, с герцогом де Медина-Сели во главе, собрался в Мессине. Дориа был слишком стар, чтобы командовать, но его родственник, Джованни Андреа, сын любимого и погибшего Джаннеттино, возглавил генуэзские галеры. Судьба с самого начала казалась неблагоприятной. Пять раз экспедиция выходила в море, пять раз ее отгоняли назад встречные ветры.^[43] Наконец, 10 февраля 1560 года, она благополучно добралась до африканского побережья. Здесь ее ждали новые неприятности. Длительная задержка на переполненных судах привела к катастрофическим последствиям: лихорадка, цинга и дизентерия ужасно опустошали экипажи, а две тысячи трупов были выброшены в море. Осадить Триполи с больной армией было невозможно, и, когда цель была достигнута, адмиралы отдали приказ вернуться в Джербу.

Внезапный спуск быстро дал им возможность овладеть прекрасным островом. Арабский шейх, чей народ возделывал его, был готов платить дань как испанцу, так и корсару. Медина-Сели и его отряды без помех приступили к возведению крепости, достаточно сильной, чтобы противостоять осаждающему гению даже турок. За два месяца был построен крепкий замок со всеми научно обоснованными земляными сооружениями, и адмирал приготовился перевезти домой те войска, которые не были нужны для его защиты.

К несчастью для него, он слишком долго медлил. Он хотел довести оборону до конца и полагался на обычную практику турок - не выходить в море до наступления мая. Он уже собирался готовиться к отплытию, когда пришло известие, что турецкий флот был замечен в Гозе. Мгновенно все охватила паника. Доблестные господа забыли о своей доблести, забыли о своем хладнокровии, забыли о том, насколько сильные силы они собрали на море или на суше: одна мысль была превыше всего - турки настигли их! Джованни Дориа поспешил на борт и высадил своих генуэзцев; Медина-Сели более методично и с чем-то похожим на *sang froid* лично руководил высадкой своих людей; но не успели они выйти из пролива, где Драгуту так нелегко удалось избежать плена, как на них налетел сам грозный корсар, и Очиали, и Пиали-паша. Затем последовала сцена путаницы, не поддающаяся описанию. Отчаявшись преодолеть северную сторону Джербы, охваченные паникой христиане выгнали свои корабли на берег и бросили их, не останавливаясь даже для того, чтобы поджечь их. Глубоководные галеоны застряли на мелководье. Турки гребли дальше; галеасы и галеоны в количестве пятидесяти шести штук попали в их руки; восемнадцать тысяч христиан склонились перед их секирами; берег в то памятное 11 мая 1560 года представлял собой беспорядочное месиво из севших на мель кораблей, беспомощных пленников, турок, занятых грабежом людей и галер, и отвратительной груды растерзанных тел. Флот и армия, отплывшие из Мессины всего три месяца назад в столь галантном составе, были полностью потеряны. Это было *dies nefas* для христианства.

Медина-Чели и юный Дориа ночью совершили побег. Но когда старый генуэзский адмирал узнал страшную новость - гибель флота, который он любил, поражение племянника, которого он любил еще больше, - его тусклые глаза увлажнились. "Отведите меня в церковь, - сказал он, и вскоре получил последние утешения от религии. Сколько бы он ни прожил, сколько бы ни было превратностей в его великой карьере, он с готовностью избавился от этого последнего, самого жалкого переживания. 25 ноября 1560 года он расстался с жизнью: он был великим мореплавателем, но еще более страстным любителем своей страны; деспотичным в своей любви, но не менее благородным генуэзским патриотом.

ССЫЛКИ:

[38] Morgan, *Hist. of Algiers*, 439.

[39] Brantôme, *Hommes illustres étrangers*. Œuvres, i. 279.

[40] Хроника Фруассара, перевод. Т. Johnes (1844) ii. 446, 465, ff.

[41] См. "История Турции", 170.

[42] См. Jurien de la Gravière, *Les Corsaires Barbaresques*, 193-215.

[43] *Les Corsaires Barbaresques*, 266.

XIII.

РЫЦАРИ МАЛЬТЫ.

1565.

Когда султан Сулейман размышлял о великодушии, которое он проявил по отношению к рыцарям Родоса, позволив им уйти с миром в 1522 году, его чувства, должно быть, напоминали чувства Дориа, когда он думал о бесцеремонном освобождении Драгута в 1543 году. Безусловно, королевское милосердие было плохо вознаграждено; рыцари проявили необычную форму благодарности к спасителю их жизней; они посвятили себя ему, но посвятили себя его уничтожению. Кавалеры, которым Карл V позволил расположиться на белой скале Мальты в 1530 году, в течение короткого времени оказались столь же ядовитым и всепроникающим вредителем, как и Родос. У них было семь галер, и никогда больше, но все семь были королевскими судами, великолепно вооруженными и оснащенными, и каждая из них могла сравниться с двумя или тремя турецкими кораблями. [44]Каждый год они курсировали от Сицилии до Леванта, и многие корабли, груженные ценными товарами, доставлялись на Мальту. Торговля Египта и Сирии была под угрозой уничтожения; барбарийские корсары, даже сам Драгут, избегали встречи с красными галерами "Религии" или их черными *capitana*; а турецкий флот, хотя и удерживал неоспоримую власть над Средиземноморьем, не был достаточно проворным, чтобы удивить мальтийскую эскадру в ее стремительных и неисчислимых походах. Жан де ла Валетт Паризо, генерал галеасов и впоследствии Великий магистр, Франциск Лотарингский, Великий приор Франции, Ромегас, принц рыцарей-отступников, бороздили моря в поисках добычи: они были такими же настоящими пиратами, каких когда-либо настигал "белый шквал". Рыцари жили грабежом не хуже корсаров, но они сдерживали свой разбой рыцарством и преданностью; они были защитниками беспомощных и страждущих и охотились в первую очередь на врагов веры.

Тем временем они строили и строили; на центральном мысе возвышался форт Святого Эльма, укреплялись форты Святого Михаила и Святого Анджело; были искусно спланированы бастионы, придуманы фланкирующие углы, возведены рavelины и кавальеры, углублены рвы, подняты парапеты, открыты амбразуры, и все приемы фортификации шестнадцатого века, которые практиковал главный инженер ордена магистр Евангелиста, были пущены в ход. Ведь рыцари знали, что Сулейман жив и могуч как никогда. Их крейсеры наводили ужасный хаос на его подданных, и султан не собирался долго терпеть, чтобы шершни Родоса роились на Мальте. Они жили в постоянном ожидании нападения и тратили все свои силы и все свои деньги на подготовку ко дню султанской мести. Наконец время пришло: Сулейман в гневе поклялся, что злоумышленники больше не должны бросать ему вызов; он позволил им покинуть Родос как почетным джентльменам - он уничтожит их на Мальте, как сжигают осиное гнездо.

Во время осады 1565 года город или крепость Мальта располагалась не на западе, как сейчас Валетта, а на восточной стороне Марсы или большой гавани. Чтобы понять даже самое краткое повествование об одном из самых героических военных подвигов, которые видел мир, необходимо разобраться в расположении фортов. (На северном побережье скалистого острова гора Скеберрас отделяет два глубоких залива, или бухты, от скалистого мыса или изрезанного языка земли. Восточный из них назывался Марса Мусет, или "Средний порт", но во время осады он был незанятым и не имел защитных сооружений, за исключением того, что его устье прикрывали пушки крепости Святого Эльма, расположенной на мысе Скеберрас. Марса-Кебир, или просто Ла-Марса, "Большой порт", был главным опорным пунктом рыцарей. Здесь четыре выступающие скалы образовывали небольшие гавани с западной стороны. Самый крайний мыс, Пуэнт-де-Фурш, отделял Порт-де-ла-Ренель, или Ла-Аренелу, от открытого моря; мыс Сальвадор отделял Аренелу от Английской гавани; Бург, главная крепость и столица этого места, с фортом Св. Анджело на острове, простреливался между Английской и Галльской гаванью; а остров Ла Сангле, соединенный песчаным перешейком с материком и увенчанный фортом Святого Михаила, отделял Галльскую гавань от Ла Сангле. Вокруг этих заливов высокие холмы доминировали над портами. За фортом Святого Эльма Скеберрас круто поднимался на значительную высоту. За Аренелой и Английской гаванью возвышались горы Сальвадор, Калкара, а еще дальше - высоты Святой Екатерины. Бург и форт Святого Михаила возвышались над высотами Святой Маргариты, а плато Конрадин смотрело вниз на верховья Марсы и гавань Ла Сангле. Для современной артиллерии и инженерных войск осада была бы легкой, несмотря на каменистую твердость почвы, поскольку рыцари не успели построить на окружающих высотах полевые укрепления, необходимые для безопасности фортов. Даже для опытной, но неразвитой артиллерии турок разрушение Мальты не должно было быть ни сложной, ни длительной операцией, если бы они начали в правильном месте.

Для тех, кто был знаком с местностью, кто слышал об осаде Родоса и знал, что турки в 1565 году были не менее, а более грозными, чем в 1522 году, исход борьбы должен был казаться неизбежным, когда 18 мая 1565 года в поле зрения появился огромный османский флот. Сто восемьдесят судов, из которых две трети были королевскими галерами, несли более тридцати тысяч бойцов - отборную османскую армию, испытанных янычар и сипахов, всадников из Фракии, грубых воинов с гор Анатолии, жаждущих добровольцев со всех концов султанских владений. Мустафа-паша, состарившийся на войнах своего господина, командовал на суше, а Пиали был адмиралом флота. Драгут должен был немедленно присоединиться к ним, и султан приказал ничего не предпринимать до его прибытия.

Рыцари не оставались в неведении о готовящихся против них приготовлениях. Они обратились за помощью ко всей Европе, и Папа дал деньги, а Испания - обещания: вице-король Сицилии пришлет испанские подкрепления к 15 июня. Они неустанно трудились над обороной и делали все, что могли, чтобы противостоять наступающему штурму. В общей сложности они собрали всего семьсот рыцарей и от восьми до девяти тысяч наемников из разных народов, но в основном мальтийцев, которым можно было доверять только за стенами.

Ордену повезло с Великим магистром. Жан де ла Валетт, родившийся в 1494 году, рыцарь Святого Иоанна еще до совершеннолетия и защитник Родоса сорок три года назад, хоть и был уже пожилым человеком, в полной мере сохранил мужество и полководческий талант, благодаря которым его карьера командующего галерами вошла в анналы средиземноморских войн. Он был в плену у турок, знал их языки и способы ведения войны, а перенесенные страдания усилили его ненависть к неверным. Высокий, красивый мужчина со

спокойной решимостью, он передавал свой железный нерв всем своим последователям. Холодный и даже жестокий в своей суровости, он, тем не менее, был набожен и страстно предан своему ордену и своей вере. Настоящий герой, но рассудочный, безжалостный, фанатичный: не щедрый, безрассудный энтузиаст, который вдохновляет сочувствием и ярким примером.

Узнав, что день испытания близок, Жан де ла Валетт собрал весь Орден и велел им сначала примириться с Богом и друг с другом, а затем подготовиться отдать жизнь за Веру, которую они поклялись защищать. Перед алтарем каждый рыцарь поклялся во вражде, отказался от всех удовольствий, похоронил все амбиции и, соединившись в священном общении Вечери Господней, вновь посвятил свою кровь служению Кресту.

В самом начале пути турков постигло серьезное несчастье: Драгут опоздал на встречу на две недели. Его голос должен был подтвердить совет Пиали: высадить все войска и атаковать Бург и Святого Михаила с высот, расположенных позади. Мустафа, сераскир, был полон решимости уменьшить дальний форт Святого Эльма на мысе Скеберрас, прежде чем атаковать главную позицию, и, соответственно, высадил своих людей в удобное для него время из Марса-Мюзет и заложил свои земляные укрепления на стороне Святого Эльма. Не успел он приступить к работе, как прибыл Очиали с шестью галерами из Александрии, а 2 июня подошел и сам Драгут с несколькими галерами из Триполи и Бона. Драгут сразу же понял, что совершил ошибку, но также увидел, что отказ от осады Святого Эльма слишком сильно воодушевит рыцарей: работа должна продолжаться; и она продолжалась с беспримерным рвением.

Маленький форт мог вместить лишь небольшой гарнизон, но сила была *элитной*: Де Броглио из Пьемонта командовал им с шестьюдесятью солдатами, его поддерживал Хуан де Гуарас, пристав Негропонта, великолепный старый рыцарь, за ним еще шестьдесят человек из ордена и несколько испанцев под командованием Хуана де ла Серда: несколько сотен человек для тридцати тысяч турок, но люди не из простых. Ждать им пришлось недолго. В последний день мая огонь открыли двадцать одно орудие, и он продолжался с небольшими перерывами до 23 июня. Осаждающие были уверены, что смогут смять маленький форт максимум за неделю, но они не знали своих врагов. Как только одна стена рушилась под канонадой, за ней появлялась новая. Первый штурм продолжался три часа, и турки овладели равелином перед воротами; натиск был столь яростным, что защитники послали к Великому магистру сообщить, что положение неприемлемо и второго штурма они не выдержат. Ла Валетт ответил, что в таком случае он сам придет и выстоит: Сент-Эльмо нужно удержать, чтобы сдержать турок до прибытия подкреплений. Поэтому, конечно, они продолжили. Драгут привел несколько своих самых больших верфей и навел их как мост через озеро, и в течение пяти ужасных часов на мосту Драгута шла невероятная борьба. Снова и снова Мустафа собирал своих янычар для атаки, и каждый раз они были отброшены назад со смертельным исходом. За один штурм пало до четырех тысяч турок. От Сент-Эльмо осталась лишь груда развалин, но гарнизон по-прежнему стоял неустрашимый среди груды камней, каждый готов был дорого продать свою жизнь за честь Богоматери и Святого Иоанна.

Наконец турки исправили ошибку, допущенную ими в самом начале. Они оставили беспрепятственным сообщение между Святым Эльмом и гаванью, и подкрепления часто поступали в осажденную крепость из Бурга. 17 июня линия обвода была отодвинута к краю гавани, и Сент-Эльмо оказался полностью изолирован. Однако эта предусмотрительная мера предосторожности была с лихвой перекрыта тяжелыми потерями, сопровождавшими ее выполнение: Драгут был сбит с ног, когда руководил инженерами, и хирурги

констатировали смертельную рану. С хладнокровным мужеством своего народа Мустафа накинул плащ на распростертую фигуру и встал на место Драгута.

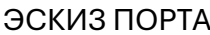
Через пять дней последовал последний штурм. Накануне, 23 июня, после того как всю первую половину дня гремела канонада, а рукопашная схватка продолжалась до вечера, когда пали две тысячи врагов и пятьсот человек из скудного гарнизона, рыцари и их воины приготовились к концу. Они знали, что Великий магистр не сможет их спасти, что ничто не сможет отвлечь неизбежный рассвет. Они приняли Таинство из рук друг друга и, "отдав свои души Богу, приготовились посвятить свои тела делу Его Благословенного Сына". В то июньское утро турок-завоевателей встречали изможденные и больные остатки самого гордого рыцарства, которое когда-либо знал мир: изможденные и изможденные лица, бледные от долгого бдения и открытых ран; шаткие фигуры, которые едва могли стоять; некоторые даже от слабости сидели в креслах, с вынутыми мечами, внутри пролома. Но изможденные и больные, стоящие или сидящие, все они несли себя с непоколебимым мужеством; на каждом лице читалась решимость умереть стойко.

Ужасная схватка вскоре закончилась: тяжесть турецкой колонны снесла все в своем яростном порыве. И рыцари, и солдаты валялись на земле, каждый дюйм которой они оспаривали до последней капли крови. Ни один человек не спасся.

Драгут услышал о падении святого Эльма, когда лежал в своей палатке, умирая, и с благодарным сердцем произнес мусульманское *Nunc Dimittis*. Он был сражен на солдатском посту; он умер с криком победы, звенящим в ушах, как хотел бы умереть каждый генерал. Его фигура выделяется среди всех людей его эпохи: адмирал, равный Барбароссе, превосходящий Дориа, генерал, способный вывести войска против любого из великих полководцев армий Карла V; он был доволен стремительным бегом своей жизни и не просил ни суверенитета, ни почестей. Гуманный к своим пленникам, веселый товарищ, вдохновляющий полководец, моряк до мозга костей, Драгут - самая яркая и оригинальная личность среди корсаров.

Святой Эльмо пал, но Святой Анджело и Святой Михаил остались нетронутыми. Триста рыцарей Святого Иоанна и тринадцать сотен солдат действительно пали в первой, но ее взятие оборвало жизни восьми тысяч турок. "Если ребенок обошелся нам так дорого, - сказал Мустафа, - то чего же будет стоить родитель?" Турецкий генерал послал в Ла Валетт флаг перемирия, чтобы предложить условия капитуляции, но тщетно. Взаимная неприязнь была доведена до высшей точки негодования варварской расправой над пленными с обеих сторон, каждая из которых была на виду у другой. Первым побуждением Великого магистра было повесить посланца таких врагов, но он одумался, и показал ему глубину рва, опоясывающего крепости-близнецы: "Пусть твои янычары придут и возьмут это", - сказал он и презрительно отстранил его.

Началась новая осада. Крепости к востоку от Ла-Марсы были сильно истощены, чтобы заполнить бреши в гарнизоне Святого Эльма, и к счастью, дон Хуан де Кардона смог отправить подкрепление, хотя и состоящее всего из шестисот человек, под командованием Мельхиора де Роблеса в Старый город, откуда они смогли благополучно добраться до форта Святого Михаила.^[45] Но даже шестисот человек существенно осложняли осаду: ведь, как известно, шестисот человек за искусно построенными укреплениями могут стоять шесть тысяч на открытой местности. Осаждающим было очень трудно найти укрытие. Земля представляла собой твердый камень, и рытье траншей было крайне тяжелой работой, а шум кирок направлял ночью огонь фортов на саперов. Тем не менее к 5 июля четыре батареи вели огонь по Сент-Майклу с высот Сент-Маргарет и Конрадин, а орудия форта Сент-Эльмо

Маргариты и направилась к бастиону, защищаемому Де Роблесом; третья выдвинулась от Конрадина на юго-запад и атаковала косой угол на крайней точке косы, на которой был построен форт. Тщетно турки взбирались по лестницам; рота за ротой падала вниз, представляя собой смятую массу растерзанной плоти, а лестницы были отброшены. Снова началась эскалада: рыцари обрушили огромные каменные глыбы на толпу внизу; когда они оказались на расстоянии вытянутой руки, скимитары не могли сравниться с длинными двуручными мечами христиан. Во всех трех местах после великолепной атаки, в которой проявились все лучшие качества великолепного воинства Сулеймана Великого, турки были отбиты с ужасными потерями. Рыцари потеряли несколько своих самых храбрых мечей, и каждый из них сражался как лев: но их погибших было мало по сравнению с несчастными войсками Барбарии, которые отрезали им путь к отступлению, бросив свои корабли, и были зарублены или утоплены в гавани сотнями. Вода была красной от их крови и пестрела штандартами, барабанами и развевающимися одеждами. Из пленных христиане пощадили только двоих, да и тех отдали на растерзание толпе.

После штурма по воде последовала атака минами, но результат был не лучше, так как рыцари не были новичками в искусстве подрыва, и попытка продвинуться дальше после взрыва закончилась тем, что они бросились в ловушку. Мустафа, однако, продолжал работать под землей и обстреливать из тяжелой артиллерии, почти не делая перерывов, два крайних рубежа линии сухопутной обороны - бастион Де Роблес и бастион Кастилия: к 27 июля оба были в руинах, поскольку Салых Рейс, сын старого товарища Барбароссы, убедился в этом, проведя рекогносцировку в самой брешии. Штурм был назначен на полдень 2 августа, когда христиане отдыхали после трудов знойного утра. Шесть тысяч турок в абсолютной тишине продвигались к бастиону Мельхиора де Роблеса; они уже почти достигли цели, когда крик часового привел к пролому этого доблестного рыцаря, которого сразу же разбудили, за ним последовали Муньятонес и три испанских аркебузира. Эти пять воинов сдерживали двадцать шесть янычар и сипаев, пока не подоспело подкрепление; пятнадцать из них они убили. Их доблесть спасла форт. Четыре часа продолжалась борьба, пока ни одна из сторон не смогла нанести еще один удар под яростным августовским солнцем; наконец турки отступили, потеряв шестьсот человек убитыми.

Ничуть не обескураженные, 7 августа они снова взбираются на стены и бросаются в проломы двух бастионов, на этот раз почти с двадцатью тысячами человек. Они перевалили через равелин, ворвались в пролом и уже были готовы взять форт. Все было почти потеряно, и в этот решающий момент даже престарелый Великий магистр, чье место - руководить, а не рисковать жизнью, спустился на передний край битвы и орудовал мечом и пикой, как простой солдат. Восемь долгих часов они сражались, шесть раз на помощь туркам приходили свежие резервы; христиане были измотаны, а резервов у них не было. Еще один бросок - и место будет взято.

В этот момент со стороны Старого города показалась конница. Турки приняли их за долгожданное подкрепление из Сицилии. Видно было, что они нападают на отряды турок; должно быть, это передовой отряд армии Филиппа. Пиали в тревоге бежит на свои галеры; турки, которые уже почти взяли долго оспариваемый бастион, в страхе замирают, чтобы не оказаться в тылу. Напрасно Мустафа, напрасно король Алжира показывает им, что всадников всего две сотни из гарнизона Старого города, а за ними нет никакой армии. Паника, беспричинная и смертельная, как всегда, овладевает войсками: плацдарм, завоеванный после восьми часов яростного боя, сдан с перепугу; ни один турок не остается, чтобы завершить победу. Не нужно было жертвовать жизнями двух тысяч погибших.

И все же Мустафа не отчаивался. Он знал, что основная оборона бастионов разрушена - еще несколько дней, мощная канонада, взрыв серии мин, которые готовили тысячи его саперов, обеспечат успех последнего штурма. Настал день, 20 августа, и сам Мустафа, в инкрустированном почтовом плаще и крамольном халате, повел свою армию вперед; но меткий огонь загнал его в траншею, откуда он выбрался не, пока ночь не скрыла его путь. Когда он наконец вернулся, то обнаружил свою армию в лагере; очередной штурм был отбит. На следующий день они снова подошли к роковым амбразурам, и на этот раз неудача была еще более серьезной; повторные отражения подкосили дух бойцов, и янычары-ветераны приступили к работе с непривычной неохотой. Тем не менее траншеи, вырубленные в твердой породе, продолжали медленно продвигаться вперед, и кавалерист за равелином был взят после тяжелой борьбы: он был взят как раз тогда, когда мины Ла Валетта подняли в воздух победоносных нападавших. 30-го числа была отбита еще одна хорошо спланированная атака. Еще одна попытка - последняя и отчаянная - должна была быть предпринята 7 сентября; но 5-го числа пришло известие, что испанская армия помощи, после немыслимых задержек и колебаний, высадилась на острове. Измученные турки не стали дожидаться разведки, они уже достаточно натерпелись: был отдан приказ об отступлении, осада была прекращена, сооружения, стоившие столько труда и крови, были заброшены, а на галерах началась всеобщая давка. Правда, они снова высадились на берег, когда узнали, что армия спасения насчитывает всего шесть тысяч человек; но силы покинули их. Они попытались сразиться с армией спасения, а затем снова побежали к кораблям. Испанцы перебили их, как овец, и из всего этого доблестного войска лишь пять тысяч человек остались в живых, чтобы рассказать о тех ужасных трех месяцах на Мальте.

Невозможно представить себе более трогательное зрелище, чем встреча новоприбывших братьев Ордена с их товарищами из форта Святого Михаила. Потрепанные остатки гарнизона насчитывали не более шестисот человек, и почти ни один человек не был ранен. Великий магистр и его немногие оставшиеся в живых рыцари выглядели как призраки из другого мира, настолько они были бледны и мрачны, бледны от ран, волосы и борода неухожены, доспехи испачканы и запущены, как и должны выглядеть люди, которые не спали без своего оружия более трех памятных месяцев. При виде этих исхудавших героев спасатели разрыдались; незнакомцы сцепили руки и плакали вместе с тем же всепоглощающим чувством, которое овладело спасателями и освобожденными, когда Хэвелок и Колин Кэмпбелл вели горцев в Лакхнау. Никогда еще люди не заслуживали более благородного почтения со стороны человечества. Во всей истории человечества нет сведений о такой осаде, о такой диспропорции сил, о таком славном исходе. Мальтийские рыцари навсегда вошли в число героев всех времен.

ССЫЛКИ:

[44] Превосходный рассказ о галерах и дисциплине рыцарей Святого Иоанна см. в Jurien de la Gravière, *les Derniers Jours de la Marine à Rames*, ch. ix.; и *Les Chevaliers de Malte*, tome i.

[45] Jurien de la Gravière, *Les Chevaliers de Malte et la Marine de Philippe II.*, ii. 71.

XIV.

ЛЕПАНТО.

1571.

Неудача осады Мальты была ощутимым отпором, но нельзя сказать, что она серьезно подорвала славу турок в Средиземноморье. На суше им оказали сопротивление, на море их еще не побеждали. Они также не могли оглянуться на ужасные месяцы осады без некоторого утешения. Они взяли Сент-Эльмо, и его падение вызвало всеобщее ликование в груди каждого мусульманина; мавры Гранады чуть не восстали против испанцев при одном только сообщении об этом триумфе турецкого оружия. Хотя им не удалось взять Сан-Микель, причина этого, по крайней мере частично, заключалась в ложной тревоге и необоснованной панике. Потерпеть поражение от таких воинов, как рыцари Святого Иоанна, не было позором; подобно горцам в Крымской войне, эти люди в глазах своих противников были не столько солдатами, сколько настоящими дьяволами; а кто может противостоять легионам джиннов? Кроме того, вынужденные отказаться от осады, разве не оставили они остров в

виде пустыни, его население сократилось наполовину, укрепления превратились в груды мусора, а храбрые защитники - в горстку инвалидов?

Так рассуждали турки и готовились к новой кампании. Они потеряли много людей, но на их место были готовы прийти новые; их огромный флот не пострадал; и хотя Драгута больше не было, Очиали, как христиане называли Али Эль-Улуджи "Отступник" - турки прозвали его *Фартас*, "Скупой", за его жалобы, - успешно следовал по стопам своего старого хозяина. Родившийся в Кастелли (Ликастоли) в Калабрии около 1508 года,^[46] Очиали должен был стать священником, но пленение турками склонило его к более захватывающей карьере корсара. Вскоре после осады Мальты он сменил сына Барбароссы Хасана на посту паши или беглербеге Алжира (1568), и одним из первых его действий было возвращение Туниса (всего, кроме Голетты) во имя султана Селима II, который, к неописуемой потере магометанского мира, в 1566 году сменил своего великого отца Сулеймана. В июле 1570 года у Аликаты, на южном побережье Сицилии, Очиали окружил четыре галеры "Религии" - их тогда было пять - и захватил три из них, включая флагманский корабль, который Сен-Клеман, генерал галер, бросил, чтобы выброситься со своими сокровищами на берег в Монтикьяро. Только одна галера, "*Святая Анна*", оказала отчаянное сопротивление; остальные сдались. Шестьдесят рыцарей или служилых братьев ордена были убиты или взяты в плен в этот катастрофический день, и так сильно было возмущение на Мальте, что Великий магистр с большим трудом спас Сен-Клемана от линчевания толпой и был вынужден отдать его светскому суду, который сразу же приговорил его к смерти. Он был задушен в своей камере, а его тело в мешке бросили в море. Такой успех в значительной степени искупил неудачную осаду Мустафы-паши.

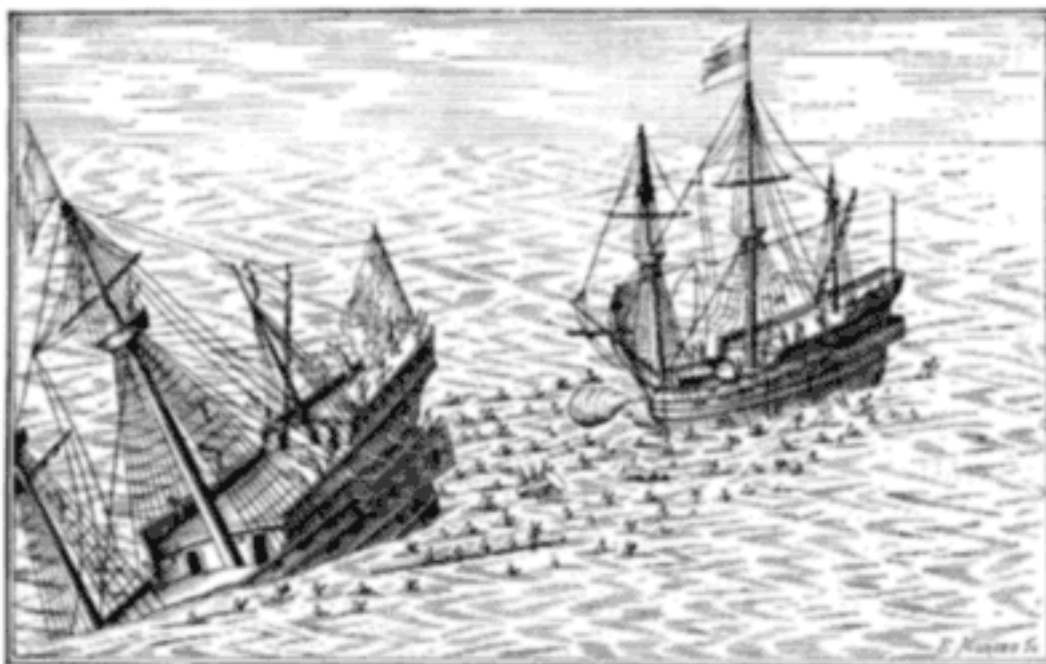
Гораздо более важный триумф ожидал турок в 1570-1 году: осада и завоевание. Новый султан, как и его отец, видел в острове Кипр серьезный вызов своей власти в Леванте. Тогда, как и сейчас, Кипр был жизненно важным центром во всех морских войнах в Восточном Средиземноморье; удобным складом для войск и запасов; сторожевой башней, с которой можно было наблюдать за передвижениями турецкого флота; убежищем для многочисленных христианских корсаров, заполонивших побережье Сирии. Кипр принадлежал Венеции, и из-за ее защиты пиратов султану не составило труда поспорить с сенатом. Была объявлена война, и Пиали-паша отправил большую армию под командованием Лалы Мустафы (не того сераскира, который командовал на Мальте) для осады Никосии, столицы острова. Через сорок восемь дней, 9 сентября, город пал и превратился в руины. Катастрофу можно было бы предотвратить, если бы христианский флот имел хоть одного компетентного начальника; но, к несчастью, помощь Кипру была доверена наименее надежному из всех инструментов - коалиции.

Папа Пий V, человек сурового благочестия, полный рвения к своей высокой должности, а по энергии и уму - прирожденный лидер, не жалел усилий, чтобы поддержать венецианцев, как только война стала неизбежной. Немногие из европейских государств сочли удобным откликнуться на его призыв, но Филипп Испанский прислал многочисленный флот под командованием Джованни Андреа Дориа, а сам Папа, при некоторой поддержке итальянских князей, добавил важный контингент, который он вверил заботам Великого констебля Неаполя Марка Антония Колонны. Венецианским флотом командовал Джованни Дзанне. Все объединенные силы насчитывали не менее двухсот шести судов, из которых одиннадцать были галеасами, а почти все остальные - галеры; солдат и экипажей насчитывалось сорок восемь тысяч человек. Ужас, внушаемый турками, был столь велик, что это огромное войско не смело двигаться, пока не стало известно, что Очиали покинул окрестности Италии, и даже тогда соперничество разных адмиралов склоняло скорее к

войне между отрядами, чем к нападению на вражеский флот. Пока христиане переругивались, а Дориа проявлял ту же фабианскую осторожность, из-за которой его дед проиграл битву при Превезе, Пиали-паша, совершенно не считаясь с опасностью, почти полностью освободил свои галеры от солдат, чтобы помочь Лале Мустафе в последнем штурме Никосии. Если бы союзные флоты атаковали его 8 или 9 сентября, вряд ли хоть одна турецкая галера смогла бы показать бой. Но Колонна и Дориа тратили время на препирательства и обсуждения, в то время как враг лежал бессильным у их ног. В конце концов они отплыли обратно на Сицилию, опасаясь плохой погоды. Таковы были адмиралы, которые снабжали изречениями Очиали и его брата-корсара. Фамагуста сдалась 4 августа 1571 года, и, несмотря на обещание жизни и свободы, гарнизон был истреблен, а венецианский командир Брагадино жестоко сожжен до смерти. С тех пор и по сей день Кипр является турецким владением.

Тем временем турецкий и барбарийский флоты под командованием Али-паши, преемника Пиали, и Очиали опустошали Крит и другие острова, и, проплывая вверх по Адриатике, добивались своего в каждом городе или деревне, на которые им было угодно напасть. Тысячи пленных, магазины и добыча всех видов были вознаграждены за их старания. Наконец, в сентябре, они бросили якорь в заливе Лепанто. Они слышали, что объединенные христианские флоты уже на подходе, и ничто не могло устроить победителей Кипра лучше, чем круговая схватка с врагом. Окрыленные успехом, они не боялись за исход дела.

Многие христианские флоты уже собирались вместе в водах Адриатики. Великая битва у Превезы была в памяти многих старых моряков, когда галеры подходили к месту встречи осенью 1571 года. Но между тем временем и нынешним была существенная разница. Превеза была потеряна из-за разделения советов; в Лепанто был только один главнокомандующий. Папа Пий V неустанно трудился над объединением союзников и сглаживанием ревности, и ему удалось привлечь флоты Южной Европы к еще одной годичной кампании; затем, предупрежденный тем, что ему стало известно о раздорах у Кипра, он воспользовался своей прерогативой наместника Бога и назначил единственным главнокомандующим всего флота дона Иоанна Австрийского.

СХВАТКА МЕЖДУ
ИСПАНСКИМ ГАЛЕОНОМ И ГОЛЛАНДСКИМ КОРАБЛЕМ.
(Жюрьен де ла Гравьер.)

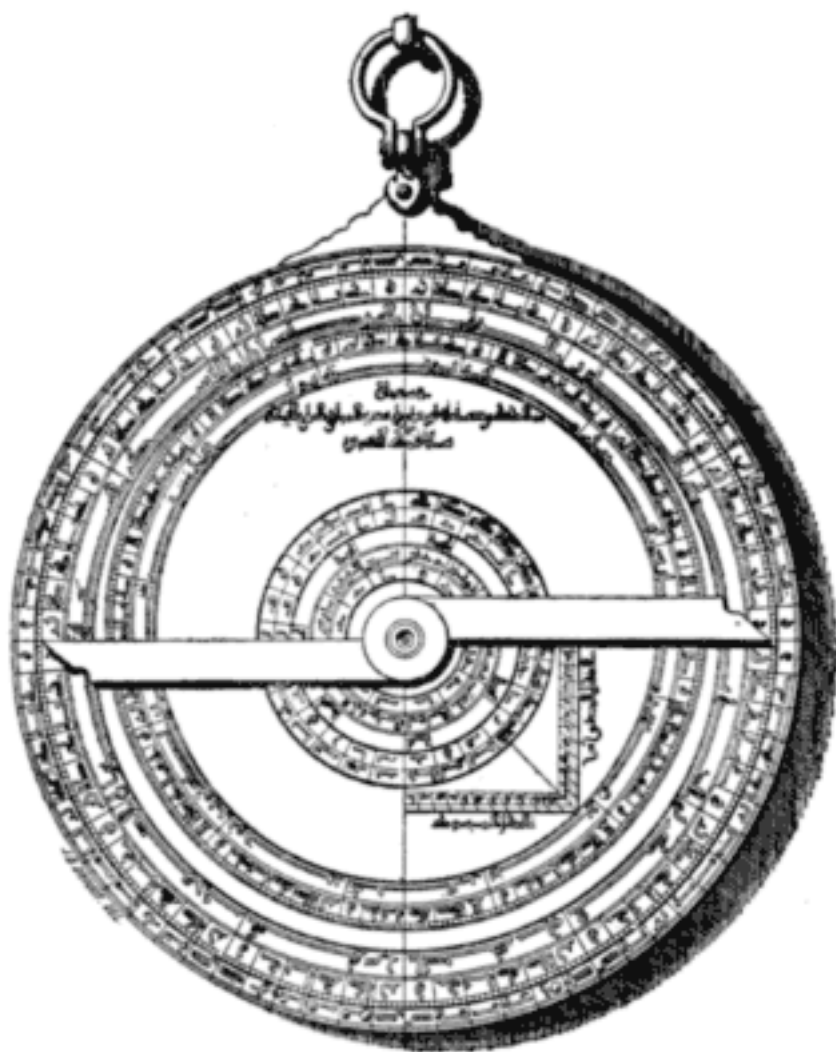
Сын самого прославленного монарха эпохи, дон Джон был рожден для величия. Его матерью была прекрасная певица Барба Бломберг, отцом - Карл V. От одного он получил грацию и красоту, от другого - гений командования. Ему было всего двадцать два года, когда его сводный брат, Филипп, доверил ему трудную задачу подавления восстания мавров в Альпуксаррасе.^[47] Там, где опытные ветераны Испании потерпели неудачу, безбородый двадцатидвухлетний генерал добился успеха, вызвав восхищение. И вот, два года спустя, его призвали командовать всем флотом Южной Европы. Он принял этот пост с радостью. В нем была вся хмельная уверенность молодости, и он жаждал сразиться в одной из великих битв мира. Энтузиазм светился в его лице: его можно увидеть на его портретах и на медалях, отчеканенных в честь победы. "Прекрасный, как Аполлон, он обладал всем престижем архангела, посланного Государем для истребления врагов народа".

Эскадра за эскадрой начинают тесниться в Мессинском проливе. Веньеро, венецианский адмирал, уже находится там с сорока восемью галерами, и ожидается еще шестьдесят, когда в июле Колонна входит туда с восемнадцатью судами и причаливает к берегу. Дон Иоанн еще не прибыл. Ему пришлось немало потрудиться, чтобы подготовить свою эскадру, ибо ни одна нация не понимает лучше испанцев, что значит поговорка *festina lente*. Наконец он отчаливает от Барселоны и с трудом пересекает Лионский залив. Сейчас можно улыбнуться, но в те времена, когда мистральи и корсары были опасны, о пересечении Лионского залива приходилось только мечтать. В Генуе дон Джона развлекает Г. Андреа Дориа, и он посещает модный бал в веселом настроении, соответствующем его молодости и жизнерадостности, когда все опасности еще впереди. По дороге он слышит, как турки опустошают Далмацию и как союзники ссорятся в Мессине, но не спешит: он знает, что галера в долгом плавании имеет такой же постоянный темп, как и лошадь, и что порка бесполезна только на коротком курсе. В Неаполе он с благоговением принимает штандарт, благословленный самим Его Святейшеством, и 23 августа присоединяется к флоту в Мессине. Еще нужно время, чтобы подошли другие корабли, а главнокомандующий разработал свои планы; перед стартом каждый капитан галеры получит отдельный письменный приказ, в котором будет указано его

место в плавании и должность в любой схватке, благодаря чему риск путаницы и поспешных сборов почти исключен. 16 сентября был дан сигнал сниматься с якоря. Дон Джон отчаливает первым, на своей *"Реале"*, великолепной *капитанской* галере в шестьдесят весел, с крышей, украшенной аллегорическими узорами работы Васкеса Севильского. За ним следуют двести восемьдесят пять судов, в том числе шесть галеасов и двести девять галер, на борту которых двадцать девять тысяч человек, а командуют ими самые известные представители великих семейств Испании, Генуи, Венеции, Неаполя, Рима, Виченцы, Падуи, Савойи и Сицилии.[48] Дон Хуан де Кардона ведет семь галер; сам дон Джон, между Маркантонио Колонна и Веньеро, командует центром из шестидесяти двух больших галер; у Дж. А. Дориа пятьдесят в правом крыле; у Барбариго из Венеции пятьдесят три в левом; дон Альваро де Базан командует резервом из тридцати галер: галеры выстроены перед линией, каждая с пятьюстами аркебузиром на борту. После десяти дней гребли и плавания они достигают Корфу, и замок встречает их громом радостных пушек, ибо страх перед турками исчез.

АРАБСКАЯ АСТРОЛЯБИЯ.

АРАБСКАЯ АСТРОЛЯБИЯ.

Али-паша, находясь в заливе Лепанто, послал разведчиков, чтобы выяснить силы противника. Смелый барбарийский корсар ночью незаметно протащил свой барк среди христианских галер, но его донесения были неполными, и до самого дня конфликта ни одна из сторон не знала точных сил противника. Турецкий флот насчитывал около двухсот восьми галер и шестидесяти шести галеотов и насчитывал двадцать пять тысяч человек. Константинополь предоставил девяносто пять галер; двадцать одна пришла из Александрии, двадцать пять - из Анатолии, десять - с Родоса, десять - из Митилены, девять - из Сирии, двенадцать - из Наполи-ди-Романии, тринадцать - из Негропонта, одиннадцать - из Алжира и Триполи. Галеоты были в основном барбарийскими судами, более пригодными для пиратства, чем для сражений.

Два флота неожиданно столкнулись в семь часов утра 7 октября в точке к югу от Эхинады, между Итакой и заливом Патрас или Лепанто. Дозорный на грот-мачте дона Джона заметил пару белых парусов на горизонте; затем парус за парусом поднялся над линией моря, и враг появился в поле зрения. Дон Джон быстро поднял белый флаг - сигнал к бою, и тут же весь флот был занят тем, что убирал паруса на верфи и приводил все в порядок для боя. Центральные банки были убраны, чтобы освободить место для солдат, а рабам подали мясо и вино. Старые моряки, с юности не раз встречавшиеся с турками, мрачно готовились к реваншу, а хладнокровные мальчишки, впервые в тот день взявшие в руки оружие, с нетерпением ждали момента боя. До последнего чувствовалась неизлечимая нерешительность союзных адмиралов: они предложили созвать военный совет. Ответ дона

Джона был достоин его: "Время советов прошло, - сказал он, - не беспокойтесь ни о чем, кроме боя". Затем он сел в свой бриг и пошел от галеры к галере, проходя под каждой кормой с распятием в руках и ободряя людей. Его спокойный и уверенный вид, а также обаяние его речи вызвали всеобщий энтузиазм, и его встречали со всех сторон, отвечая: "Готовы, сэр, и чем скорее, тем лучше!" Затем дон Джон развернул Благословенный штандарт с изображением Спасителя и, упав на колени, предал свое дело Богу.

Около одиннадцати часов наступил штиль. Турки укоротили паруса и взялись за весла: в идеальном порядке, с непревзойденной скоростью и точностью они выстроились в боевую линию, а барабаны и fifы возвещали об их приподнятом настроении. Христианский флот выстраивался медленнее; некоторые галеры и большинство галеасов отставали. Дон Иоанн произнес несколько благочестивых клятв и послал быстрые корабли, чтобы поторопить их. Наконец они начали приводить себя в порядок. Барбариго, "левый проводник", обнимал берег левым крылом; дон Иоанн с центральным *корпусом* поддерживал с ним связь; но где же был "правый проводник"? Джованни Дориа, зараженный тактическим тщеславием своей семьи, решил показать этим сухопутным людям, как умеет маневрировать моряк.

Догадавшись, что Очиали слева от османов пытается обойти христианский флот, он вышел в море, чтобы повернуть его. Напрасно дон Иоанн посылал за ним; он вышел из пределов досягаемости, и сражение пришлось вести без правого крыла. Драгоценные маневры Дориа едва не привели к поражению.

Османский флот был выстроен в том же порядке, что и христианский, за исключением того, что в нем не было галер. Боевая линия длиной почти в милю делилась на центр, правое и левое крыло, а за центром располагался резерв. Мохаммед Шалук (европейцы называли его Сцирокко) командовал правым крылом, противопоставляя его левому крылу Барбариго; Али-паша противостоял дону Иоанну в центре; Очиали находился напротив поста, где должен был находиться Дориа. Между этими двумя линиями стояли тяжелые галеры, как огромные волнорезы, отклоняясь в сторону и разделяя стремительный поток османских галер. Огонь этих огромных плавучих крепостей едва не вызвал панику среди турок, но вскоре они прорвались мимо них, и наступило всеобщее затишье. На христианском левом фланге после смертельной схватки, в которой погибли Барбариго и Сцирокко, турки были отбиты и, лишившись своего вождя, сошли на берег, но не раньше, чем христиане потеряли много галер и множество храбрецов. Вскоре после того, как левый фланг был задействован, в дело вступил центр. Али-паша направился прямо на *реал* дона Иоанна и протаранил его клювом до четвертой банки весел. Рядом находились Пертев-паша и *капитаны* Колонна и Веньеро. Корабли спутались и образовали одну большую боевую платформу. Дважды испанцы из *Реале* поднимались на борт "*Фанала*" Али-паши до самой грот-мачты, и дважды их отгоняли назад с ужасными потерями. Сам Али готовился наброситься на галеру дона Иоанна, когда Колонна протаранил его на пупе, проникнув до третьего весла, и обрушил на него шквальный огонь из своих аркебуз. Христиане имели все преимущества в доспехах и огнестрельном оружии и вели огонь за фальшбортами; турки не были защищены ни кирасой, ни шлемом, ни фальшбортом, и у большинства из них были луки вместо пушек. Залпы Колонны решили судьбу *Фанала*, и Али-паша покинул эту жизнь. Полтора часов хватило, чтобы рассеять османские правые силы и одолеть главный флагман. Увидев христианский флаг на пике турецкого *капитана*, флот удвоил усилия: Веньеро, тяжело раненный, все еще сражался с сераскиром Пертева-паши; турки бежали, а Пертев вышел на сушу. Еще через полчаса центр дона Иоанна был полностью побежден. И тут возникла новая опасность: Очиали, видя, что Дориа находится далеко в море, резко отступил всем правым крылом и обрушился на измученный центр. Он бросился на мальтийскую *капитулу* и перебил всех до единого. Драгут отомщен! Хуан де Кардона поспешил на помощь, но из пятисот его солдат спаслись

только пятьдесят; на "*Фиоренце*" в живых осталось семнадцать человек; в яростной схватке были и другие страшные потери. Находчивый Дориа понял, что перехитрил только свое дело, и, наконец, повернул назад. Маркиз де Санта-Крус уже настигал врага; дон Иоанн преследовал его с двадцатью галерами; Очиали был в меньшинстве и после блестящей попытки скрылся в Санта-Мауре, неся с собой штандарт "Религии", который должен был быть вывешен в Святой Софии. Битва при Лепанто состоялась и была выиграна: турки были полностью побеждены.^[49] Добрый Папа мог бы воскликнуть, как столетие спустя проповедник в соборе Святого Стефана, когда Собесский спас Вену:^[50] "*Был человек, посланный от Бога, которого звали Иоанн*".

Турецкий флот был почти уничтожен: сто девяносто галер были захвачены, кроме галеотов, и еще пятнадцать сожжены или потоплены; погибло, вероятно, двадцать тысяч человек, включая ужасающий список высокопоставленных сановников со всех концов империи. Христиане потеряли семь тысяч пятьсот человек, в том числе многих из самых знаменитых домов Италии и Испании. Сервантес, командовавший ротой солдат на борту "*Маркизы*", к счастью, спасся, получив ранение в левую руку; а многим битва при Лепанто знакома лишь по волшебным страницам "*Дон Кихота*". Семнадцать венецианских полководцев погибли, и среди них Виченцо Квирини и доблестный, рыцарский и почтенный провизор Барбариго. Шестьдесят рыцарей уменьшившегося ордена святого Иоанна отказались от призрака. Двенадцать тысяч христианских рабов были освобождены с османских галер.

Блестящий молодой завоеватель недолго носил свои заслуженные лавры. Его статуя была воздвигнута в Мессине; его победа стала предметом изображения Тинторета и Тициана; его встречали овацциями, куда бы он ни отправился. Через два года он отвоевал Тунис. Затем он был занят меланхоличным делом - продолжением отвратительной работы Алвы во Фландрии. Он нанес кровопролитное поражение голландцам при Гемблу, а затем, сраженный лихорадкой, молодой герой умер 1 октября 1578 года, на тридцать первом году жизни, последний из великих представителей средневекового рыцарства - рыцарь, достойный того, чтобы быть отмеченным в жестах Карла Великого и сидеть за Круглым столом Артура вместе с самим сэром Галахадом.

ССЫЛКИ:

^[46] Н. de Grammont, *La course, l'esclavage, et la redemption; Un pacha d'Alger; Hist. d'Algérie*.

^[47] См. "*История мавров в Испании*", стр. 278.

^[48] Полный список см. в Girolamo Catena, *Vita del gloriosissimo Papa Pio Quinto*, 1587.

^[49] Прочтите восхитительное и наглядное описание битвы в Jurien de la Gravière, *La Guerre de Chypre et la Bataille de Lepante*, ii., 149-205.

^[50] См. "*История Турции*", 237.

ЧАСТЬ II.

МЕЛКИЕ ПИРАТЫ.

XV.

ГЕНЕРАЛ ГАЛЕР.

XVI, XVII и XVIII века.

Эпоха великих корсаров, можно сказать, закончилась после битвы при Лепанто, которая стала звонком для морского превосходства османов. Правда, казалось, что они мало что потеряли от знаменитой победы дона Иоанна; их борода, по их признанию, была сбрита, но вскоре выросла снова; их флот был быстро отремонтирован, а венецианцы запросили мира. Но они потеряли нечто более ценное для себя, чем корабли или люди: их престиж был утрачен. Державы христианства больше не боялись встречи с непобедимым турком, ведь они победили его однажды и победят снова. Редко после этого османский флот с гордостью отправлялся в плавание, чтобы проделать свой разрушительный путь вдоль берегов Италии. Могли быть небольшие набеги, но редко случались великие приключения, подобные тем, что

вели Барбаросса или Синан. Крит можно было осаждать годами, но венецианцы, прижатые к суше, все же разбивали турецкие корабли у побережья. Дамад Али мог вернуть Морею и победоносно окружить берега Греции сотней своих парусов; но он не решился бы угрожать Венеции, осаждать Ниццу, преследовать Неаполь или атаковать Мальту. У турок было достаточно дел, чтобы удержать свои позиции на Черном море против наступающих сил России.

Лишившись защиты, которую обеспечивал престиж турок, барбарийские корсары превратились в мелких пиратов. Они продолжали перевозить христианские грузы, разорять христианские деревни и уводить толпы пленников, но их грабежи не были столь масштабными, они грабили исподтишка и никогда не вступали в схватку с военными кораблями. Если их ловили, они дрались, но их целью был грабеж, и им не нравились сломанные кости, полученные из одной лишь честолюбивой жажды завоеваний.

Очиали был последним из великих корсаров. Именно он, вернувшись в Константинополь после рокового 7 октября 1571 года, ободрил султана обещанием отомстить, получил звание капитан-паши и на следующий год отплыл из Босфора с флотом из двухсот тридцати судов, как будто Лепанто никогда не было сражено и проиграно. Он искал христианские флоты, но не смог склонить их к сражению. Его операции в 1574 году ограничились захватом Туниса, который дон Иоанн вернул Испании в 1573 году. С двумястами пятьюдесятью галерами, десятью *махонами* или галеасами и тридцатью карамузелями, при поддержке алжирской эскадры под командованием Ахмед-паши, Очиали осадил Голетту, в которой находился испанский гарнизон со времен ее завоевания Карлом V в 1535 году. Сервеллон защищал форт до тех пор, пока у него не осталось лишь горстка людей, и в конце концов сдался по собственному желанию. После этого Очиали исчез из западных морей; он сражался за своего господина в Эвксинском море во время Персидской войны и умер в 1580 году, в возрасте семидесяти двух лет, с репутацией самого могущественного адмирала, который когда-либо властвовал в Золотом Роге.

ТУНИС В 1573

ГОДУ.

(По карте из Британского музея.)

Мы не очень внимательно следили за сменой пашей или беглербегов Алжира, поскольку более важные дела поглощали всю энергию турецких галер, а у правителей на суше было мало важных дел. Очиали был семнадцатым пашой Алжира, но из его предшественников, после смерти Уруджа и Хейр-эд-дина Барбароссы, немногие достигли особой известности. Хасан, сын Барбароссы, участвовал в осаде Мальты, Салых Рейс завоевал Фес и Буджейю; остальные же в основном занимались подавлением внутренних раздоров, воевали с соседями и организовывали небольшие пиратские экспедиции. После того как в 1572 году Очиали был призван в Стамбол в качестве капитана-паши, пробыв четыре года пашой Алжира, за двадцать четыре года сменилось девять губернаторов. Сначала это были, как правило, ренегаты: Рамадан Сардинский (1574-7), Хасан Венецианский (1577-80 и 1582-3), Джафар Венгерский (1580-2) и Меми Албанский (1583-6), сменяли друг друга и (за исключением Венецианца) показали себя мудрыми, справедливыми и благоразумными правителями. Затем была принята слишком обычная практика отдавать провинцию тому, кто больше заплатит, и богатые, но некомпетентные или плутоватые турки покупали возвращение пашалыка. Правление ренегатов закончилось, турки держали власть в своих руках, а роль бывших христианских авантюристов была ограничена мелкими, но более предприимчивыми обязанностями корсарского рейса или "генерала галер". Паши, а затем и дейи, за редким исключением, отказались от командования пиратскими экспедициями, и интерес истории теперь обращен к капитанам галер.

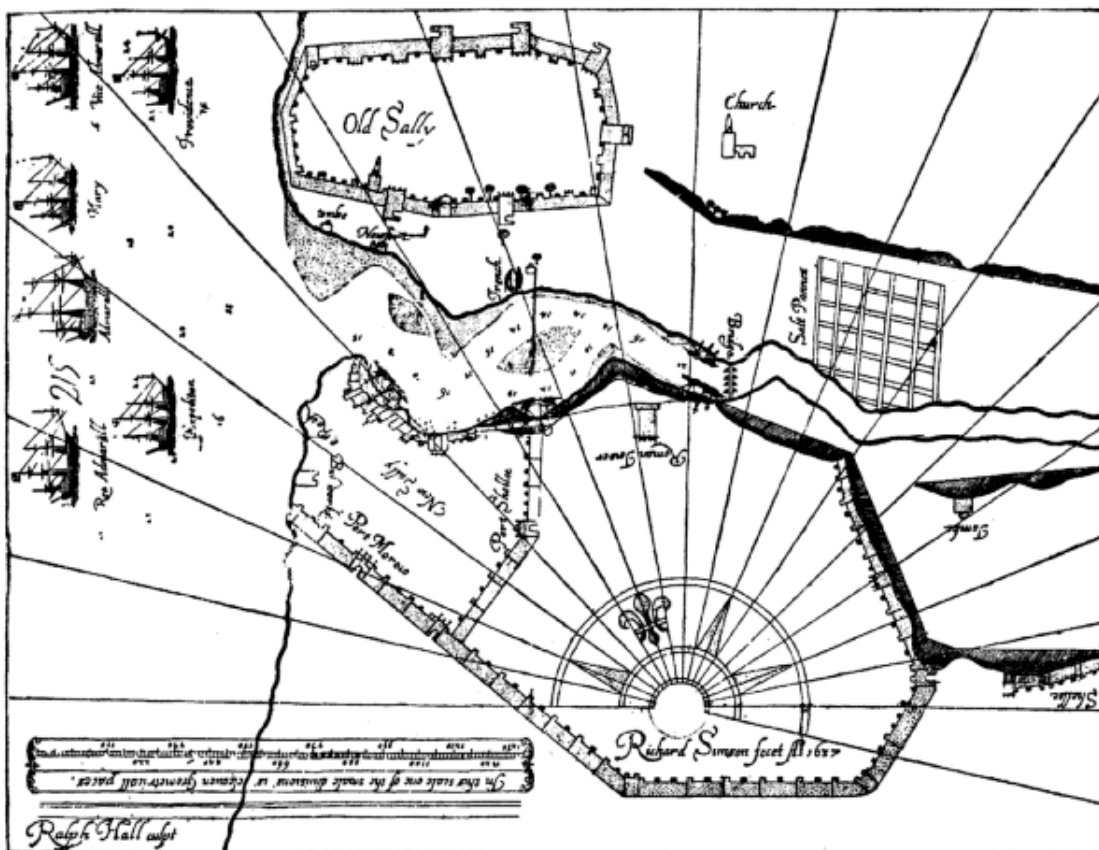
Пиратство снаружи, кровопролитие и анархия внутри составляют основную часть записей. Тунис, Триполи и Алжир демонстрировали очень похожие симптомы. Триполи был наименее могущественным и, следовательно, наименее вредоносным; Алжир господствовал в Западном Средиземноморье и в значительной степени в Атлантике; Тунис, менее смелый, но все же грозный, заражал Восточное Средиземноморье и сделал Мальтийский и

Адриатический проходы своими особыми охотничьими угодьями. В Тунисе с 1590 по 1705 год сменилось тридцать деев, назначенных Возвышенной Портой, - в среднем каждый из них процарствовал менее четырех лет. Большинство из них были свергнуты, многие убиты, а один, по достоверным сведениям, был разорван на куски и съеден разъяренным населением. В 1705 году солдаты, следуя примеру Алжира, избрали своего собственного губернатора и назвали его беем; Порта была вынуждена согласиться. Одиннадцать беев сменяли друг друга вплоть до французского "протектората". Внешняя история этих трех веков состоит из незаконного пиратства и взимания шантажа с большинства торговых держав Европы, сопровождаемого актами невыносимой наглости по отношению к иностранным представителям; все это было покорно принято королями и правительствами, настолько, что Вильгельм III обращался с вопиющим корсаром, 'Али Рейсом, который стал беем, с вежливостью, причитающейся монарху, и подписал себя его "любящим другом". Самый ранний английский договор с Тунисом был датирован 1662 годом; за ним последовало множество других, и все они были примерно одинаково неэффективны. Гражданская анархия, ссоры с Францией и войны с Алжиром, прекращенные, как правило, "по приказу" беспомощной Порты, заполняют детали этого неинтересного полотна.

Точно такую же картину дают современные летописи Алжира. Возьмем дейев в начале XVIII века. Хасан Чавуш был свергнут в 1700 году, и его сменил Ага Сипахи, Мустафа, прозванный *Боготиллос* или "Усатый", который, хотя и был в чем-то трусом, участвовал в двух успешных кампаниях против Туниса и одной с Марокко, пока не имел несчастье обнаружить тетиву на своем горле в 1706 году. За ним последовал Узейн Ходжа, и Оран пал во время его годовичного правления, после чего он был изгнан в горы и умер. Бекташ Ходжа, следующий дей, был убит на своем судейском месте на третьем году правления. Пятый дей, Ибрагим Дели, или "Дурак", стал настолько ненавистен своей бессовестной распущенностью, что был убит, а его изуродованное тело выставлено на улице в течение нескольких месяцев, а 'Али, который сменил его в 1710 году, убив около трех тысяч турок, сумел процарствовать восемь лет и по какой-то ошибке умер в своей постели.

Королевство Марокко не относится к числу барбарийских государств, и его история не входит в этот том Тем не менее, действия марокканских пиратов за пределами Гибралтарского пролива настолько похожи на действия алжирских корсаров внутри, что несколько слов о них не будут лишними. В свое время Тетван, расположенный внутри пролива, несмотря на свою незащищенную гавань, был известным местом для мореплавателей, но его процветание было разрушено Филиппом II в 1564 году. Сеута всегда была полуевропейской, наполовину генуэзской, затем португальской (1415 г.) и, наконец, испанской (1570 г. и по сей день). Танжер, как приданое королевы Карла II, Екатерины Португальской, некоторое время был английской территорией. Испанские форты в Пеньон-де-Велес-де-ла-Гомера и Альхусемас, а также португальские гарнизоны подавляли пиратство в их окрестностях; в более поздние времена Сале был, пожалуй, единственным портом в Марокко, откуда отправлялись буканьеры. Рифы со скалами и песчаные заносы делают западное побережье непригодным для якорной стоянки, а при юго-западном ветре дороги становятся небезопасными. Поэтому пиратство на Сале, хотя и пользовалось дурной славой и вызывало страх у торговцев, было небольшим; крупные суда не могли войти в гавань, а двухсоттонные корабли приходилось облегать, прежде чем они могли пройти бар. Поэтому крейсера Сале были построены очень легкими и небольшими, с которыми они не осмеливались атаковать значительные и хорошо вооруженные корабли. Капитан Дельгарно со своим двадцатипушечным фрегатом так наводил ужас на салецких бродяг, что они никогда не решались выходить в море, пока он был рядом, а матери успокаивали непослушных детей, говоря, что Дельгарно придет за ними, подобно тому как Наполеон и

"Мальбрук" служили жупелами в Англии и Франции. В Сале в 1634 году не было ни одной полноразмерной галеры, и сто лет спустя все сходятся на том, что у салезских мореходов были лишь незначительные суда, и их было очень мало, а их доки практически не использовались, несмотря на обилие древесины. Во второй половине XVIII века, по-видимому, участились случаи грабежей салезских пиратов, которые, вероятно, и принесли им преувеличенную славу. В то время у них были суда в тридцать и тридцать шесть пушек, громоздкие и плохо построенные, с помощью которых они захватывали провансальские корабли и причиняли немало вреда, пока в 1773 году шевалье Актон с одним тосканским фрегатом не уничтожил три из пяти их кораблей. В 1788 году весь марокканский флот состоял из шести или восьми фрегатов в двести тонн, вооруженных от четырнадцати до восемнадцати шестифунтовых, и нескольких галер. Одно время пираты Сале образовали своеобразную республику, выплачивая императору десятину денег и рабов в обмен на невмешательство; но постепенно правительство поглотило большую часть прибыли, и торговля пришла в упадок, пока императоры, в обмен на богатые подарки, не заключили договоры с главными морскими державами и в значительной степени не подавили пиратство.[51]

САЛЕ В 1637

ГОДУ.

(С карты, хранящейся в Британском музее).

Отвлекаясь от монотонных записей о внутреннем варварстве, следует кратко остановиться на более авантюрной стороне алжирской истории. Среди капитанов, которые продолжали наводить ужас на христианский слух именем корсара, Мурад Рейс занимает первое место; более того, он принадлежит к ордену великих корсаров. Их было несколько, и этот Мурад

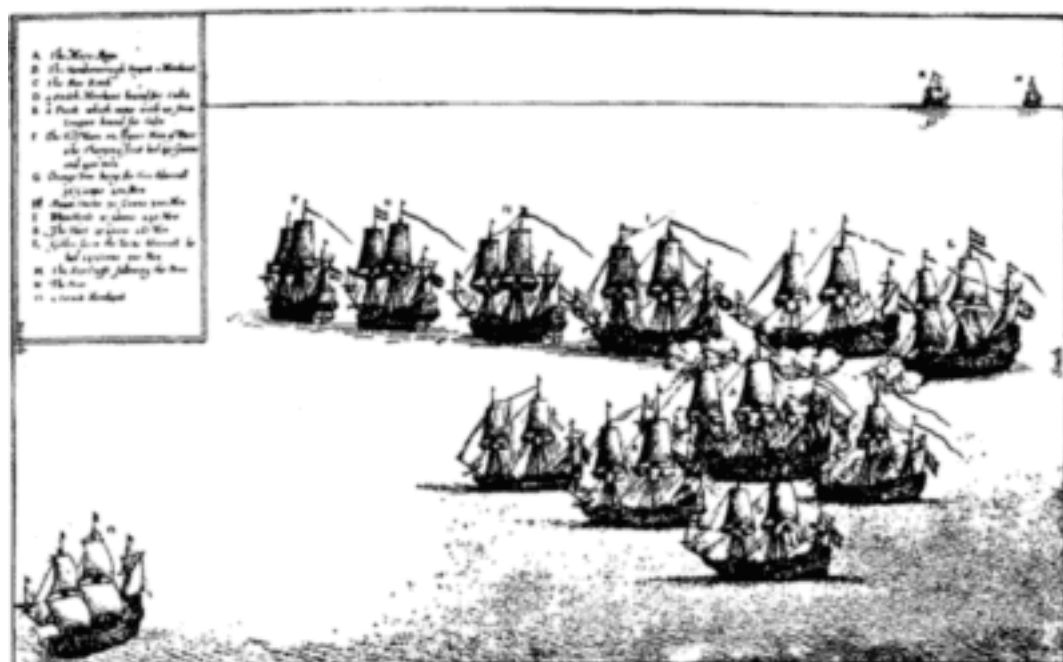
выделялся как Великий Мурад. Он был арнаутом или албанцем, который попал в плен к алжирскому пирату в возрасте двенадцати лет и рано проявил склонность к приключениям. Когда его покровитель участвовал в осаде Мальты в 1565 году, юный Мурад подставил ему подножку и отправился в самостоятельное плавание, во время которого ему удалось разбить свой галеот о скалы. Не успокоившись на этом злоключении, он, как только вернулся в Алжир, отправился в путь на бригантине с пятнадцатью банками и быстро привел три испанских приза и сто сорок христиан. Он был с Очиали, когда этот выдающийся мореплаватель захватил галеры Сен-Клемана, и с трудом удержался от того, чтобы не опередить своего адмирала и не подняться на борт "*Святой Анны*". Вскоре он приобрел репутацию корсара первой воды и "человека, который, за наши грехи, причинил христианам больше вреда, чем кто-либо другой". В 1578 году, курсируя у калабрийского побережья с восемью галеотами в поисках добычи, он заметил сицилийскую *капитулу* с консолью, на борту которой находился герцог Тьерра-Нуова со своей свитой. После жаркой погони консорт был настигнут в море; флагманский корабль выбросился на берег; герцог и вся корабельная компания покинули его, и прекрасное судно было благополучно приведено в гавань Алжира. В 1585 году Мурад отважился выйти в Атлантический океан за пределы видимости суши, на что до него не решался ни один алжирец, и, собрав в Сале подкрепление из небольших бригантин, на рассвете обрушился на Лансароте, один из Канарских островов, без сопротивления разграбил город и увел семью губернатора и триста пленников. После этого он не стесняясь поднял флаг перемирия и разрешил графу и членам его семьи подняться на борт и выкупить своих родственников. В 1589 году, подцепив пару бродячих торговцев, он столкнулся с мальтийской галерой "*Ла Серена*", на буксире у которой был турецкий приз. Не желая уклоняться от столкновения с таким грозным противником, Мурад пустился в погоню на своем единственном галеоте и, догнав "*Серену*", взял ее на abordаж и овладел ею за полчаса. Затем, остановившись, чтобы задержать одного майоркского пирата, который браконьерствовал в его собственном поместье, корсар доставил свои призы в Алжир, где был с почестями посажен на собственного коня паши и с триумфом сопровожден во дворец гвардией янычар. В 1594 году, когда он получил звание "генерала алжирских галер", Мурад с четырьмя галеотами столкнулся с двумя тосканскими галерами у берегов Триполи; Опустив мачты двух своих галер, чтобы они не были замечены, он отбуксировал их за двумя другими, а когда тосканцы приблизились, рассчитывая на пару призов, отвязал суда и всеми четырьмя обрушился на врага; обе галеры были захвачены, а флорентийские рыцари и солдаты были прикованы к веслам вместо турок, которые недавно там сидели.^[52]

Нет более типичного примера пирата более позднего типа, чем Али Пичинин, генерал галеасов и галеонов Алжира в середине XVII века. Этот выдающийся работоторговец, не обладая амбициями и благородством Барбароссы, в значительной степени обладал его смелостью и мореходством. В 1638 году, ободренный успехами султана Мурада IV против персов, Али вышел в море и, захватив в Бизерте несколько тунисских галер, отправился с эскадрой из шестнадцати человек к восточному побережью Италии. Он разграбил район Никотры в Апулии, захватив большие трофеи и множество пленных, не пощадив даже монахинь; затем он обследовал Адриатику, взял корабль у Каттаро и подобрал все бродячие суда, которые только мог найти.

После этого сильная венецианская эскадра под командованием Марино Капелло выступила вперед и вынудила корсаров укрыться под пушками турецкой крепости Валона в Албании. Несмотря на мир, существовавший в то время между Венецией и Портой, Капелло атаковал беженцев, а крепость, естественно, защищала их. Корсары были вынуждены высадиться на берег, и тогда Капелло, увлекшись своим рвением и вопреки приказу, послал свои галеоты и

после острой борьбы отбуксировал всю барбарийскую эскадру, оставив Али и его неудачливых последователей в изумлении на берегу. За этот дерзкий поступок Капелло получил строгий выговор от Сената, а Порта утешилась за нарушение договора *дукером* в пятьсот тысяч дукатов: но тем временем большая часть алжирского галерного флота прекратила свое существование, а владельцы и капитаны разорились. Слабым утешением было то, что тем же летом экспедиция на север, пилотируемая исландским ренегатом, вернула восемьсот его несчастных соотечественников, обменявших холод родной земли на алжирские баньо.

Однако в 1641 году корсары оправились от потерь, и Али Пичинин мог похвастаться флотом, насчитывающим не менее шестидесяти пяти судов, как нам сообщает Эммануэль д'Аранда, который в то время был его рабом. Богатство и власть генерала галеасов были тогда в зените. Шестьсот рабов по ночам запирали в его тюрьме, которая впоследствии стала известна как "Хан Али Пичинина", а во времена Моргана была отмечена виноградными лозами, покрывавшими стены и окаймлявшими окна, с сочными плодами до самого верхнего этажа. Сам сын отступника, он не любил, чтобы его последователи обращали турок в бегство; это было "всего лишь выгребание из кармана такого количества денег, чтобы дать ученика Магомету, к которому он, как было замечено, не питал особого почтения". Он фактически заставил одного француза отказаться от имени Мустафа (которое он принял, надев турецкое платье) в пользу имени Иоанн, от которого тот охотно отказался. Его фермы и садовые домики также находились в ведении его собственных христиан. Я слышал много разговоров о развлечении, которое он однажды устроил в своем саду для всех главных армадоров и корсаров, на котором паша тоже был гостем, но нашел свои собственные яства, опасаясь какой-нибудь пакости; ничего подобного у турок не принято. Все было приготовлено в городе, на собственной кухне генерала, и передано из рук в руки его рабами до садового домика, расположенного на расстоянии более двух миль, где все, что удалось доставить в целости и сохранности, прибыло горячим, как рассказывают".^[53] Однако значительная часть пропала по дороге, поскольку, по выражению Корсара, "рабы-христиане носили крючки на пальцах", и гости едва не умерли с голоду. Характерным был план Али по кормлению рабов. Он не давал им хлеба, как это делали другие, но говорил, что они действительно жалкий набор негодяев, недостойных называться рабами, если за два-три часа свободы, которыми они наслаждались до захода солнца, они не могли найти достаточно еды, чтобы продержаться целый день. Его баньо служили обычными аукционными залами для продажи краденого, их осаждали возмущенные жертвы, которых упрекали в беспечности и заставляли заново выкупать свои ценности: в общем, Али Пичинин "имеет честь воспитать самый чистый набор воров, который только можно было встретить". Однажды раб нашел дорогой перстень генерала и вернул ему без цены: за эту "несвоевременную честность" Али дал ему полдуката и назвал дураком за его боль; перстень стоил его выкупа. В другой раз раб подрядился продать железному мастеру генеральский якорь с собственной галеры: когда его обнаружили, то похвалили за предприимчивость и сказали, что он годится в рабы, раз знает, как заработать на жизнь. Этот работороговец обладал гением выпытывать правду у пленников; он был так вежлив и участлив, когда попадался новый приз, так готов был "граф" и "милорд" к простым джентльменам и "ваше преосвященство" к простым священнослужителям, что они вскоре доверялись ему, открывали свой сан и назначали выкуп: но, справедливости ради, он держал свое слово, и как только обещал освобождение, был уверен: "Мое слово есть мое слово", говорил он.

БОЙ "МЭРИ РОУЗ"

С АЛЖИРСКИМИ ПИРАТАМИ, 1669 ГОД.

(Ogilby's Africa, 1670.)

Он был человеком очень свободных взглядов в религии. Однажды он попросил генуэзского священника откровенно рассказать ему, что с ним будет; "Откровенно говоря, - сказал отец Анджело, - я убежден, что ты достанешься дьяволу", и ответ был с радостью принят. В другой раз один благочестивый мусульманский шейх умолял Али дать ему раба-христианина, чтобы убить его, так как ему казалось, что он не принес пророку Мухаммеду достаточно приятной жертвы. Али отстегнул гребца своей галеры, мускулистого испанца, вооружил его по всем правилам и отправил убивать святого человека. "Этот христианин, - кричал добрый шейх, бегая изо всех сил, - выглядит так, словно он скорее хочет убить меня, чем быть убитым сам". "Так и есть, - сказал 'Али, - ты должен заслужить благосклонность пророка. Так и христиане должны быть принесены в жертву". Мухаммед был храбрым, великодушным человеком и никогда не считал за благо убивать тех, кто не в состоянии защитить себя. Идите, лучше вникните в смысл Корана". Он был настоящим корсаром, с грубым кодексом чести, а также беспринципной грубостью морского разбойника.

ССЫЛКИ:

[51] См. Джон Виндус, "Путешествие в Мекинес" (Лондон, 1735), где описывается посольство commodora Стюарта в Марокко в 1721 году, когда были освобождены двести девяносто шесть английских рабов и заключен договор об отказе от пиратства и права на поиск. Книга капитана Джона Брейтуэйта "История революций в Марокко" (1729) включает в себя дневник событий и наблюдений, сделанных во время миссии мистера Рассела в 1728 году. Сале описан на стр. 343 и далее. См. также Chenier, *Present State of the Empire of Morocco* (англ. перевод, 1788). Шенье был французским консулом с 1767 года: оригинальная работа называется "Исторические исследования Марокко" (*Recherches historiques sur les Maures*).

[52] Морган, 557-9, 588, 597, 607.

[53] Морган, 674.

XVI.

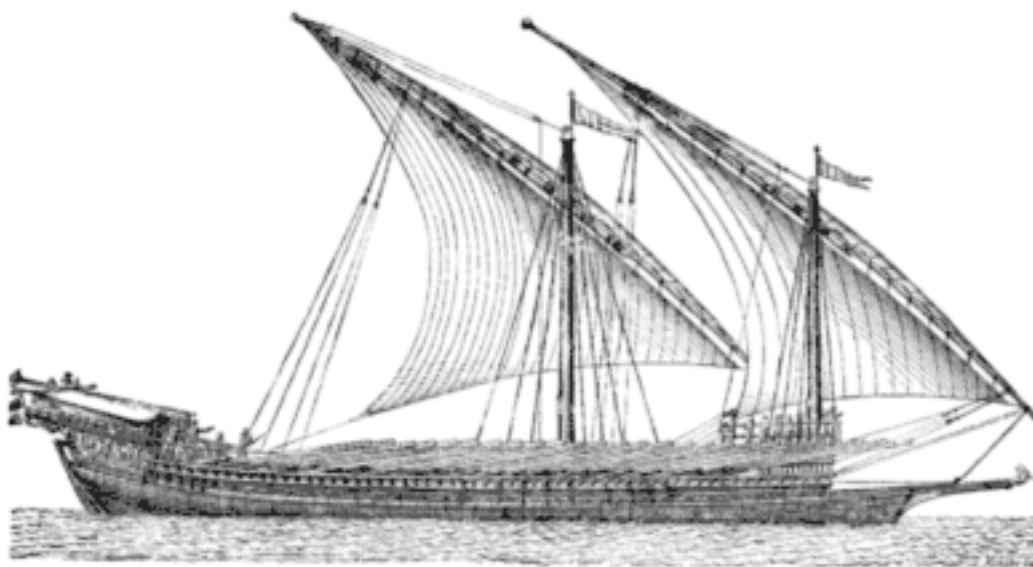
ГАЛЕРЫ И ГАЛЕРНЫЕ РАБЫ.

XVI век.

"Корсары, - говорит Хаэдо, - это те, кто поддерживает себя постоянными морскими грабежами; и если признать, что среди них есть природные турки, мавры и т. д., то основная их масса - это отступники из всех частей христианства; все они очень хорошо знакомы с христианскими берегами". Примечательно, что большинство этих грабителей христиан сами были рождены в вере. В длинном списке алжирских наместников мы встречаем немало европейцев. Сам Барбаросса родился на Лесбосе, вероятно, от матери-гречанки. Его преемником стал сардинец; вскоре после этого пашой Алжира стал корсиканец, затем другой сардинец; Очиали был калабрийцем; Рамадан происходил из Сардинии, его сменил венецианец, который, в свою очередь, уступил место венгру, освободившему место албанцу. В 1588 году тридцатью пятью галерами Алжира командовали одиннадцать турок и двадцать четыре ренегата, среди которых были выходцы из Франции, Венеции, Генуи, Сицилии, Неаполя, Испании, Греции, Калабрии, Корсики, Албании и Венгрии, а также один еврей. Короче говоря, почти до конца XVI века (но гораздо реже после) вожди корсаров и губернаторы обычно были выходцами из христианских земель. Некоторые из них были добровольцами, и для разбойников Европы командование барбарийской галерой было, пожалуй, единственным подходящим местом; но большинство из них были пленниками, захваченными в детстве и вырванными из своих домов во время ежегодных набегов корсаров на Корсику и Сардинию, а также на итальянские или далматинские берега. Большинство таких пленников приговаривалось к ручному и прочему труду, если за них не брали выкуп; но более смелые и красивые мальчики часто выбирались проницательным глазом реиса, и после выбора карьера юного пленника была определена.

"Пока христиане со своими галерами отдыхают, трубят в трубы в гаванях и весьма вольно развлекаются, проводя день и ночь в пирах, картах и играх, корсары в свое удовольствие бороздят восточные и западные моря, без малейшего страха или опасения, как свободные и абсолютные властители их. Они бродят по ним вверх и вниз не иначе, чем те, кто гоняется за зайцами, чтобы развлечься. Здесь они захватывают корабль, груженный золотом и серебром из Индии, там - другой, богатый товарами из Фландрии; сейчас они делают призом судно из Англии, потом - из Португалии. Здесь они берут на abordаж и уводят одно судно из Венеции, потом одно из Сицилии, а чуть дальше набрасываются на другие из Неаполя, Ливорно или Генуи, и все они в изобилии набиты великими и чудесными богатствами. А иной раз, взяв с собой в качестве проводников ренегатов (которых в Алжире огромное количество из всех христианских народов, да что там, большинство корсаров - не кто иные, как ренегаты, и все они очень хорошо знакомы с берегами христианства и даже внутри страны), они совершенно сознательно, даже в полдень, а то и просто когда им вздумается, спрыгивают на берег и, не испытывая ни малейшего страха, продвигаются в глубь страны на десять, двенадцать,

пятнадцать и более лиг; И бедные христиане, считавшие себя в безопасности, оказываются застигнутыми врасплох; многие города, деревни и фермы разграблены, и бесчисленное множество душ, мужчин, женщин, детей и грудных младенцев, утащены в жалкий плен. С этими несчастными людьми, нагруженными собственным ценным имуществом, они неторопливо, с глазами, полными смеха и удовольствия, отступают к своим кораблям. Таким образом, как хорошо известно, они полностью разорили и уничтожили Сардинию, Корсику, Сицилию, Калабрию, окрестности Неаполя, Рима и Генуи, все Балеарские острова и все побережье Испании: в которой они особенно пируют, как считают нужным, из-за обитающих там морисков; которые, будучи более ревностными магометанами, чем сами мавры, родившиеся в Барбарии, принимают и ласкают корсаров и сообщают им обо всем, о чем они хотят получить известие. И не успели эти корсары пробыть в своих обителях дольше двадцати или тридцати дней, как они возвращаются домой богатыми, с кораблями, переполненными пленниками и готовыми затонуть богатства; В один миг и почти без труда пожиная плоды всего того, что скупой мексиканец и жадный перуанец с таким трудом и потом выкапывали из недр земли, а жаждущий купец с такими явными опасностями так долго собирал и с невыразимой опасностью и усталостью доставлял на многие тысячи лиг то с востока, то с запада. Таким образом, они набили большинство домов, магазинов и всех лавок этого логова воров золотом, серебром, жемчугом, янтарем, пряностями, лекарствами, шелками, тканями, бархатом и т. д., сделав этот город самым богатым в мире, так что турки не без основания называют его своей Индией, своей Мексикой, своим Перу".[54]

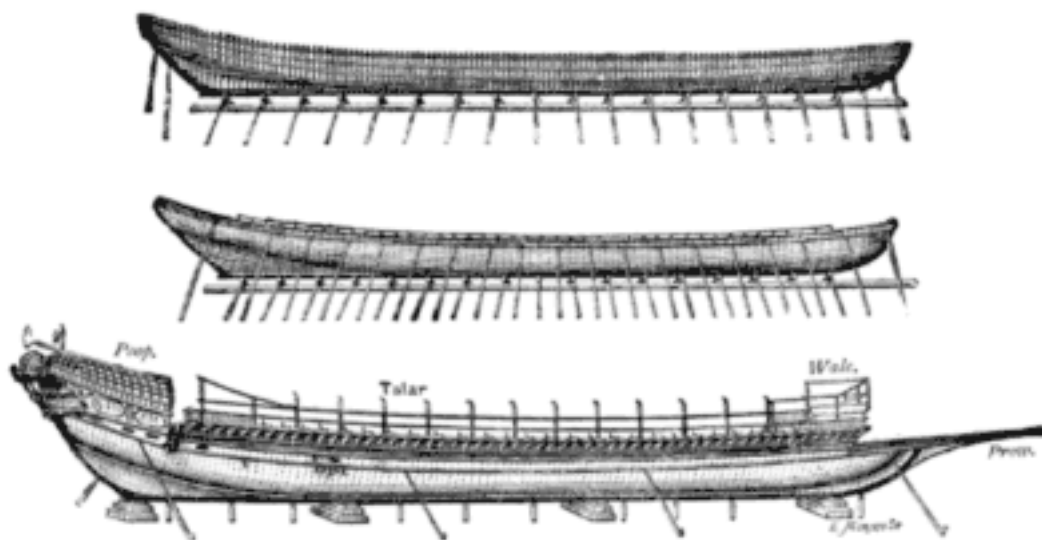
ГАЛЕРА, ИДУЩАЯ

ПРОТИВ ВЕТРА.

(Жюрьен де ла Гравьер.)

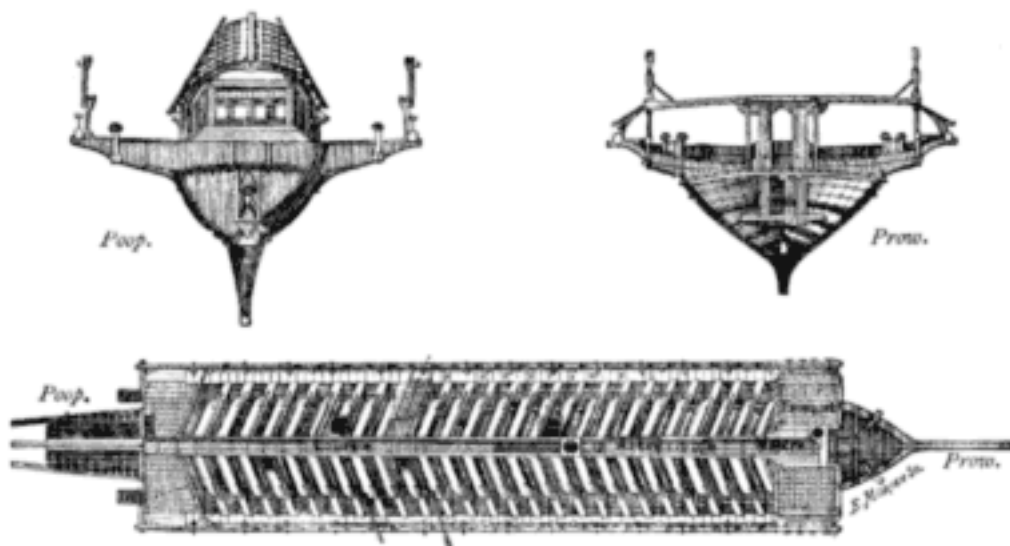
Трудно понять, как корсары использовали навигацию. Мы должны отбросить все мысли о высоких мачтах, натягающихся под тяжестью парусины, о парусе над парусом. Суда корсаров представляли собой длинные узкие гребные лодки, которые, правда, несли парус или два, но для безопасности и передвижения полагались в основном на весла. Лодки назывались галеотами, галиотами, бригантинами ("*galeotas ligeras o vergãtines*", или *фрегатами*) и т. д., в зависимости от их размера: галеот - это маленькая галера, а бригантина может быть названа четвертью галеры. Количество людей на каждом весле также варьируется в зависимости от размера судна: на галеоте может быть от четырех до шести человек, работающих бок о бок на каждом весле, на галеоте - два или три, а на бригантине - один; но на таком маленьком судне, как последнее, каждый человек должен быть как

бойцом, так и гребцом, тогда как на более крупных судах корсаров гребли исключительно рабы-христиане.

ЭТАПЫ

СТРОИТЕЛЬСТВА ГАЛЕРЫ.
(Жюрьен де ла Гравьер.)

ПЛАН И СЕКЦИИ

ГАЛЕРЫ.
(Жюрьен де ла Гравьер.)

ТРЮМ ГАЛЕРЫ.

(Жюрьен де ла Гравьер.)

Галера - тип всех этих судов, и тем, кто интересуется мельчайшими подробностями строительства и оснащения галер, достаточно обратиться к книге мастера Йозефа Фурттенбаха "*Architectura Navalis*": *Das ist, Von dem Schiff-Gebaw, auf dem Meer und Seekusten zu gebrauchen*, напечатанную в городе Ульме, в Священной Римской империи, Йонамом Саурном в 1629 году. Любой человек мог бы построить галеру по многочисленным планам, чертежам, разрезам и готовым видам (некоторые из них воспроизводятся здесь), представленным в этом интересном и точном труде.^[55] Фурттенбах - восторженный ценитель корабельных красот, и он видел все их разновидности; ведь его профессия привела его в Венецию, где у него была галеаса,^[56] и он, несомненно, видел много корсарского флота, поскольку он помнил битву при Лепанто и смерть Окиали. Его рвение улетучивается, когда он описывает *столо*, или большой флагманский корабль (*capitanea galea*) Мальты, в его пышности, достоинстве и великолепии, как он бороздит моря под ритмичный стук своих многочисленных весел, или "лестов", каждая лопасть которых неподвижно висит над волнами, словно крылья застывшего сокола. Подобная галера - это "княжеский, а может быть, королевский и императорский *vassello di remo*", и, добавляет он, она больше всего подходит для мирного и военного использования в Средиземном море. Длина галеры может составлять 180 или 190 пролетов - Фурттенбах измеряет корабль *пальмами*, которые в разных местах Италии варьируются от девяти до десяти дюймов, - например, 150 футов - длина старого семидесятичетырехфутового фрегата, но едва ли пятая часть его локтей, а наибольшая ширина - 25 пролетов. Тот, что изображен на с. 37, очевидно, является адмиральской галерой рыцарей Мальтийского ордена. На ней две мачты - грот-мачта (*albero maestro*) и фор-мачта (*trinchetto*), каждая с большим латинским парусом. Генуэзцы и венецианцы создали модели этих судов, и итальянские термины использовались во всей европейской навигации до тех пор, пока северные народы не стали первыми в производстве парусных кораблей. Однако эти паруса часто завязывают, поскольку мореплаватели XVI века были плохо обучены искусству галсов и очень боялись надолго потерять землю из виду, поэтому, если ветер не был попутным, они предпочитали полагаться на весла. Короткая палуба на носу и на крыльце служит для того, чтобы нести боевых людей, трубачей и верфей, а также для прикрытия четырех пушек, а другая - для размещения рыцарей и джентльменов, и особенно адмирала или капитана, который сидит на корме под красным дамасским балдахином, расшитым золотом, и наблюдает за командой, окруженный рыцарством "Религии", чей белый крест развевается на тафтяном штандарте над их головой и сияет на различных вымпелах и бургезах на крыше. Позади, над крышей полуяута, стоит лоцман, который управляет кораблем с помощью румпеля в руке.

Между двумя палубами, в талии корабля, находится движущая сила: пятьдесят четыре скамьи, по двадцать семь в каждую сторону, поддерживают четыре или пять рабов, все дело жизни которых заключается в том, чтобы тянуть за пятьдесят четыре весла. Этот флагманский корабль - христианское судно, поэтому гребцы - либо турецкие и мавританские пленники, либо христианские каторжники. Если бы это был корсар, то все гребцы были бы христианами пленниками. В прежние времена на галерах гребли свободные люди, и уже в 1500 году мавры Алжира тянули свои собственные бригадины для нападения на испанские деревни, но их лодки были легкими, и один человек мог тянуть весло. Для галеота требовалось два или три человека, а для большой галеры - иногда до шести на каждое весло. Невозможно было заставить свободных людей час за часом работать за веслом, потев в тесном кругу, не сидя, а вскакивая на скамью, чтобы бросить на весло весь свой вес. "Представьте себе шесть человек, прикованных к скамье, голых, как при рождении, одна нога на носилках, другая на скамье впереди, держащих огромное тяжелое весло [длиной в пятнадцать футов], наклоняющихся вперед к корме с руками на вытянутых руках, чтобы освободить спины гребцов впереди, которые наклоняются так же; и затем, пробравшись

вперед, толкаясь концом весла, чтобы лопасть зацепилась за воду, затем бросают свои тела обратно на стонущую скамью. Галерное весло иногда тянут так десять, двенадцать, а то и двадцать часов без передышки. Боцман или другой матрос в таких случаях кладет несчастному гребцу в рот кусок хлеба, смоченный в вине, чтобы тот не потерял сознание, и тогда капитан кричит приказ удвоить удары плетью. Если раб падает без сил на весла (что случается нередко), его бьют до тех пор, пока не примут за мертвого, а затем бесцеремонно бросают в море".[57]

"Те, кто не видел галеру в море, особенно в погоне или когда за ней гонятся, не могут представить себе, какой шок это зрелище должно вызвать в сердце, способном хоть на малейший оттенок сочувствия. Видеть ряды и шеренги полуголых, полуголодных, полузагорелых несчастных, прикованных к доске, откуда они не выходят месяцами (обычно полгода), понуждаемых, даже сверх человеческих сил, жестокими и многократными ударами по голой плоти, к непрерывному продолжению самых жестоких из всех упражнений; И это в течение целых дней и ночей подряд, что часто случается в яростной погоне, когда одна сторона, подобно стервятникам, спешит за своей добычей почти с таким же нетерпением, как и более слабая сторона, спешащая прочь в надежде сохранить жизнь и свободу."[58]

Иногда раб на галерах работал на этом страшном поприще целых двадцать лет, а иногда и всю свою жалкую жизнь. Бедняги были так тесно прикованы друг к другу на узкой скамье - острый срез был характерен для галеры, - что не могли спать в полный рост. Иногда семь человек (на французских галерах в прошлом веке тоже) вынуждены были жить и спать на пространстве десять футов на четыре. Весь корабль представлял собой море безнадежных лиц. А между двумя линиями гребцов проходил мостик, и на нем стояли два боцмана (*comiti*), вооруженные длинными кнутами, которыми они с беспощадной суровостью опускались на голые спины гребцов". Фурттенбах дает представление об этих двух боцманах в мрачно-юмористических стихах: "Как они стоят,

Бекладированные, подпоясанные, обвязанные, со множеством узлов;
Вышиты, подбиты, завязаны; все в перьях и в лоскутах;
Кудрявые и косые, снаряженные, любопытные в капюшоне и шапке:

и как они "всегда стойко бьют" экипаж бастинадо,

Или тычут им в голую плоть, когда они плывут,
И острием, что колет, как козлом, когда кричат "порох и дробь";

чтобы отправить турок в мокрый шкафчик Дэви.

Как Иоанн Австрийский их щипал и пускал в них шары,
Как только его взгляд падал на них, он уворачивался или убивал их всех;

И как страшный свисток боцмана пронесся по кораблю.

Ибо к такому свистку прислушиваются сквозь шум и пот,
Сквозь грохот, шум и скрежет, пинки и подзатыльники, которые они получают,
Сквозь болтовню и стук, и мычание руля, и унылый лязг
Позорной цепи, что навеки приковывает раба к берегу".

К этому можно добавить описание поведения боцмана, данное капитаном Пантеро Пантера: "Он должен проявлять доброту по отношению к экипажу: помогать ему, гладить его, но без излишней фамильярности; быть, короче говоря, его опекуном и в некотором роде отцом, помня, что, когда все сказано, это человеческая плоть, и человеческая плоть в тяжелейших страданиях".

Эта ужасная живая могила галеры, напомним, изображена по христианским образцам. Сто пятьдесят лет назад подобные сцены можно было наблюдать на многих европейских судах. Алжирские корсары служили своим врагам только так, как те служили им: с их рабами на галерах обращались, мягко говоря, не хуже, чем с рабами Дориа или короля Франции. Ранг и нежное воспитание не вызывали уважения ни у одной из сторон: галантный корсар вроде Драгута должен был тащить свою цепь и тянуть ненасытное весло, как любой каторжник на беговой дорожке, а будущий великий магистр Мальты мог случайно занять место на гребной скамье рядом с самым обыкновенным негодяем из Неаполя. Никто, казалось, не замечал ужасающей жестокости службы, где каждый человек, пусть он никогда не был столь утонченным, вынужден был терпеть грязь и паразитов своего соседа, который мог быть наполовину дикарем, а должен был стать им полностью; и когда мадам де Гриньян написала отчет о посещении галеры, ее подруга мадам де Севинье ответила, что "очень хотела бы увидеть этот вид ада" и людей, "стонущих день и ночь под тяжестью своих цепей". *Другие времена, другие нравы!*

Фурттенбах рассказывает нам еще много интересного о галере; о том, как ее украшали блестящими полотнищами на фальшбортах в дни праздников; о том, как бисквит шесть или восемь месяцев, каждый раб получал двадцать восемь унций три раза в неделю и ложку какого-нибудь месива из риса, костей или зелени; о том, как трудно было поддерживать полными и достаточно свежими баки с водой под скамьями. По его словам, полный состав большой галеры включал в себя, кроме 270 гребцов, капитана, капеллана, доктора, подъячего, боцманов и мастера, или лоцмана, десять или пятнадцать джентльменов-авантюристов, друзей капитана, разделявших его трапезу и причаленных в полуюте; двенадцать рулевых (*timonieri*), шесть носовых помощников капитана (А.В.), десять надзирателей за пленниками, двенадцать простых матросов, четыре канонира, плотник, кузнец, бондарь и пара поваров, а также пятьдесят или шестьдесят солдат; таким образом, все снаряжение боевой галеры должно было достигать примерно четырехсот человек. [59]

То, что можно сказать о европейской галере, в целом применимо и к барбарийскому галеоту, за исключением того, что последний, как правило, был меньше и легче, имел одну мачту и не имел замка на носу. [60] Алжирцы предпочитали сражаться на галеотах с восемнадцатью-двадцатью четырьмя банками весел, как более управляемых, чем более крупные корабли. Экипаж, состоявший примерно из двухсот человек, был очень плотно укомплектован, а около сотни солдат, вооруженных мушкетами, луками и секирами, занимали полую часть судна. Хаэдо описал общую систему корсаров так, как он знал ее в конце XVI века, и его рассказ, приведенный здесь в кратком изложении, подходит как для более раннего, так и для более позднего периодов:...

Эти суда постоянно строятся или ремонтируются в Алжире; строители - все христиане, получающие из казны ежемесячное жалованье в шесть, восемь или десять четвертьдолларов, а в день им полагается три буханки того же хлеба, что и турецким солдатам, у которых их четыре. Некоторые из высших чинов этих мастеров имеют шесть и даже восемь таких буханок; ни один из их рабочих, плотников, котельщиков, поваров,

гребцов, кузнецов и т. д., не имеет меньше трех. *Бейлик*, или общий магазин, никогда не нуждается в рабах всех полезных профессий, "и вряд ли у них когда-нибудь будет недостаток в них, в то время как они постоянно привозят невероятное количество христиан из всех народов". Капитаны также имеют своих личных рабов-ремесленников, которых они покупают за высокую цену, берут с собой в круиз, а на берегу нанимают их в помощь рабочим Бейлика.

Число судов, которыми алжирцы владели в одно и то же время, по-видимому, никогда не было большим. Барбаросса и Драгут довольствовались небольшими эскадрами. У Очиали при Лепанто было всего пятнадцать алжирских галер. Хаэдо говорит, что в конце XVI века (1581 г.) алжирцы располагали 36 галеотами или галерами, состоявшими из 3 из 24, 1 из 23, 11 из 22, 8 из 20, 1 из 19, 10 из 18 и 2 из 15, причем все они, кроме 14, находились под командованием ренегатов. Кроме того, у них было некоторое количество бригантин с 14 банками, принадлежавших в основном маврам в Шершеле. Это в значительной степени согласуется с данными отца Дана (1634), который говорит, что в 1588 году было тридцать пять галер или бригантин (он имеет в виду галеоты), из которых всеми, кроме одиннадцати, командовали ренегаты. Хаэдо приводит список [61] из 35 капитанов, из которого выбраны следующие имена: Джафар-паша (венгр), Меми (албанец), Мурад (француз), Дели Меми (грек), Мурад Реис (албанец), Феру Реис (генуэзец), Мурад Мальтрапильо и Юсуф (испанцы), Меми Реис и Меми Ганчо (венецианцы), Мурад Меньший (грек), Меми Корсиканец, Меми Калабриец, Монтес Сицилиец и так далее, большинство из которых командовали галерами в 22-24 банки.[62]

Спуск галеры на воду был очень красивым зрелищем. После долгих месяцев труда, после рубки дуба и сосны в лесах Шершеля и перевозки выструганных досок на верблюдах, мулах или собственных плечах за тридцать миль до берега моря; или, возможно, разбив какое-нибудь громоздкое призовое судно, захваченное у испанцев или венецианцев; после всех распилов, подгонки, конопатки и покраски; наконец, наступает день ликования для рабов-христиан, которые одни выполнили эту работу: Ибо ни один мусульманин и пальцем не прикоснется к постройке судна, за исключением нескольких морисков - гребцов и конопатчиков. Затем *армадоры*, или владельцы нового галеота, как только он будет закончен, спускаются вниз с подарками в виде денег и одежды и вешают их на мачту и такелаж на сумму в двести или триста дукатов, чтобы разделить их между своими рабами, единственной платой которых до этого дня была ежедневная похлебка. Затем, в день спуска судна на воду, после того как его кильнули и тщательно смазали днище от форштевня до кормы, еще больше подарков от владельцев и капитанов рабочим, не говоря уже о сытном обеде; И вот, когда над носом судна зарезали овцу - символ, по их словам, христианской крови, которая будет пролита, - и галеот сошел на воду, готовый к своей разрушительной карьере, напрягая и толкаясь мускулистыми руками и голыми спинами, крича "*Аллаху Акбар*", "Бог велик": построенный христианами, управляемый христианами, под командованием, вероятно, квондированного христианина, он отправляется на охоту за христианством.

Гребцами, по возможности, были все рабы-христиане, принадлежавшие хозяевам, но когда их не хватало, нанимались другие рабы, арабы и мавры, по десять дукатов за рейс, с призом или без приза. Если капитан (*Reïs*) был в состоянии, он строил и оснащал свое собственное судно, полностью за свой счет, в надежде на большую прибыль; но часто у него не было средств, и тогда он обращался за помощью к одному или нескольким *армадорам*. Часто это были спекулятивные лавочники, которые вкладывали деньги в часть галеота в расчете на выигрыш, и часто обнаруживали, что в столь опасной лотерее кроется гибель. Солдаты, будь то добровольцы (*levents*), состоящие из турок, ренегатов или *куроглеров* (*Kuloghler*) - т.е, *Креолы*, туземцы, турки, родившиеся на этой земле, или, если их не было, обычные мавры

или османские янычары, варьировались в зависимости от размера судна, но обычно рассчитывались по два человека на каждое весло, потому что было достаточно места для двух человек, чтобы сидеть рядом с каждым гребцом: им не платили, если они не брали приз, и они не получали ничего, кроме бисквита, уксуса и масла - все остальное, даже одеяла, они находили сами. Солдаты находились под командованием собственного аги, который был полностью независим от рейса и эффективно контролировал поведение этого офицера. Основным напитком галерных рабов были уксус и вода с несколькими каплями масла на поверхности, а пищей - размоченный бисквит или сухарь и изредка каша (*бургол*): ее не давали, когда требовалось усиленно грести, так как на сытый желудок весла ходят вяло.

Прежде чем выбрать удачный день для выхода в море, было принято обращаться к книге предсказаний и *марабуту*, или святому, и эти святые рассчитывали на долю в призовых деньгах. Пятницы и воскресенья были любимыми днями для плавания; в честь их покровителя палят из пушки; "Бог нам в помощь!" кричит команда; "Бог пошлет вам приз!" отвечает толпа на берегу, и галеот стремительно скользит прочь по своему разрушительному пути. "Алжирцы, - говорит Хаэдо, - вообще говоря, выходят в плавание зимой и летом, круглый год; и так без страха они бродят по восточным и западным морям, смеясь все время над христианскими галерами (которые трубят, играют и пируют в портах христианства), ни больше, ни меньше, чем если бы они отправились на охоту за зайцами и кроликами, убивая то одного, то другого. Далеко не опасаясь, они уверены в своей игре; ведь их галиоты так легки и проворны, и в таком прекрасном порядке, что всегда^[63]; тогда как, напротив, христианские галеры так тяжелы, так стеснены, и в таком плохом порядке и беспорядке, что совершенно напрасно думать о том, чтобы устроить им погоню или помешать им уходить и приходить, и делать то, что им самим угодно. По этой причине, когда христианские галеры преследуют их, они имеют обыкновение, в качестве игры и насмешки, указывать на их свежие пупы, когда они скользят перед ними, как рыбы, все как один показывая им свои спины для приветствия: И поскольку в крейсерском искусстве, благодаря постоянной практике, они так искусны, а вместе с тем (за наши грехи) так дерзки, самонадеянны и удачливы, через несколько дней после выхода из Алжира они возвращаются, нагруженные бесконечными богатствами и пленниками; и способны совершить три или четыре плавания в год, а то и больше, если будут склонны напрягаться. Те, кто плавал на запад, взяв приз, продают его в Тетване, Эль-Арайше и т. д., в королевстве Фес; те же, кто был на востоке, в государствах Тунис и Триполи; там, пополнив запасы провизии и т. д., они тут же отправляются снова и снова возвращаются с грузом христиан и их имущества. Если иногда случается, особенно зимой, что они бродят по окрестностям сколько-нибудь значительное время, не нажив никакой добычи, они удаляются в одно из этих семи мест, а именно: если они были на западе, их пристанищем были Тетван, Аль-Арайш или Юсале; те, кто пришел от испанских берегов, отправились на остров Форментара; а те, кто был на востоке, удалились на остров С. Педро, близ Сардинии, устья Бонифачо на Корсике, или на острова Липари и Стромболо, близ Сицилии и Калабрии; И там, благодаря удобству этих удобных портов и гаваней, прекрасным источникам и фонтанам воды, обилию дров для топлива, а также беспечной небрежности христианских галер, которые едва ли считают своим делом искать их, они там, очень вольготно, отдыхают, вытянув ноги, ожидая перехвата шагов христианских кораблей, которые приходят туда и попадают в их лапы."^[64]

Отец Дэн описывает их способ нападения как совершенно свирепый. Под чужим флагом они подманивают ничего не подозревающую жертву на расстояние удара, а затем артиллеристы (как правило, ренегаты) стреляют с неослабевающей быстротой, в то время как матросы и боцманы приковывают рабов, чтобы те не принимали участия в борьбе. Бойцы стоят наготове, обнажив оружие, взведя мушкеты и оскалив скаймиты, ожидая приказа подняться

на борт. Их боевой клич был ужасающим, а ярость натиска была такой, что вселяла панику в самые стойкие сердца.

При взятии приза добыча делилась со скрупулезной честностью между владельцами и захватчиками, причем определенная доля (от пятой до восьмой) оставалась для бейлика, или правительства, которое также претендовало на корпус. Из оставшейся части половина доставалась владельцам и реи, другая половина - команде и солдатам. Главные офицеры получали по три доли, канониры и рулевые - по две, а солдаты и подметальщики - по одной; рабы-христиане получали от 1 1/2 до трех долей за штуку. За точностью деления следил подьячий. Если приз был очень большим, захватчики обычно сразу же буксировали его в Алжир, но небольшие суда обычно отправляли домой под командованием лейтенанта и команды присяжных мавров.

Корсара, захватившего приз, невозможно перепутать: приближаясь к порту, он палит из пушки в пушку, совершенно не считаясь с порохом. Как только он оказывается на дорогах, *лиманский* рейс, или портовый адмирал, поднимается на борт и докладывает паше; затем галеот входит в порт, все весла опускаются в воду и буксируются на берег, чтобы никто из христианских пленников не мог покинуть корабль в отсутствие капитана и солдат. На берегу царит суeta и восторженное смятение; вялость торговли, обычное состояние Алжира между прибытиями призов, забывается в радости нового богатства; прежние дряхлые люди расхаживают по городу, наряженные в праздничные одежды, торговля в барах идет оживленно, и каждый думает только о том, как развлечься. В Алжире царит *праздник*.

ССЫЛКИ:

[54] Хаэдо, цитируется Морганом, 593-4.

[55] Не менее ценной является книга адмирала Жюрьена де ла Гравьера "*Последние дни морского флота в Рамесе*" (Париж, 1885). В нем содержится замечательный рассказ о системе французских галер, способе набора, дисциплине и общем управлении, описание различных классов судов и способов их навигации, а в искусно составленном Приложении на более чем ста страницах описываются детали строительства галер, их отделки, оснастки и такелажа, а также все, что необходимо знать студенту. Главы (ix. и x.), посвященные *навигации на раме* и *навигации на вуале*, особенно достойны прочтения теми, кто хочет понять морское дело XVI и XVII веков.

[56] Изначально галеасом называлась большая тяжелая трехмачтовая галера, оснащенная рулем, поскольку из-за своей громоздкости она была вынуждена полагаться не только на весла, но и на паруса. Это был своего рода переходный корабль между галеасом и галеоном, и со временем он становился все более и более парусным судном. У него были высокие фальшборты с бойницами для мушкетов и хотя бы частичное укрытие для команды. На португальских галеасах испанской Армады было по 110 солдат и 222 галерных раба, а на неаполитанских галеасах - 700 человек, из которых 130 были матросами, 270 солдатами и 300 рабами-гребцами. Jurien de la Gravière, *Les Derniers Jours de la Marine à Rames*, 65-7.

[57] Так говорит Жан Мартейль де Бержерак, раб на галере около 1701 года, цитируемый адм. Жюрьеном де ла Гравьером, *Derniers Jours de la Marine à Rames*, 13.

[58] Морган, 517.

[59] В 1630 году рота французской галеры состояла из 250 форсатов и 116 офицеров, солдат и матросов.

[60] Dan, *Hist. de Barbarie*, 268-71. См. раздел о тунисских галеотах на с. 183.

[61] *Topographia*, 18.

[62] Дан, 270-1.

[63] Корсары гордились корабельной формой своих судов. Все укладывалось с удивительной аккуратностью и экономией места и скорости; даже якорь опускали в трюм, чтобы он не мешал "одевать" весла. Оружие никогда не подвешивалось, а надежно привязывалось, и во время преследования врага экипажу и солдатам не разрешалось делать никаких движений, кроме тех, которые были необходимы для продвижения и защиты корабля. Эти корсары, по сути, до совершенства понимали условия гребной гонки.

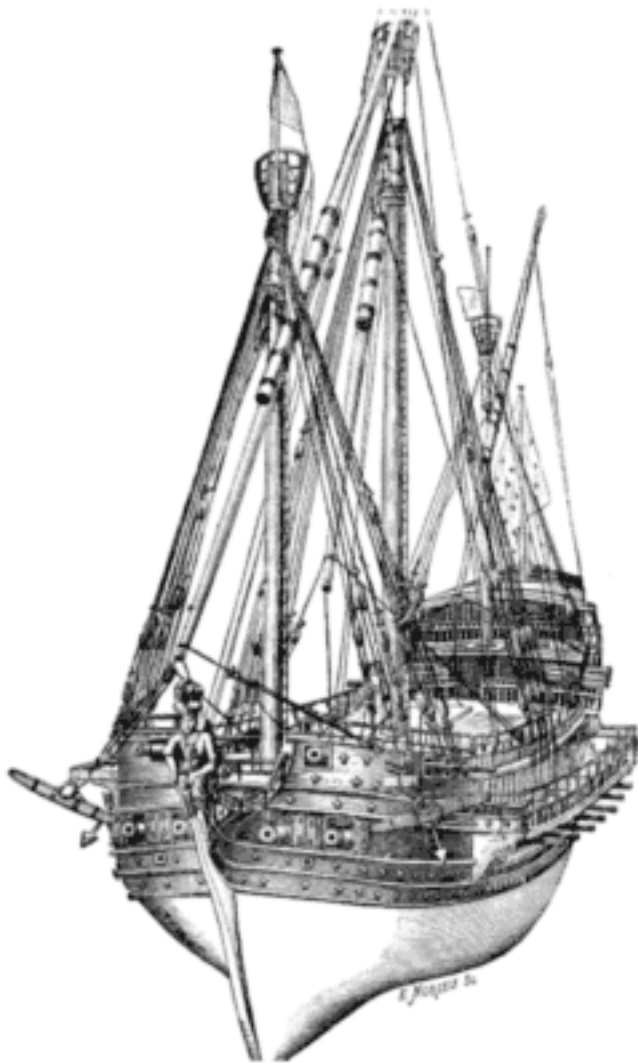
[64] Хаэдо, 17.

XVII.

ТРИУМФ ПАРУСА.

XVII век.

ГАЛЕАСЫ СЕМНАДЦАТОГО ВЕКА.

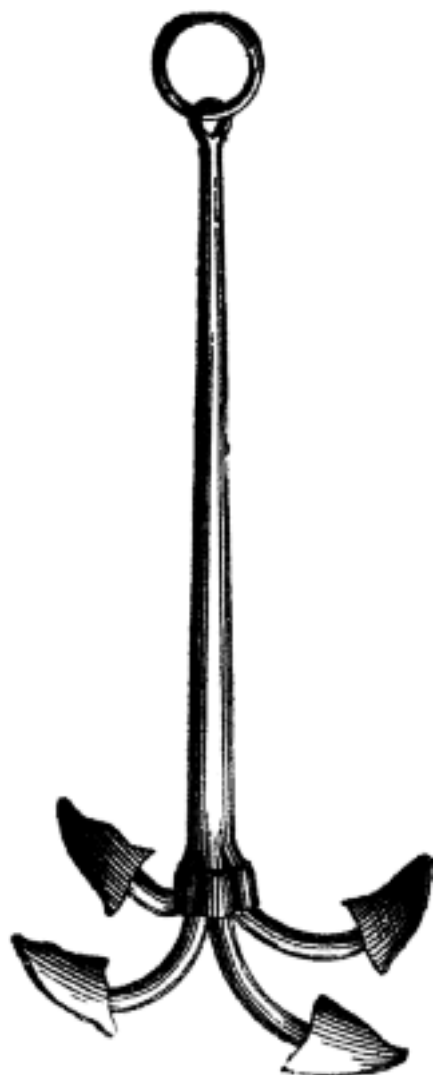
(Жюрьен де ла Гравьер.)

В начале семнадцатого века в тактике корсаров произошли заметные изменения: они стали строить меньше галер и перешли на корабли с квадратными парусами. В Алжире, Тунисе и Триполи верфи кишмя кишели рабочими, занятыми изучением новой конструкции, а честь, если таковая была, научить их этому, по-видимому, принадлежит Англии и Фландрии. Симон Дансер, фламандский мореплаватель, научил алжирцев моде на "круглые корабли" в 1606 году, а англичанин, похоже, оказал ту же услугу жителям Туниса, которым помогал греческий ренегат Меми Реис; кроме того, другой английский пират, "капитан Вер", был найден в Голетте французским послом месье де Бревом в дружеской компании.^[65] Причины перемены были двоякими: во-первых, христианских рабов не всегда можно было поймать, а нанимать гребцов на галеры было разорительно; во-вторых, особая служба, для которой предназначались небольшие галеоты и бригантины, спускаться к испанским берегам, была в определенной степени затруднена окончательным изгнанием последних мавров из Андалусии в 1610 году.^[66] Этот удар лишил корсаров готовых проводников и сочувствующих, которые так часто помогали им в успешных набегах, а для продолжения таких походов требовались более крупные суда и большее количество бойцов. Кроме того, барбарийские мореплаватели были полны честолюбия поспорить со своими старыми врагами за золотые сокровища на самой испанской магистрали; наука мореплавания быстро развивалась, и они чувствовали себя такими же способными отважиться на длительное плавание, как и все европейские народы. Длительное плавание невозможно на галере, где нужно кормить сотни гребцов и где каждый фунт бисквита увеличивает труд движения; но у

парусов нет рта, и они могут нести на себе огромный груз провизии, не уставая, как человеческие руки. Поэтому паруса одержали победу над веслами. День галеры практически закончился, и наступила эпоха корабля. Уже в 1616 году сэр Фрэнсис Коттингтон докладывал герцогу Бекингеми, что парусные силы Алжира вызывают всеобщую тревогу в Испании: "Сила и дерзость барбарийских пиратов сейчас достигла такой высоты, как в океане, так и в Средиземном море, что я никогда не знал ничего, что могло бы вызвать большее огорчение и смятение при этом дворе, чем ежедневные советы о них. Весь их флот состоит из сорока парусных высоких кораблей, от двух до четырехсот тонн каждый; их адмирал [флагманский корабль] - из пятисот. Они разделены на две эскадры; одна из них, восемнадцать парусами, остается перед Малагой, в виду города; другая - у мыса Святой Марии, который находится между Лиссабоном и Севильей. Эта эскадра в проливе вошла в Мостиль, город у Малаги, где своими орудиями они сбили часть замка и, несомненно, взяли бы город, но из Гранады пришли солдаты, чтобы поддержать его; еще они взяли там много кораблей, и среди них три или четыре из западной части Англии. Два больших английских корабля они вытащили на берег, не далее четырех лиг от Малаги; после они также выбрались на берег и сожгли их, и по сей день они остаются перед Малагой, перехватывая все корабли, которые проходят этим путем, и полностью запрещая всякую торговлю в тех краях Испании". Другая эскадра делала то же самое за проливами, а испанский флот был и слишком мал по численности, и слишком громоздок по конструкции, чтобы успешно атаковать их. Однако "если в этом году они благополучно вернутся в Алжир, особенно если они захватят кого-нибудь из флота, то следует опасаться, что морских сил короля Испании будет недостаточно, чтобы сдержать их в будущем, так много сладости они находят, делая призами всех христиан, каких бы то ни было".

Эта депеша показывает, что корсары быстро освоили новый способ навигации, как и следовало ожидать от народа моряков. Они уже давно были знакомы с большими галеасами Испании и Венеции, представлявшими собой нечто среднее между гребной галерой и парусным галеоном, поскольку они были слишком тяжелы, чтобы полностью зависеть от весел (которые, к слову, гребли под прикрытием), а их движущей силой обычно служили большие латаные паруса. Кроме того, сами галеры имели паруса, хотя и не квадратные, и моряк, умеющий управлять кораблем на латинских парусах, скоро научится управлять квадратным. Гравюры на стр. [5](#), [11](#), [165](#), [197](#) и [227](#) в достаточной степени показывают тип судна, которое теперь снова вошло в моду и которое называлось галеоном, нефом, полаккой, тартаной, барконом, каравеллой, карамузелем и т. д., в зависимости от его размера и страны. Турецкий карамузел или тартана, говорит Фурттенбах, стоит высоко из воды, он силен и быстр, на нем восемнадцать или двадцать пушек и до шестидесяти хорошо вооруженных пиратов. Это опасное для нападения судно. С высоты своего положения его пушки могут обстреливать христианское судно таким яростным огнем, что единственной альтернативой сдаче может быть только уничтожение. Если враг попытается проскочить ниже уровня огня, турки забросают его гранатами с верхних палуб и подожгут корабль, и даже если христианам удастся высадиться, они окажутся в ловушке: Ибо, хотя талия корабля действительно очищена от врага, ураганные палубы на полуюте и носу дают команду на абордаж, и через бойницы в фальшбортах - такое же хорошее укрытие, как окоп - из пушек льется град винограда, и, пользуясь случаем, турки яростно бросаются в двери и берут противника одновременно в лицо и в тыл; и тогда наступает напряженное время для скимитара и пики. Или, находясь рядом, если вы видите, что грот карамузеля раздувается и что-то движется в железной клетке на *габии* или грот-мачте, знайте, что скоро с главного пика будет сброшен петард, а возможно, и тяжелый камень или бомба с противоположного конца длинного латен-ярда, где он служит двойной цели - снаряда и противовеса. Теперь самое время держаться на расстоянии, если только вы не хотите получить дыру в днище

своего корабля. Корсары, действительно, очень хитры в нападении и обороне, знакомы со многими видами снарядов, даже с подводными торпедами, которые водолаз прикрепляет к килю противника, и умеют подавать свои кормовые преследователи с удивительной точностью и быстротой.[\[67\]](#)

ЯКОРЬ.

С вновь построенными галеонами набеги корсаров становились все более масштабными: они больше не ограничивались Гибралтарским проливом или немного выходили за его пределы; они продвигались к северу и югу. В 1617 году они прошли проливы на восьми хорошо вооруженных судах и пристали к Мадейре, где высадили восемьсот турок. Последовавшие за этим сцены носили обычный характер: весь остров был опустошен, церкви разграблены, люди избиты и обращены в рабство. Двенадцать сотен мужчин, женщин и детей были доставлены обратно в Алжир, много выстрелов из пушек и других сигналов радости, к которым присоединился весь город.

В 1627 году Мурад, немецкий ренегат, захватил три алжирских корабля и ушел на север, в Данию и Исландию, уведя оттуда четыреста, а по некоторым данным, восемьсот пленников; и, чтобы не отстать от него, его тезка Мурад Рейс, флеминг, в 1631 году разорил английские берега и, перейдя в Ирландию, обрушился на Балтимор, разграбил город и увел двести тридцать семь пленников, мужчин, женщин и детей, даже с колыбели. "Жалкое зрелище было видеть их выставленными на продажу в Алжире, - плачет добрый отец Дэн, - ибо тогда они разлучали жену с мужем, а отца с ребенком; теперь, говорю я, они продают мужа здесь, а

жену там, вырывая из ее рук дочь, которую она не надеется увидеть когда-либо снова".^[68] Многие прохожие разрыдались, видя горе и отчаяние этих несчастных ирландцев.

Как и прежде, но с большей уверенностью, они следуют своим излюбленным курсом в Левант, пересекают египетский торговый путь, где их поджидают корабли, груженные товарами из Каира, Санъа и Бомбея, и причаливают к Кипру, чтобы захватить сирийские и персидские товары, которые плывут из Скандеруна; И так домой, с приятным рейдом вдоль итальянских берегов, заходя, возможно, на один или два острова, чтобы забрать рабов и добычу, и таким образом к молу Алжира и приветствию своих товарищей; И это несмотря на все большие корабли христианства, *"qu'ils ne cessent de troubler, sans que tant de puissantes galeres et tant de bons navires que plusieurs Princes Chrestiens tiennent dans leur havres leur donnent la chasse, si ce ne sont les vaisseaux de Malte ou de Ligorne."*^[69] А с 1618 года, когда янычары впервые избрали собственного пашу и практически проигнорировали власть Порты, традиционное сотрудничество с Францией, союзницей султана, сошло на нет, и французские суда теперь составляли часть добычи корсаров. В период с 1628 по 1634 год было захвачено восемьдесят французских кораблей, стоимость которых, согласно оценке реисов, составила 4 752 000 ливров, а также 1331 раб. Король Франции, должно быть, сожалел даже о тех днях, когда Барбаросса зимовал в Тулоне: так велика была чума морских разбойников и так безнадежны были попытки их уничтожить.

ССЫЛКИ:

^[65] Дан, кн. III, гл. iv, с. 273-5, 280.

^[66] См. *"История мавров в Испании"*, 279.

^[67] Furttenbach, *Architectura Navalis*, 107-110.

^[68] Dan, *Hist. de Barbarie*, 277.

^[69] Dan, *l. c.*, 278.

XVIII.

ВЫКУП ПЛЕННЫХ.

XVII и XVIII века.

Когда галеры вышли из моды, а их место заняли "круглые корабли", можно предположить, что количество пленных рабов-христиан уменьшилось. Однако в действительности число рабов, занятых на галерах, было незначительным по сравнению с теми, кто работал на берегу. Если испанский историк прав в своем утверждении, что в конце XVI века у алжирцев было всего тридцать шесть галер и галеотов (на бригантинах рабы не гребли) с двенадцатью сотнями весел, даже при условии, что на одно весло приходилось по три человека, что чрезмерно для некоторых легких галеотов корсаров, то число рабов составляет всего три тысячи шестьсот человек. Но в 1634 году отец Дан обнаружил в городе Алжире и его окрестностях двадцать пять тысяч христианских рабов, не считая восьми тысяч перебежчиков, а флот настолько не уменьшился (разве что галер было мало), что священник насчитал не менее семидесяти парусных крейсеров, от больших тридцатипяти- и сорокапушечных кораблей до обычных галеонов и полакков; И на сайте 7 августа он сам

видел, как двадцать восемь лучших из них отплыли в поисках нормандских и английских кораблей, которые обычно приходили в Испанию в это время года, чтобы взять вино, масло и пряности. Он добавляет, что в Тунисе тогда было всего четырнадцать поляков, в Сале - тридцать очень быстрых каравелл, которые мало забирали воды из-за барьера гавани, а в Триполи - семь или восемь, благодаря бдительности мальтийских рыцарей. В общей сложности весь барбарийский флот насчитывал сто двадцать парусных кораблей, а также около двадцати пяти галер и бригантин.

МУЧЕНИЯ РАБОВ.

(*Dan, Hist. de Barbarie*, 1637.)

Отец Дан рисует жалкую картину жизни невольников на берегу. Ничто, конечно, не могло сравниться с мучениями рабов на галерах, но убогость рабов на берегу была достаточно ужасной. Когда их высаживали на берег, их везли на Бешистан, или невольничий рынок, где их выставляли на аукцион, как скот, который тоже продавали; аукционист ходил с ними взад-вперед, чтобы показать их походку, и бил, если они ленились, уставали или казались "мнительными". Покупатели часто были спекулянтами, которые намеревались продать их снова, - "покупали для роста", на самом деле; и "христиане сегодня дешевы" было деловой цитатой, как если бы они были акциями и долями. Самых красивых женщин обычно отправляли в Константинополь на выбор султана; остальных заковывали в цепи и бросали в

мерзкие подземелья в частных домах, пока не найдется работа, или в большие тюрьмы, или баньо, которых в Алжире тогда было шесть, каждая содержала несколько камер, в которых находилось по пятнадцать-шестнадцать рабов. В этих убогих норах можно было увидеть представителей обоих полов всех рангов и сословий, благородных и простых, священников и лаиков, купцов и ремесленников, дам и крестьянок; одни надеялись на выкуп, другие отчаивались, что когда-нибудь снова окажутся на свободе. Старых и немощных ставили продавать воду; нагруженные цепями, они вели осла по улицам и раздавали воду из шкуры на его спине; и злым был день, когда бедный пленник не приносил домой своему хозяину оговоренную сумму. Другие относили хлеб в пекарню и поспешно возвращали его обратно, ибо мавры любят горячие буханки. Одни убирали в доме (магометане не любят грязи), белили стены, стирали одежду и занимались детьми; другие возили фрукты на рынок, ухаживали за скотом или работали в поле, иногда разделяя ярмо плуга с ношей. Хуже всего был тяжкий труд по добыче камня для строительства и его переноске с гор на берег.

Несомненно, отец Дэн сделал худшее из того, что увидел: хозяевам было не выгодно калечить своих рабов, которых можно было выкупить или перепродать, и, во всяком случае, они были более ценны в здравии, чем в слабости и болезни. Хуже всего в неволе были не физические изнурения и удары, а душевная забота, отчаяние освобождения, тоска гордых сердец, настроенных на рабство для хозяев. Жестокость, конечно, была, как признает даже такой ярый апологет мавров, как Джозеф Морган, но вряд ли она была правилом; и отчет другого французского священника, посетившего Алжир и другие части Барбарии в 1719 году, не подтверждает утверждений Дэна: нет никаких оснований считать, что в 1634 году с пленниками обращались хуже, чем в 1719 году.^[70] Последний отчет, с некоторыми комментариями Моргана, можно резюмировать так^[71] :-.

Рабы в Алжире действительно не так несчастны, как те, что находятся в руках горных мавров. Политика власть имущих, интересы отдельных людей и более общительный нрав горожан делают их участь в целом менее суровой: все же они рабы, ненавидимые за свою религию, перегруженные работой и склонные к отступничеству. Они бывают двух видов: Бейлик, или правительственные рабы, и рабы, принадлежащие частным лицам. Если корсар захватил приз и выяснил с помощью бастинадо ранг, род занятий и квалификацию различных пленников, он приводит их к губернатору, чтобы тот строго проверил, какое место они занимали на захваченном судне - пассажиров или снаряжение: если первое, их требуют их консулы, которые присутствуют при осмотре, и, как правило, их освобождают; но если они служили на корабле за плату, их обращают в рабство. Выстроившись в ряд, каждый восьмой выбирается деом на свою долю, и он, естественно, отбирает лучших рабочих, хирургов и корабельных мастеров, которых сразу же отправляют в правительственный баньо. Остальное делится поровну между владельцами и экипажами, и их везут в Бешистан и выставляют на торги *деллалы* или аукционисты, в зависимости от их достоинств и призвания, пока не будет достигнута наивысшая цена. Однако это лишь формальный аванс, поскольку окончательная продажа должна состояться во дворце деа, куда теперь и направляются пленники и их потенциальные покупатели. Второй аукцион всегда приносит гораздо большую сумму, чем первый; но владельцам и снаряжению разрешается лишь разделить прежнюю цену, а вся разница между первой и второй продажей, благодаря удивительно простой процедуре, полностью переходит к правительству.

Государственные рабы носят железное кольцо на одной лодыжке и запираются на ночь в баниосе, а днем выполняют всю тяжелую работу в городе - чистят, переносят и добывают камень. Их паек составляет три хлеба в день. Некоторых видели работающими в цепях. Тем

не менее у них есть свои привилегии: по пятницам они не работают, а каждый день в течение примерно трех часов до захода солнца могут свободно играть, работать или воровать, и Морган добавляет, что они воруют совершенно безнаказанно и часто продают украденное обратно владельцам, которые не смеют жаловаться. Иногда дей посылает их в море, тогда им разрешается оставить себе часть добычи; другим же разрешается держать таверны, чтобы в них могли кутить ренегаты и всякая шваль, как турки, так и христиане. Иногда они могут накопить достаточно денег, чтобы выкупить свою свободу, но часто случалось, что раб оставался рабом по собственному желанию, скорее чем возвращался в Европу и нищенствовал, и многим из них, конечно, было лучше в рабстве в Алжире, где они получали удар за преступление, чем в Европе, где их злодеяния привели бы их к колесу или, по крайней мере, к недоузду.

Однако, несомненно, были и случаи беспредельного варварства в обращении с пленниками. Например, редемпционисты рассказывают о страданиях четырех рыцарей Мальты - трех французских джентльменов и одного из Лукки, - которые были взяты в плен при осаде Орана в 1706 году и доставлены в Алжир. Здесь их поместили в правительственную тюрьму вместе с другими заключенными и рабами, число которых достигало двух тысяч. Обессилев от зловония, они были переведены в Касабу или замок, где пробыли два года. Затем пришло известие, что мальтийские галеры захватили алжирский *корабль Capitana*, на борту которого находилось шестьсот пятьдесят турок и мавров, а также рабы-христиане, не говоря уже убитых и раненых; тогда, разгневанный, дей отправил пленных рыцарей в замковую темницу, нагрузив их цепями весом 120 фунтов; и там они остались, стесненные кандалами, в зловонной пещере, кишашей крысами и другими паразитами. Они слышали, как по улице проходили люди, и звенели цепями, чтобы их услышали, но никто не откликнулся. Наконец их состояние дошло до слуха французского консула, который пригрозил турецким пленникам на Мальте аналогичными наказаниями, если рыцари не будут удалены; тогда дей облегчил их цепи наполовину и поместил их в лучшую комнату. Там эти несчастные джентльмены оставались еще восемь долгих лет, за исключением великих церковных праздников, когда их освобождали, чтобы они могли участвовать в религиозных обрядах во французском консульстве; и однажды они составили странную и печальную картину на свадебных торжествах консула, когда они на время приняли свои перуки и придворные платья, чтобы затем снова сменить их на знаки рабства, когда радостный момент свободы закончился. Со временем обращение с ними становилось все хуже; их заставляли даже таскать грузовики с камнем, этих рыцарей героического ордена; и, не имея возможности получить такую большую сумму, как почти 40 000 долларов, которую требовали за их выкуп, им удалось сбросить цепи и сбежать на берег. Но там, к их ужасу, ожидаемого корабля не оказалось, и они укрылись у одного *марабута* или святого. К его чести, этот достойный мусульманин использовал свое огромное духовное влияние для их защиты, и дей пощадил их жизни. Наконец, совместными усилиями их друзей и искупителей эти бедные джентльмены были выкуплены и возвращены в свою страну.[72]

Среди тех, кто пережил плен в Алжире, был и тот, кого гений причислил к величайшим людям всех времен. В 1575 году Сервантес[73] возвращался из Неаполя - после шести лет службы в полку Фигероа и потери левой руки при Лепанто - в свою страну, когда его корабль "*Эль Соль*" был атакован несколькими корсарскими галерами под командованием Арнаута Мемии, и после отчаянного сопротивления, в котором Сервантес принял самое активное участие, был вынужден снять свои цвета. Таким образом, Сервантес оказался в плену у перебежчика-грека, некоего Дели Мемии, корсарского рейса, который, найдя у него рекомендательные письма от высокопоставленных лиц, среди которых был и дон Иоанн Австрийский, решил, что он - высокопоставленный пленник, за которого можно потребовать большой выкуп.

Поэтому на будущего автора *"Дон Кихота"* надели цепи и жестоко с ним обращались, чтобы он еще больше стремился к выкупу. Выкуп, однако, не спешил поступать, а тем временем пленник предпринял несколько смелых, изобретательных, но безуспешных попыток бежать, что, естественно, повлекло за собой ужесточение надзора и еще большую жестокость. Наконец, на втором году плена он смог сообщить своим друзьям о своем состоянии, после чего его отец напряг все силы, чтобы прислать достаточную сумму для освобождения Мигеля и его брата Родриго, который находился в таком же положении. Брат был освобожден, но самого Сервантеса сочли слишком ценным для такой цены.

С помощью освобожденного брата он снова разработал план побега. В пещере в шести милях от Алжира, где у него был друг, он спрятал сорок или пятьдесят беглецов, в основном испанских джентльменов, и сумел снабжать их едой в течение шести месяцев, не вызывая подозрений. Было решено, что его брат пришлет испанский корабль, чтобы забрать обитателей пещеры, к которым теперь присоединился Сервантес. Корабль прибыл, связь уже была открыта, когда несколько рыбаков подняли тревогу, судно вынуждено было выйти в море, а тем временем предательство одного из пленников раскрыло весь заговор Хасан-паше, вице-королю, который немедленно отправил в пещеру отряд солдат. Сервантес, со свойственным ему рыцарским характером, сразу же выступил вперед и взял всю вину на себя. Удивленный таким великодушием, вице-король, которого в *"Дон Кихоте"* называют "убийцей всего рода человеческого"[74], отправился за ним и нашел его верным своему слову. Никакие угрозы пыток или смерти не смогли вырвать у него ни слова, которое могло бы выдать хоть одного из его товарищей по плену. Его неустрашимость, очевидно, поразила вице-короля, и он, вместо того чтобы преследовать, выкупил Сервантеса у своего хозяина за пятьсот золотых крон.

Ничто не могло удержать этого доблестного духа от стремления к свободе. Попытка за попыткой терпела неудачу, но он все равно пытался снова. Однажды он был очень близок к свободе, когда его предал монах-доминиканец; даже тогда он мог бы спастись, если бы согласился покинуть своих товарищей по заговору: но он был Сервантесом. Благодаря своему рыцарству он был на волосок от казни и пять месяцев просидел в банио мавра под строгим надзором, хотя и без ударов - за все время плена его никто не ударил, хотя он часто ожидал, что ему наложат на голову вину или убьют какой-нибудь ужасной смертью. Наконец, в 1580 году, когда его, обремененного цепями, везли в Константинополь, куда отозвал Хасан-паша, отец Хуан Хиль выкупил его за 100 фунтов стерлингов английских денег того времени, и Мигель де Сервантес после пяти лет плена снова оказался на свободе. Как было сказано, если бы *"Дон Кихот"* и все остальные его произведения никогда не были написаны, "имеющихся здесь доказательств его душевного величия, постоянства и жизнерадостности в самых тяжелых испытаниях, какие только может выдержать человек, было бы достаточно, чтобы обеспечить ему вечную славу".[75]

ОТЦЫ

ИСКУПЛЕНИЯ.

(Дан, *Hist. de Barbarie*, 1637.)

Рабство в частных домах, магазинах и на фермах было терпимым или невыносимым в зависимости от характера и нравов хозяина и рабов. К некоторым относились как к членам семьи, не ограничивая их свободы, как это свойственно мусульманам по отношению к рабам своей религии; других проклинали и били, справедливо или несправедливо, и они вели собачью жизнь. Некоторое время особенно жестоко обращались с теми, кто, как предполагалось, мог заплатить хороший выкуп, в надежде заставить их прислать деньги. Бежать удавалось редко: риск был слишком велик, а шансы слишком малы.

Тысячи рабов-христиан означали десятки тысяч сочувствующих христиан, потерявших родителей и сестер, убитых горем детей и друзей; легко представить, какие усилия предпринимались для освобождения несчастных родственников в неволе. Поначалу было чрезвычайно трудно начать переговоры с корсарами; но когда государство за государством назначало консулов для наблюдения за своими интересами в Алжире и Тунисе, появилась признанная среда для переговоров, которой воспользовались. Как мы сейчас увидим, должность консула в те времена не несла в себе ни власти, ни достоинства, которые присущи ей сейчас, и усилия консула часто оказывались безрезультатными.

Однако кроме консулов были и другие люди, которые помогали в этом благом деле. Освобождение пленников - христианский долг, и в конце двенадцатого века Жан де Мата, впечатленный несчастной судьбой многих христиан, томившихся в землях неверных, основал "Орден Святой Троицы и искупления пленников". Монастырь Святого Матурена в Париже был сразу же передан ордену, другой был построен в Риме на холме Коэлиан, третий под названием Серфруа возле Мо, и другие во многих странах, вплоть до Индии. Папа Иннокентий Третий горячо поддержал благочестивый замысел и написал латинское письмо,

в котором рекомендовал икупителям покровительство императора Марокко: оно было адресовано: *Illustri Miramomolin, Regi Marochetanorum*. Первое плавание Маты (1199 год) принесло сто восемьдесят шесть пленников, а в последующие поколения около двадцати тысяч рабов были спасены добрыми отцами, которые, облачившись в белые одежды с синим и красным крестом на груди - три цвета, символизирующие Три Лица, - без страха противостояли корсарам и торговались за выкуп пленников.

Отец Пьер Дан и его коллеги из Ордена икупления отправились из Марселя в 1634 году в свите Сансона ле Пажа, главного герольда Франции и знатока турецкого языка, чтобы договориться об обмене пленниками.^[76] Некоторые турки, заключенные на галерах в Марселе, должны были быть освобождены в обмен на освобождение трехсот сорока двух французов, находившихся в плену в Алжире. Взгляды доброго папы на происхождение корсаров были весьма определенными. Он считал, что они происходят от Хама, предателя, и наследуют проклятие патриарха Ноя; кроме того, они самые жестокие из всех противоестественных чудовищ, которых породила Африка, самые варварские из людей, вредители рода человеческого, тираны над общей свободой и массовые убийцы невинной крови. Он не остановился, чтобы выяснить, в каком состоянии находятся рабы галер в портах его собственной Франции, или поинтересоваться, относится ли слово "корсар" только к мусульманам.

15 июля 1634 года Сансон и священники прибыли в Алжир. Там проходил полный диван, и паша принял их вежливо, несмотря на их упрямый отказ перевязать французский флаг со своим полумесяцем. По всеобщему обычаю, принятому в Алжире, они были вынуждены отдать руль и весла, не столько для того, чтобы предотвратить свой самовольный отъезд, сколько для того, чтобы устранить соблазн для пленных христиан бежать на судне. Был отдан приказ оказывать всяческое уважение посланнику под страхом обезглавливания. Для них приготовили комнату в доме агента, представлявшего коралловые промыслы соседнего Бастион-де-Франс; здесь отец Дан устроил алтарь, отслужил мессу и выслушал исповедь пленников. Через два дня после их прибытия из Константинополя явился новый паша: его встретили две государственные галеры и салютовали пятнадцатью сотнями пушек в фортах и сорока галерами в гавани. Ага янычар и государственный секретарь с многочисленной свитой офицеров, барабанщиками и флейтистами с оглушительным шумом встретили его при высадке. Новый паша, облаченный в белые одежды, сел на великолепного барба, богато украшенного драгоценными камнями и шелковой вышивкой, и поскакал во дворец, откуда отправил французскому посланнику в подарок быка, шесть овец, двадцать четыре птицы, сорок восемь горячих хлебов и шесть дюжин восковых свечей; на что сьер ле Паж ответил золотыми и серебряными часами, алой тканью и богатой парчой.

Несмотря на эти любезности, переговоры затянулись, и наконец, после трех месяцев бесплодных усилий, Миссия покинула "этот проклятый город" с такой поспешностью, что даже не посмотрела, будет ли ветер им попутным, и поэтому вскоре оказалась влекома греческим левантовым, или восточным, ветром на Майорку; Затем переправились в Бухейю, которая перестала быть важным или пиратским местом, так как алжирцы сосредоточили все свои галеры в главном порту; а потом увидели Бону, где виднелись следы вторжения 1607 года, когда шесть флорентийских галер под командованием французских джентльменов захватили форт, сделали из несчастного гарнизона фарш и унесли в Ливорно восемнадцать сотен мужчин, женщин и детей. Наконец, с большим трудом, они добрались до Ла-Калля, порта Бастиона Франции, прекрасного замка, построенного марсельскими купцами в 1561 году для защиты ценных коралловых рыбных промыслов, с двумя красивыми дворами из

прочной кладки и населением в четыреста французов. Губернатором здесь был Сансон Наполон, но он был убит во время экспедиции на Табарку; Ле Паж назначил его лейтенантом, после чего миссия безрезультатно вернулась в Марсель. Однако вскоре после этого отцы отплыли в Тунис, откуда привезли сорок два французских пленника, с которыми они совершили торжественную процессию в сопровождении всего духовенства Марселя и спели триумфальное *Te Deum*, а пленники радостно маршировали рядом с ними, каждый с показательной цепью через плечо.

Это лишь один пример из длинного ряда решительных усилий редемпционистов (не говоря уже о францисканцах и доминиканцах) по спасению своих несчастных соотечественников. В 1719 году отец Комелин и другие вывезли девяносто восемь французов,^[77] и подобные экспедиции предпринимались постоянно. Рвение ордена было, пожалуй, узким: мы читаем, что когда они предложили заплатить 3 000 кусков за трех французских пленников, а дей добровольно отдал четвертого, не увеличивая цену, они отказались от добавки, потому что он был лютеранином. Тем не менее они сделали много добра среди пленных католиков, основали больницы и часовни в разных частях Барбарийского побережья и не раз терпели наказание за свое мужество от рук безжалостного дея, который иногда предавал их жестокой смерти, чтобы отомстить за поражение, нанесенное его войскам или кораблям силами Франции. Католические, и особенно французские, пленники, по крайней мере, имели повод быть благодарными Отцам Искупления. Пленникам северных народов приходилось хуже: у них не было мощной, широко распространенной церковной организации, которая могла бы им помочь, их правители мало заботились об их страданиях, а их слезы и прошения оставались без внимания в течение долгих лет.

ССЫЛКИ:

^[70] Если можно провести аналогию с Марокко, то, судя по всему, в 1728 году с рабами-христианами там обращались хорошо, уж точно лучше, чем с ренегатами. У них был христианский алькаид, им разрешалось держать таверны и жить в сносных постоянных дворах, куда мусульманам не разрешалось приближаться; за больными ухаживали испанские монахи (которые платили императору Марокко за привилегию лечить своих рабов); многие из них сколотили состояние, держали слуг и мулов. По крайней мере, так утверждает Брейтвейт, *Hist. of the Rev. in Morocco*, 343 и далее.

^[71] Это стандартный рассказ о христианском рабстве у корсаров. Он содержится в анонимном труде под названием "*Несколько путешествий в Барбарю и т. д.*", [переведенный и аннотированный Дж. Морганом,] второе издание, Лондон, Оливер Пейн, и т. д., 1736. Примечательно, что, хотя рассказ сэра Р. Ламберта Плейфера о рабах в его "*Биче христианства*" (1884), стр. 9 и далее, практически дословно взят из этой работы, в нем нет ни слова, чтобы показать его заслугу. Имя Джозефа Моргана ни разу не упоминается в "*Биче христианства*", хотя автор явно был обязан ему за различные инциденты, в том числе за неточно скопированное письмо (с. 35) от известного посла сэра Фрэнсиса Коттингтона (которого сэр Р. Л. Плейфер называет *Коттингемом*). Многие ошибки в "*Биче христианства*" вызваны небрежным копированием неизвестных авторов: например, Джошуа Бушетт из Адмиралтейства называется "господин секретарь Бушелл", сэр Джон Стюарт - "Стюарт", восемь колоколов - "восемь лодок", сэр Питер Денис - "сэр Денис", неправильно указаны корабли экспедиции сэра Р. Мэнселла, Сан-Лукар - "Святой Лукас".

^[72] *Несколько путешествий*, 58-65.

[73] Этот краткий рассказ о пленении Сервантеса взят в сокращенном виде из восхитительной "Жизни" моего друга мистера Х. Э. Уоттса, приложенной к его переводу *"Дон Кихота"*. Главным оригинальным авторитетом в этом вопросе является Хаэдо, который пишет на основании показаний свидетелей, знавших Сервантеса в Алжире, и все они с восторгом и любовью рассказывали о его мужестве и терпении, о его добром нраве и бескорыстной преданности (Watts, i. 76, 96).

[74] *Дон Кихот*, I., гл. xl. (Уоттс): "Каждый день он вешал по рабу, одного - закалывал, другому отрезал уши, и все это по столь незначительной враждебности или совершенно без причины, что турки признали бы, что он делал это только ради того, чтобы делать это, и потому, что такова была его природа".

[75] Х. Э. Уоттс, *Жизнь Сервантеса*, приложенная к его переводу *"Дон Кихота"*, i. 96.

[76] *Histoire de Barbarie et de ses Corsaires*, par le R. P. Fr. Pierre Dan, Ministre et Superieur du Convent de la Sainte Trinité et Redemption des Captifs, fondé au Chasteau de Fontaine-bleau, et Bachelier en Theologie, de la Faculté de Paris.

A Paris, chez Pierre Rocolet, Libraire et Imprimeur ord^{re} du Roy, au Palais, aux Armes du Roy et de la Ville. Avec Privilege de sa Majesté. 1637.

[77] *Несколько путешествий в Барбарию*, второе издание, Лонд., 1736.

XIX.

УНИЖЕНИЕ ЕВРОПЫ.

XVI-XVIII вв.

Не будет лишним сказать, что история внешних сношений Алжира и Туниса - это один длинный обвинительный акт, причем не одной, а всех морских держав Европы, по обвинению в трусости и бесчестии. Можно было с некоторым основанием опасаться мощного вооружения и непобедимого мореходства Барбароссы или роковой свирепости Драгута; Но то, что все морские державы должны были трусить и дрожать, как они трусили перед жалкими хвастунами, сменившими героический век корсаров, и терпеть, чтобы их торговле мешали, их жизни угрожали, а их честь была запятнана целым рядом наглых дикарей, чей флот и армия не могли и дня простоять перед любой правильно подобранной силой одной европейской державы, кажется совершенно невероятным, и все же это буквально правда.

Политика и предзанятость, конечно, во многом способствовали такому положению вещей. Политика побуждала французов быть друзьями Алжира до тех пор, пока Испания не потеряла свое угрожающее превосходство; и даже позже Людовик XIV, как говорят, заметил: "Если бы не было Алжира, я бы его создал". Политика заставила голландцев вступить в союз с алжирцами в начале семнадцатого века, потому что им было выгодно видеть, как хищничают меньшие торговые государства. Политика иногда заставляла Англию терпеть унижения, субсидируя воровское гнездо, чтобы воровство было направлено против ее врагов. Занятость другими делами - нашей собственной гражданской войной, голландской войной, великой наполеоновской войной - может объяснить безразличие к оскорблениям или терпение в отношении обид, которые приходилось демонстрировать в определенные периоды. Но были долгие годы, когда нельзя было принести никаких извинений, когда нельзя было назвать никакой другой причины для сдержанности европейских правительств, кроме откровенной трусости, определенного ужаса перед варварской державой, которая, как считалось, все еще обладала всеми безграничными ресурсами и всей неукротимой храбростью, которыми были отмечены ее ранние дни.

Тунис, как и Алжир, был объектом подневольного страха Европы. Обычай подносить подарки, которые на самом деле были взятками, угас только пятьдесят лет назад, и есть люди, которые еще помнят времена, когда генеральных консулов заставляли пробираться в присутствие бей под деревянной перекладной.^[78] Однажды бей приказал французскому консулу поцеловать ему руку; консул отказался, ему пригрозили мгновенной смертью, и он поцеловал ее (1740). Когда в 1762 году английский посол прибыл на королевском корабле, чтобы объявить о восшествии на престол Георга III, бей отдал тот же приказ, но на этот раз он был скомпрометирован тем, что некоторые офицеры поцеловали его руку вместо своего начальника. Австрия была вынуждена заключить договор и платить ежегодную дань (1784). Датчане послали флот просить разрешения поднять свой флаг над консульством в Тунисе: бей запросил за эту привилегию пятнадцать тысяч блесток, и адмирал в отчаянии отплыл. После того как венецианцы фактически несколько раз победили тунисцев в войне 1784-92 годов, Венеция заплатила бею Хамуде сорок тысяч секвинов и великолепные подарки за мирный договор. Примерно в то же время Испания потратила сто тысяч пиастров ради иммунитета от пиратства; а в 1799 году Соединенные Штаты купили торговый договор за пятьдесят тысяч долларов дани, восемь тысяч за секретную службу, двадцать восемь пушек, десять тысяч шаров, а также большое количество пороха, кордажа и драгоценностей. Голландия, Швеция, Дания, Испания и Соединенные Штаты были данниками бей!

Однако, по свидетельству отцов-искупителей, которые вряд ли недооценивали своих противников, в 1719 году у алжирцев, которые "среди всех барбарийских морских держав являются самыми сильными", было всего двадцать пять галеонов от восемнадцати до шестидесяти пушек, кроме каравелл и бригантин; и, похоже, они испытывали острую нужду в древесине, особенно в мачтах, а также в железе, корде, смоле и парусах. "Удивительно видеть, в каком хорошем состоянии они содержат свои корабли, поскольку их страна не имеет для этого средств. Когда им удастся достать новую древесину (привезенную из Буджея), достаточную для изготовления днища корабля, они отделяют оставшуюся часть развалинами призовых судов, которые они прекрасно знают, как использовать с наибольшей пользой, и таким образом находят секрет делать очень аккуратные новые корабли и отличных моряков из старых."^[79] И все же двадцать пять небольших фрегатов вряд ли были достаточно большим жупелом, чтобы наводить ужас на всю Европу, пусть даже они никогда не латали их так аккуратно. Тем не менее в 1712 году голландцы выкупили у этих двадцати пяти кораблей десять двадцатичетырехфунтовых пушек, двадцать пять больших мачт, пять вант, четыреста пятьдесят бочек пороха, две тысячи пятьсот штук крупной дроби,

пятьдесят сундуков со стволами, шпагами и т. д., а также пять тысяч долларов. Будучи таким образом хорошо вооруженными, алжирцы, естественно, разорвали договор через три года, а голландцы заплатили еще больше за второе перемирие. Так процветала система шантажа слабых сильными.[80]

Период унижения Европы начался, когда барбарийские корсары были признаны цивилизованными государствами, с которыми можно было обращаться на равных: то есть когда в Тунис или Алжир стали прибывать консулы, послы и королевские письма. Этот период начался вскоре после катастрофической кампании Дориа при Джербе, когда битва при Лепанто уничтожила престиж османского флота, но усилила, по возможности, ужас перед безжалостными корсарами. В период между 1560 годом и победой лорда Эксмута в 1816 году не было предпринято ни одной по-настоящему серьезной попытки покончить с этим бичом Средиземноморья. Почти все это время британская нация и большинство других морских государств были представлены в Алжире и Тунисе консульскими агентами. Мастер Джон Типтон был первым англичанином, ставшим консулом в любом месте, . Он был консулом в Алжире, сначала назначенным недавно образованной Турецкой компанией около 1580 года, а в 1585 году официально названным консулом британской нации мистером Харебоном, послом Англии при Возвышенной Порте. Записи о длинной череде консулов, агентов и генеральных консулов, которые следовали за ним, представляют собой позорный титульный список. Положение дел почти в любой момент этого промежутка в двести тридцать лет можно описать в нескольких словах. Консул, пытающийся умиловить угрюмого, невежественного, простого солдата, называемого деем; христианский король или правительство, подчиняющееся каждому оскорблению, нанесенному его представителю, отзывающее его после смертельного оскорбления и посылающее более покорную замену с подарками и братскими посланиями; И время от времени королевский корабль с офицером королевского флота или послом королевского совета, нерешительно слоняющийся по Алжирскому заливу, пытаясь задобрить угрюмого деспота, или, возможно, экспериментируя в бессмысленном блеянии, над которым дей смеется в рукав или даже открыто, ибо он знает, что стоит ему только упорствовать в своих требованиях, и все правительства в Европе уступят. Консулы могут спустить флаги и пригрозить войной, адмиралы могут прийти, принять суровый вид и даже продемонстрировать пару залпов; но христианский брат дея из Сент-Джеймса или Тюильри - или их министры - решили, что на Алжир нельзя нападать: так громко он может смеяться над консулами и военными.

Пытаться детально проследить отношения пашей, дейев и беев трех барбарийских государств и шерифов Марокко с различными европейскими державами было бы задачей одновременно трудной и утомительной. Для этой цели вполне достаточно тех, что касаются Англии, и здесь, в отношении Алжира, мы имеем преимущество следовать исследованиям агента и генерального консула сэра Р. Ламберта Плейфера, который в своей книге *"Бич христианства"* (*Scourge of Christendom*, [81]) очень подробно изложил основные инциденты в отношениях Великобритании с деем и подтвердил свои заявления ссылками на официальные документы, не вызывающие сомнений в достоверности. Факты, которые он излагает в томе объемом более трехсот страниц, здесь, конечно, лишь слегка затронуты, но читатель может обратиться к его интересному повествованию за более конкретной информацией, которую не позволяет вместить пространство этих страниц.

Общие результаты, к которым приводит изучение исследований сэра Ламберта Плейфера, больно бьют по английскому самоуважению. Возможно, наши консулы не всегда выбирались с умом, и жизненно важным недостатком нашей ранней консульской системы было то, что нашим агентам разрешалось торговать. Меркантильные интересы, особенно в

корсарском государстве, могут вступить в противоречие с обязанностями консула. Кроме того, некоторые консулы явно не соответствовали своим должностям. Об одном из них говорится, что он пил до беспамятства; другой описывается как "сутяга, который ценит себя за то, что с успехом применял свои таланты в этом счастливым занятии против каждого человека, с которым его связывали дела или случай"; третий представлен как "сидящий на своей кровати, с мечом и пистолетами наготове, призывающий священнослужителя дать ему таинства, чтобы он мог умереть довольным". И все же в длинном списке консулов большинство были благородными, честными людьми, преданными своей стране и стремящимися отстаивать ее интересы и права. Как же они были вознаграждены? Если их собственное правительство возмущалось хоть одним действием свирепого монстра, которого они называли деем - а это был любой обычный янычар, выбранный своими товарищами[82], - консул в страхе за свою жизнь уходил, а иногда и вовсе был убит. Если он был сильным, мужественным человеком и отказывался опуститься до унижения, которого от него ждали во дворце дея, он не мог рассчитывать на поддержку дома; его могли отозвать, или отменить его решение, или даже спустить консульский флаг, чтобы его снова поднял более временный преемник, назначенный правительством, которое уже одобрило его сопротивление. Он мог стать щедрым поручителем за тысячи фунтов выкупа за английских пленников и никогда не получить обратно ни пенни из дома. Что бы ни случилось, алжирцы считали консула ответственным, и при получении плохих новостей угрожающая толпа окружала его дом. Иногда консул и каждый англичанин в Алжире были схвачены и брошены в тюрьму, а их имущество разграблено, и никогда не было шанса на возмещение. Многие были полностью разорены поборами дея и губернаторов. Прибытие каждого нового консула сопровождалось раздачей крупных взяток, называемых "обычными подарками", и легко понять, что дей заботился о том, чтобы они не занимали этот пост слишком долго. Правительственные подарки никогда не были достаточно богатыми, и неудачливому консулу приходилось восполнять дефицит из собственного кармана. Дей презрительно вручал великолепно украшенные часы своему повару в присутствии дарителя; и ни одного консула не принимали во дворце до тех пор, пока не были получены "обычные подарки". Присутствие в бухте адмирала, вызывающего возмущение, было новым источником опасности: консула могли бросить в тюрьму, а его семью выставить на улицу бездомной, в то время как его драгоман получал тысячу ударов бастинадо. Когда французы обстреливали Алжир в 1683 году, викарий апостольский Жан де Вашер, исполнявший обязанности консула и тридцать шесть лет неустанно трудившийся среди несчастных пленников, был по приказу Мецморто вместе со многими своими соотечественниками взорван из пушечной пасти;[83] и то же самое случилось с его преемником в 1688 году, когда сорок восемь других французов подверглись такой же варварской смерти. При дворе дея соблюдался самый унижительный этикет: консул должен был снять обувь и шпагу и благоговейно поцеловать руку негодяя. Достопочтенный Арчибальд Кэмпбелл Фрейзер в 1767 году стал первым консулом, который наотрез отказался от этого беспрецедентного акта почтения, и через несколько лет ему было сказано, что дей не имеет к нему никакого отношения и он может уйти, как если бы был слугой дея. "Дорогой друг нашего королевства, - писал этот властитель Англии Георг III, - я отдал ему свои приказы, а он наглеет!" Мистер Фрейзер ушел, но был отправлен обратно, чтобы быть восстановленным эскадрой кораблей Его Величества. Адмирал сэр Питер Денис зашел в Алжирскую бухту и, убедившись, что дей не согласится снова принять мистера Фрейзера, снова отплыл. Правительство Его Величества выразило полное удовлетворение действиями адмирала и решило оставить дея на его усмотрение. Наконец, уже в следующем году король Георг принимает оправдания своего алжирского друга и назначает нового консула, которому специально поручает "вести себя так, чтобы быть вам угодным". Нация

выплачивала мистеру Фрейзеру пенсию в размере 600 фунтов стерлингов в год в качестве компенсации за полтрупоедство своего правительства.

Каждый новый случай покорности, естественно, раздувал непомерную наглость деев. У консула был повар-молдаванин: Дей возразил против мальтийцев, силой увел его из дома консула и отправил в кандалы. Если консул возражал, он тоже мог уйти. Когда капитан Хоуп с корабля "*Ромул*" прибыл в Алжир, он не принял салюта; консулу приказали подняться на борт, оставив за ним белье; фрегату и консулу приказали выйти из гавани. Консул Фалькон в 1803 году был арестован по сфабрикованному обвинению, и насильно изгнан из города: консул Картрайт мог бы назвать консульство в Алжире "следующим шагом к адским областям". В 1808 году, только потому, что обычная дань была выплачена с опозданием, датский консул был схвачен и подвергнут жестокой глажке, его заставили спать в общей тюрьме и работать с рабами. Весь консульский корпус поднялся как один человек и добился его освобождения, но его жена умерла от потрясения. Примерно в то же время от аналогичного обращения умер французский консул.

Неужели все эти консулы подверглись жестокому обращению из-за упрямства по пустякам? На этот вопрос ответят записи о пиратстве. Уже в 1582 году, когда Англия была в мире с Портой (и так продолжалось в течение 220 лет), джентльмены хорошего происхождения стали находить путешествие по Средиземному морю опасным приключением. Два шотландских лэрда, магистры Мортон и Олифант, в течение многих лет оставались пленниками в Алжире. Сэр Томас Ро, отправляясь на пост посла в Константинополь, заявил, что, если не остановить алжирских пиратов, они будут бравировать на море даже перед армиями королей и подвергать опасности побережье [что было бы не ново], и сообщил, что их последнее плавание привело к гибели сорока девяти английских судов и что в Алжире скоро будет тысяча английских рабов: пираты даже хвастались, что отправятся в Англию и вытащат людей из их постелей, как это было принято делать в Испании. И действительно, всего через несколько лет они разграбили Балтимор в графстве Корк и буквально выполнили свою угрозу. Галеоны корсаров в любой момент могли быть замечены у Плимут-Хоу или Хартленд-Пойнт, и достойные купцы Бристоля, торговые князья на своем пути, не осмеливались отправлять в море свои богато нагруженные суда, опасаясь встречи с врагом.

Преподобный Деверо Спратт был захвачен у Югала, когда он только переправлялся из Корка в Бристоль, и этот добрый человек был так огорчен жалким положением многих рабов в Алжире, что, когда его выкупили, он поддался на их уговоры и остался еще на год или два, чтобы утешить их своими святыми службами.^[84] Именно в таких служениях, как его, больше всего нуждались пленники: на телесные издевательства они мало жаловались, но отчуждение от своей страны, потеря дома и друзей, ужасная судьба жены и детей - все это было орудием отчаяния и неверия в Божье провидение, и для тех, кто так мучился, священник был служителем утешения. В печальном кругу пленников все же происходили браки и крещения, и некоторые из них записаны в приходском реестре Кастмелла, Ланкашир, как совершенные в "Аргейре" мистером Спраттом.

Дела шли все хуже и хуже. За три-четыре года до 1622 года было захвачено четыреста английских кораблей. В палаты парламента посыпались петиции от разорившихся купцов из крупных портов Англии. Приходили письма с мольбами от бедного консула Фризелла, который продолжал молить о помощи в течение двадцати лет, а затем исчез, разоренный и лишенный помощи. Трогательные прошения доходили до Англии от самих несчастных пленников - английских моряков и капитанов, или простых купцов, везших домой свое богатство, а теперь внезапно арестованных и лишенных всего, чем они владели: жалостливые письма из самих баньо, полные слез и мольбы о помощи. В четвертом

десятилетия семнадцатого века в алжирских тюрьмах находилось три тысячи мужей, отцов и братьев, и неудивительно, что жены и дочери толпились на подступах к Палате общин и осаждали ее членов своими мольбами и рыданиями.

Время от времени правительство выделяло мизерную сумму на выкуп рабов, чей захват был вызван служебным бездействием; и мы видим, что Палата лордов выписала почти 3 000 фунтов стерлингов на ту же цель. В первой четверти XVII века 240 британских рабов были выкуплены за 1200 фунтов стерлингов; алжирцы, которые смотрели на все это дело в деловом духе, не только были готовы предоставить все условия для их покупки, но даже отправили специального посланника ко двору Сент-Джеймса для ведения переговоров. К середине века Эдмонду Кассону, как агенту правительства, удалось спасти еще немало людей. Элис Хейс из Эдинбурга была выкуплена за 1100 двойных песет (по два франка за штуку), Сара Рипли из Лондона - за 800, женщина из Данди - всего за 200, другие - за 1390; мужчины же обычно получали около 500.^[85] Иногда, но очень редко, пленники сами совершали побег. Перчас^[86] рассказывает историю о четырех английских юношах, которых оставили на борту призового корабля "Якоб Бристольский", чтобы они помогли дюжине турецких захватчиков управлять им, и, которые выбросили капитана за борт, убили еще троих, загнали остальных под люки и продали за кругленькую сумму в гавани Сан-Лукар у Кадиса. Еще более захватывающими были приключения Уильяма Окли, который в 1639 году был взят на борт корабля "Мэри", направлявшегося в Вест-Индию, когда до острова Уайт оставалось шесть дней пути. Его хозяин, мавр, предоставил ему частичную свободу и разрешил держать винную лавку в обмен на ежемесячную плату в два доллара; в подвале лавки раб тайно соорудил легкое каноэ из парусины, а веслами послужили шесты от пустых винных труб. Вместе с товарищами он тайно доставил их на берег, и пятеро из них сели в это сумасшедшее судно, которое благополучно доставило их на Майорку. Самым тяжелым было прощание с еще двумя людьми, которые должны были сопровождать их, но оказались лишними в маленькой лодке.

Несколько других рассказов об удачных побегах можно прочесть в томе путешествий, опубликованном отцами-искупителями и переведенном Джозефом Морганом. Одно из них, по крайней мере, стоит процитировать:

"Изрядное число людей разных наций, но в основном майоркинцы, сговорились ночью удрать с гребной лодкой [*то есть* бригаантиной], готовой к плаванью: всего их было около семидесяти. Назначив место встречи, они ночью спустились через сточную канаву в порт, но собаки, которых там очень много, побежали на них с лаем; некоторых они убивали дубинками и камнями. При этом шуме те, кто стоял на страже, как на берегу, так и на кораблях, закричали во весь голос: "Христиане! Христиане!" Они собрались и побежали на шум. И сорок рабов, войдя во *фригату*, или гребную лодку, и будучи сильнее тех, кто ее охранял, побросали их всех в море; а поскольку их дело было поспешить из порта, стесненного тросами многочисленных кораблей, которые тогда полностью заполнили его, и поскольку они желали пройти кратчайшим путем, они решили прыгнуть все в воду, взвалить лодку на плечи и пробираться с ней, пока не освободятся от всех этих тросов. Несмотря на все попытки помешать их замыслу, они вышли в море и вскоре достигли Майорки. Услышав это, дей воскликнул: "Я думаю, что эти собаки христиан придут в тот или иной день и выведут нас из наших домов!"^[87]

Выкупы и побеги с лихвой восполнялись новыми захватами. Так, в 1655 году адмирал Блейк, попытавшись договориться с тунисками, 3 апреля вошел в гавань Порто-Фарина, где флот бея, состоявший из девяти судов, стоял на якоре под пушками фортов и земляных укреплений, и под сильным огнем сжег все из них; затем он направился в Алжир и нашел

город в таком смятении, что освободил за ничтожную сумму все английские рабы (англичан, шотландцев, ирландцев и жителей островов Ла-Манша). Тем не менее, четыре года спустя граф Инчкин, печально известный как "Морог сжигания" из-за своей манеры вести войну, и его сын, лорд О'Брайен, были пойманы у берегов Тежу во время одной из тех иностранных служб, на которые роялисты были склонны поступать во время внутренних беспорядков, и графу потребовалось семь или восемь месяцев плена и 7500 крон, чтобы добиться своего освобождения. В следующем веке остатки храброго Гибернийского полка, направлявшиеся из Италии, были окружены и побеждены, всего около восьмидесяти человек, и с ними обошлись с особым варварством. Нередко британские корабли - однажды даже военный шлюп - приводили в гавань Алжира в плен под предлогом того, что их документы были не в форме; число рабов продолжало расти, несмотря на филантропические усилия некоторых богатых купцов, таких как Уильям Боутелл, которые посвятили себя гуманным попыткам.

Очень часто пленник сам был виноват в том, что его взяли в плен. Нередко он служил на судне державы, находившейся в состоянии войны с Алжиром. Система пропусков в Средиземноморье открывала путь к большому количеству беззаконий; корабли ходили под фальшивыми цветами или, будучи сами в состоянии войны с Алжиром, везли пропуски, купленные у его союзников. Алжирцы стеснялись заключать слишком много союзов, чтобы не остаться без добычи, и мы читаем о торжественных дебатах в Диване, чтобы решить, с какой нацией следует порвать, так как рабовладельцы становились банкротами из-за мирных отношений государства. В это время корыстолюбие дея заставило его принять крупную взятку от Швеции в обмен на свою защиту, и корсары с волнением бросились во дворец, заявляя, что у них и так слишком много союзников: "Ни в океане, ни в узком море мы не можем найти почти никого, кто не был бы французом, англичанином или голландцем; нам ничего не остается делать, как либо продать наши корабли за топливо и вернуться к примитивной верблюжьей езде, либо порвать с одним из этих народов".^[88] Таким образом, как правило, существовала одна привилегированная нация - или, возможно, две, - которой алжирцы оказывали особую милость в виде безопасных перевозок по Средиземному морю, и целью всех остальных торговцев было позаимствовать или купить эти бесплатные пропуски у их счастливых обладателей. Алжирцы не на шутку разгневались, обнаружив, что их обманывают с помощью их собственных пропусков. "Что касается фламандцев, - жаловались корсары, - то они достаточно добрый народ, никогда ни в чем нам не отказывают, и они не хуже своих слов, как французы; но они, конечно, разыгрывают нас, продавая свои пропуска другим неверным: С тех пор как мы заключили с ними мир, мы редко встречаем шведов, датчан, гамбургцев и т. д. У всех голландский цвет лица, у всех голландские пропуска, все называют друг друга *Ганс, Ганс, Ганс* и все говорят *"Яу, Яу!"*.

Многие из этих фальшивых союзников везли с собой английских моряков, и такие корабли, не имевшие своих собственных цветов, подлежали заключению в рабство. Этот класс пленников был настолько многочисленным, что, хотя в 1694 году сообщалось, что ни один англичанин, захваченный под британским флагом, не остался в рабстве в Алжире, вскоре после этого появилось множество заявок на выгодное завещание Беттона в размере более 21 000 фунтов стерлингов для целей выкупа британских пленников.

Экспедиция за экспедицией отправлялись спорить, убеждать, угрожать, но буквально безрезультатно. Посол за послом приезжали и уезжали, заключали бесполезные договоры, и все равно алжирцы сохраняли абсурдное *право обыскивать британские суда* в море и забирать у них иностранцев и товары. Сэр Роберт Мэнселл впервые прибыл в 1620 году с восемнадцатью кораблями и пятьюстами пушками, укомплектованными 2600 человек; и ничего не добился. Как только они отвернулись, пираты захватили сорок британских

кораблей. Сэр Томас Ро заключил договор, который оказался макулатурой. Блейк на время напугал корсаров. Граф Уинчелси в 1660 году признал право на обыск. В следующем году лорд Сэндвич безрезультатно обстреливал Алжир из пушек с безопасного расстояния. Четыре раза сэр Томас Аллен вводил свою эскадру в бухту и четыре раза выводил, достигнув половины своей цели и вдвое больше оскорбив свою пустыню: "Эти люди, - вскричал Али Ага, - говорят, как пьяные, и хотят заставить нас восстановить своих подданных, хотят они того или нет! Пусть они уйдут".^[89] Единственное удовлетворительное событие, о котором можно сообщить после пятидесяти лет бесплодных экспедиций, - это нападение сэра Э. Спрэгга на алжирский флот, стоявший под пушками Буджейи: как и Блейк, он послал пожарный корабль и сжег всю эскадру. После этого янычары поднялись в ужасе, убили своего агу и, неся его голову во дворец, настаивали на мире с Англией.

Это была очень временная демонстрация силы. Пять лет спустя сэр Джон Нарборо, вместо того чтобы бомбардировать, безропотно выплачивал алжирцам шестьдесят тысяч "кусков по восемь" за рабов и подарки. В 1681 году адмирал Герберт, впоследствии лорд Торрингтон, совершил несколько дружественных крейсерских походов против алжирцев. В 1684 году сэр У. Соаме с трудом добился салюта из двадцати одного орудия под флагом Его Британского Величества. И так продолжалась изнурительная история о нерешительности и слабости. Экспедиция адмирала Кеппеля в 1749 году запомнилась прежде всего тем, что на борту флагманского корабля в качестве гостя присутствовал сэр Джошуа Рейнольдс; возможно, что два наброска, воспроизведенные сэром Ламбертом Плейфером, сделаны его карандашом: рисунки были единственным плодом этого путешествия. Джеймс Брюс, африканский путешественник, будучи агентом или генеральным консулом в 1763 году, внес некоторую сумятицу в отношения, но вскоре он отправился в свое путешествие, и тогда снова начался прежний бесплодный курс скромных уговоров и пустых демонстраций. Всякий раз, когда предпринимались более серьезные попытки, подготовка оказывалась совершенно недостаточной. В 1784 году Испания, Португалия, Неаполь и Мальта отправили объединенный флот, чтобы наказать алжирцев, но все суда были небольшими и такими, какие могли захватить корсары, а атака была настолько слабой и безрезультатной, что после двухнедельного дуракаваляния весь флот уплыл.

ССЫЛКИ:

^[78] Бродли, *Тунис*, i. 51.

^[79] *Несколько путешествий*, 97.

^[80] *Там же*, стр. 104, примечание.

^[81] Лондон: Смит и Элдер, 1884.

^[82] До 1618 года Алжиром управлял паша, назначаемый непосредственно султаном; с 1618 года пашу выбирали янычары и другие ополченцы, подчиняясь вето султана; в 1671 году янычары впервые избрали дея из своего числа, каждый солдат имел право, и их деи вскоре сделали султанского пашу светской фигурой; в 1710 году эти две должности были объединены в дея, выбираемого солдатами. Эти изгои ни в коем случае не стыдились своего происхождения и принципов. Мухаммед Дей (1720 г.), вступая в перепалку с французским консулом, с большей откровенностью, чем вежливостью, воскликнул: "Моя мать продавала овечьи ноги, а отец - языки козлов, но им было бы стыдно выставлять на продажу такой никчемный язык, как ваш". В другой раз Дей с достойной *наивностью* признался консулу Коулу: "Алжирцы - компания плутов, а я - их капитан!"

[83] *Несколько путешествий*, 111 и далее.

[84] См. книгу его потомка адмирала Спратта *"Путешествия и исследования на Крите"*, i. 384-7.

[85] Плейфейр, 64 и далее.

[86] *Путешествия*, ii. 887.

[87] *Несколько путешествий*, 57-8.

[88] Морган, предисловие, v., vi.

[89] Плейфейр, 94.

XX.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И ТРИПОЛИ.

1803-5.

Эти мрачные дни унижения пронзил один луч солнца: Соединенные Штаты отказались от дани, которую требовали барбарийские разбойники. С самого своего рождения новая нация, как и все другие морские страны, принимала как необходимое зло практику, которую теперь пора было отменить. Уже в 1785 году алжирский деи нашел в американской торговле новое поле для своей пахоты; и из всех торговцев ни один не оказался столь желанным, как

тот, кто хвастался своим судоходством, но не имел ни унции дроби для его защиты. Нерешительные протесты и переговоры были тщетны, пока наконец общественное мнение не было настолько возбуждено страданиями пленников, что потребовало от Конгресса немедленного строительства флота. Дурные вести разносятся быстро, а слухи об этих приготовлениях так быстро отразились от белых стен Алжира, что Дей поспешил заключить договор; и вот, задолго до того, как фрегаты были спущены на воду, иммунитет был куплен уплатой тяжелой дани. Как и все трусливые компромиссы, этот превратился в обоюдоострый меч, и вскоре каждый мореплаватель от Могадора до ворот Босфора жаждал получить *дань*. В 1800 году Юсуф, паша Триполи, пригрозил натравить своих соколов на западную каменоломню, если ему немедленно не пришлют подарки, аналогичные тем, что дарили Англия, Франция и Испания. Он жаловался, что американское правительство подкупило его соседей, тунисских головорезов, по более высокой цене, и он не видит причин, почему бы ему, как и его кузену из Алжира, не получить фрегат в качестве денег за молчание. Его ответ на письмо президента, содержащее медовые признания в дружбе, был забавным. "Мы просим, - сказал он, - чтобы за этими вашими выражениями последовали дела, а не пустые слова. Поэтому вы постараетесь удовлетворить нас хорошими манерами поведения..... Но если подразумеваются только лестные слова без их исполнения, то каждый будет действовать так, как ему удобно. Мы просим скорейшего ответа, не пренебрегая временем, так как промедление с вашей стороны не может не нанести ущерба вашим интересам".

Бей Туниса выдвинул требования не менее высокомерные. Он заявил, что Дания, Испания, Сицилия и Швеция пошли ему на уступки, а затем объявил: "Невозможно будет дольше сохранять мир, если президент не пришлет ему без промедления десять тысяч стоек оружия и сорок пушек *разного калибра*. И все эти последние, - добавил он с изящным гибернизмом, - должны быть 24-фунтовыми". Алжир намекнул, что у нее есть задолженность, а Марокко намекнуло, что ее задержка в согласовании условий объясняется просто полным вниманием, которое она уделяет столь важному делу.

Какими бы недостатками ни обладал Юсуф Триполитанский, в этом вопросе он был верен своему слову, и, не дождавшись результатов за шесть месяцев, 14 мая 1801 года он объявил войну, срубив флагшток американского консульства. Но правительство Соединенных Штатов устало от старых традиций, которых придерживалось христианство в отношениях с этими разбойниками. К тому времени у них на плаву была небольшая, но эффективная эскадра, и они очень гордились успехами, достигнутыми ею в только что закончившейся *квазивойне* с Францией. Они также устали от политики, которая полностью противоречила их хвастовству, что все люди рождаются свободными и равными, и нация была взбудораженашиболетом о том, что "есть миллионы для обороны, но нет ни цента для дани".

Однако, когда волнение улеглось, оказалось, что, как обычно, обещаний было больше, чем исполнения, поскольку, несмотря на наличие сил, достаточных для энергичных и решительных действий, за два с лишним года ничего не было достигнуто. Из трех отправленных эскадр первая, под командованием Дейла, столкнулась с узкими ограничениями, наложенными приказом президента, из-за конституционных сомнений в уместности принятия враждебных мер до объявления войны Конгрессом; а второй эскадре не повезло с командиром, хотя отдельные поступки многих подчиненных офицеров заслуживают самой высокой оценки. В 1803 году третья эскадра собралась Гибралтаре под широким вымпелом коммодора Эдварда Пребла, и тогда наконец-то настало время для решительных мер.

Целью флагмана был Триполи, но едва его корабли собрались для согласованных действий, как "*Филадельфия*" с тридцатью шестью орудиями захватила у берегов Испании "*Мешбоа*",

вооруженный крейсер, принадлежавший Марокко, и имевший в качестве приза бостонский бриг "*Селия*". Разумеется, было крайне важно выяснить, на каком основании был произведен захват; но мавританский командир преданно солгал и поклялся, что захватил "*Селию*" в ожидании войны, которая, как он был уверен, была объявлена, из-за серьезного недоразумения, возникшего во время его последнего пребывания в порту между его императором и американским консулом. Эта история была слишком неправдоподобной, чтобы в нее поверить, и капитан "*Филадельфии*" Бэйнбридж пригрозил повесить как обычного пирата лживого Рейса Ибрагима Любареса, если тот не покажет свою комиссию. Когда разбойник увидел, что эта угроза не напрасна, он признался, что ошибся и что губернатор Танжера приказал ему захватывать американские суда. Это обстоятельство требовало решительных действий, поэтому приз был отбуксирован в Гибралтар, а Пребл отплыл в Танжер, чтобы потребовать удовлетворения. Произошел обычный обмен бумажными пулями и салютами, но, в конце концов, агрессивный коммодор одержал верх. Император выразил сожаление по поводу враждебных действий и отрекся от них; он наказал мародеров, освободил все ранее захваченные суда, согласился ратифицировать договор, заключенный его отцом в 1786 году, и добавил, что "его дружба к Америке должна длиться вечно".

Уладив это дело, Пребл выделил корабли "*Филадельфия*" и "*Виксен*" для блокады Триполи, а затем, поскольку сезон был слишком поздним для дальнейших операций, начал подготовку к ремонту и оснащению, необходимым для следующего сезона.

Работа, порученная "*Филадельфии*" и "*Виксену*", была тяжелой, поскольку побережье, изрезанное мелями, рифами и неизвестными течениями, подверженное внезапным шквалам, сильным штормам и плохой стоянке, требовало неусыпной бдительности и делало очень трудным обеспечение надлежащего продовольствия и корабельных запасов вдали от базы снабжения. Как ни плохо было вначале, но стало еще хуже, когда в октябре "*Виксен*" отправился на восток в поисках триполитанского крейсера, который, как говорили, проскользнул ночью мимо линии, и тогда вся обязанность, в основном преследование с берега, легла на глубоководный фрегат. Именно во время такой работы с ним и случилось несчастье, как пишет Купер в своей "Истории флота Соединенных Штатов": "В последних числах октября ветер, который некоторое время назад был сильным с запада, отогнал "*Филадельфию*" на значительное расстояние к востоку от города, и в понедельник, 31 октября, когда она снова шла к своему месту с попутным ветром, около девяти утра на берегу и с подветренной стороны было замечено судно, направлявшееся в Триполи. Парус был поднят, чтобы отсечь его. Полагая, что чуть раньше одиннадцати окажется в пределах дальнего выстрела, и не видя другого шанса догнать незнакомца на оставшемся коротком расстоянии, капитан Бэйнбридж открыл огонь в надежде отколоть что-нибудь. Еще около часа продолжалась погоня и стрельба; свинец, который постоянно поддерживался, давал от семи до десяти сажень, а корабль то подтягивался, то удалялся, когда вода мелела или углублялась. В половине одиннадцатого, когда Триполи был уже на виду, на расстоянии чуть больше лиги, (убедившись, что он не сможет ни догнать преследователей, ни высадить их на берег), капитан Бэйнбридж приказал рулевому а-порту оттащить корабль прямо от суши на глубокую воду. Следующий заброс шверта, когда этот приказ был выполнен, дал всего восемь сажень, а за ним сразу же последовали забросы на семь и шесть с половиной сажень. В этот момент ветер был почти попутный, и корабль шел на восьми узлах. Когда раздался крик "полшестого", штурвал был сильно опущен, а верфи приказано задрать. Когда корабль быстро шел к ветру и еще не успел потерять ход, он налетел на риф передним ходом и бился о него, пока не поднялся на пять-шесть футов".

Были предприняты все усилия, чтобы снять ее, но тщетно. На шум канонады прибежали девять канонерских лодок, а затем, как по волшебству, целые стаи потерпевших крушение кораблей проскользнули по внутренней кромке берега, вынырнули из какого-то скалистого залива или бросились с мола и галеры и, держась на расстоянии, как стервятники у поля боя, ждали сдачи корабля. Немногочисленные орудия, оставшиеся на борту, вели доблестный бой, но в конце концов враг занял позицию в погодной четверти корабля, где сильный крен на левый борт не позволял установить ни одного орудия. "Канонерские лодки, - продолжает историк, - с каждой минутой становились все смелее, и наступила ночь. Капитан Бейнбридж, еще раз посоветовавшись со своими офицерами, счел своим долгом спустить флаг, чтобы спасти жизни своих людей. Прежде чем это было сделано, были утоплены магазины, проделаны отверстия в днище корабля, задушены насосы и сделано все, что, как считалось, должно было обеспечить окончательную гибель судна. Около пяти часов были спущены флаги". Корабль был разграблен, офицеры и люди ограблены, в некоторых случаях наполовину раздеты, и в ту же ночь команда была заключена в нечистоплотный триполитанский притон. В течение недели мореплаватели, благодаря благоприятному ветру и необычным приливам, не только подняли "Филадельфию" на плаву, но, поскольку рубка была произведена наспех, отбуксировали ее в порт и взвесили все пушки и якоря, которые лежали на мелководье на рифе. Корабль был немедленно отремонтирован, пушки установлены на место, а доблестный, но неудачливый Бейнбридж испытал последнее страдание, увидев, что его прежняя команда надежно пришвартована у города, в четверти мили от замка паши.

ТРИПОЛИ.

(Ogilby's Africa, 1670.)

Пребл узнал об этой катастрофе от английского фрегата, с которым он разговаривал у Сардинии по пути в Триполи. Удар был тяжелым, ведь корабль составлял более трети боевых сил, а большое количество пленных дало врагу материальную и сентиментальную силу, которую он непременно будет безжалостно использовать во всех будущих переговорах. Но энергичного моряка эта катастрофа только подстегнула к еще большим усилиям, и он сразу

же начал строить планы по уничтожению захваченного корабля. К счастью, недостатка в материалах не было, и при выборе командиров пришлось выбирать между претензиями добровольцев. В конце концов выбор пал на лейтенанта Стивена Декатура. В это время ему было двадцать четыре года, и по своим выдающимся качествам он настолько отличился, что был назначен командиром "*Энтерпрайза*". К большому благоразумию, самообладанию и рассудительности он присоединил лихость, смелость и готовность к действиям, которые всегда отличали знаменитых моряков мира; и в победе, прославившей его имя в военноморских анналах, он проявил эти качества в такой высокой степени, что заслуживает самой высокой оценки как за то, чего он добился, так и за то, от чего, поддавшись большому искушению, он отказался.

Приняв на борт груз горючего, "*Неустрашимый*" отплыл из Сиракуз в Триполи 3 февраля 1804 года. Сам кетч имел разнообразную историю: изначально это было французское пушечное судно, захваченное англичанами в Египте и подаренное Триполи, а затем захваченное Декатуром, когда он направлялся в Константинополь с женскими рабами для Великого Везира. Бриг "*Сирена*", которым командовал лейтенант Чарльз Стюарт, сопровождал экспедицию и имел приказ прикрывать отступление и, если возможно, помогать атаке своими лодками. В делах такого рода личный комфорт всегда стоит на последнем месте, но если бы погода не была приятной, перенесенные лишения могли бы серьезно повлиять на успех предприятия. Пять офицеров теснились в маленькой каюте; мичманы и лоцман с одной стороны, а матросы - с другой, были уложены, как сельди, на "платформе, уложенной поперек водяных бочек, поверхность которых они полностью покрывали, когда спали, и на таком малом расстоянии от лонжеронной палубы, что их головы доставали до нее, когда они сидели". К этим неудобствам добавлялись отсутствие места для упражнений на палубе, нападения бесчисленных паразитов, которых оставили после себя их предшественники, рабы, и (поскольку соленое мясо на борту испортилось) отсутствие чего-либо, кроме бисквитов и воды для питья.

После шести дней плавания город был замечен, но сильные ветры сделали входы в него опасными, а сильный шторм, налетевший ночью, отбросил американцев так далеко к востоку, что они оказались в заливе Сидра. Днем 16-го числа Триполи снова показался; поскольку ветер был легкий, погода приятная, а море гладкое, Декатур решил атаковать этой ночью. По договоренности "*Сирена*" почти не попадала в поле зрения в течение дня, и ее внешний вид был так изменен, чтобы усыпить все подозрения относительно ее истинного характера. Слабый ветер позволял кетчу сохранять видимость стремления достичь гавани до ночи, но при этом он не приближался к ней слишком близко, чтобы потребовались какие-либо изменения, кроме использования буксиров (в данном случае ведер, буксируемых за кормой), которые не были видны из города. Команда оставалась внизу, за исключением шести-восьми человек за раз, чтобы не будоражить людей необычным количеством; на палубе оставались те, кто был одет, как мальтийцы. Когда "*Филадельфия*" была замечена, не оставалось никаких сомнений в том, что нападение будет опасным, поскольку она лежала в миле от входа, по ветру и по курсу от города. Ее фор-мачта, которая была срезана во время стоянки на рифе, еще не была заменена, грот- и миззен-мачты были задраены, а нижние ярусы лежали на шканцах. Однако нижний такелаж был установлен, а батарея заряжена и пристреляна. Она находилась в пределах досягаемости орудий на крепости, на молевом уступе и в Новом форте, а рядом с ней шли три триполитанских крейсера и двадцать канонерских лодок и галер. Чтобы встретить и одолеть эту силу, у Декатура было несколько небольших пушек и семьдесят человек, но это были дубовые сердца, испытанные во многих отчаянных начинаниях, и теперь они горели желанием искупить честь своей страны.

Когда "*Неустршимый*" приблизился к суше, они увидели, что бурлящий прибой западного прохода заставит их выбрать северный вход, который извивался и поворачивал между скалами и отмелями. Было уже почти десять часов, и, пока кетч дрейфовал под легким восточным бризом, он казался скромным торговцем, нацеленным на бартер и нагруженным чем угодно, только не надеждами нации.

Ночь была прекрасна; на небе плыла молодая луна; огни со стен, башен и городов, а также с кораблей, лениво покачивающихся на якорных стоянках, наполняли воду тысячами огненных точек. Легкий бриз нес маленькое суденышко мимо рифов и скал в гавань бесшумно, лишь поскрипывали верфи, жаловался блок, плескались волны на носу, да булькали вихри на шкентелях и под плещущейся стойкой. На палубе впереди лишь несколько фигур вырисовывались силуэтами на фоне белой стены и сероватого неба, а на корме Декатур и лоцман стояли, наблюдая за кораблем, который медленно шел к носу фрегата.

Благодаря родной оснастке кетча и бойкому триполитанскому языку сицилийского лоцмана, ответ на приветствие *филадельфийцев* о том, что судно потеряло якоря во время шторма и хотело бы перебросить линь к военному кораблю и продержаться на нем всю ночь, не вызвал подозрений у вахтенных. Триполитанцы были настолько обмануты, что спустили шлюпку и отправили ее с якорным канатом, а в это время несколько человек из команды "*Интрепида*" неторопливо переправлялись на форштевень фрегата. Вернувшись, они встретили вражескую лодку, забрали канат и перебросили его на свое судно. Медленно, но уверенно, люди на борту, лежа на спине, потянули его на себя, и медленно и верно "*Интрепид*" был поставлен на бок. Но в решающий момент уловка была раскрыта, и с палубы врагов донесся волчий вой: "Америкос! Америкосы!"

Этот клич разбудил солдат на фортах и батареях, и хор этих криков вывел пашу из сна и привел в восторг пленных американцев за стенами их тюрьмы.

Еще через мгновение "*Интрепид*" перевернулся на бок, и быстро пропущенные стропы скрепили два корабля в смертельном объятии. Затем раздался крик Декатура "на abordаж", и быстрым рывком, выстрелив всего из одного орудия, палубы были заняты.

Внезапность была столь же совершенной, сколь стремительным было нападение, и команда "Триполитана", охваченная паникой, сгрудилась, как крысы, в ожидании последнего рывка. Декатур заблаговременно собрал своих людей на корме, постоял минуту, чтобы они смогли разглядеть врага, а затем с боевым кличем "*Филадельфия*" бросился на роверы. Обороняться было нечем, так как, сбившись в кучу, они в безумном испуге посыпались за борт; через носы, через орудийные порты, с помощью прицепленных фаллосов и сбитого такелажа, из каналов, по всем лазам, а затем, кто мог, поплыли, как водяные крысы, к дружелюбному укрытию соседних военных галер.

Одна за другой очищались палубы и трюмы, и через десять минут Декатур овладел кораблем, не имея ни одного убитого и лишь одного легко раненного. На тщательно выбранных заранее позициях собрались назначенные подразделения, сложили в кучу и подожгли горючие материалы. Каждый отряд действовал сам по себе и по мере своей готовности; все они двигались так быстро, что те, кто был назначен на ахтерштевень, едва успели добраться до кубрика и кормовых кладовых, как над их головами запылали костры. Когда офицер, на которого была возложена эта обязанность, выполнил свою задачу, он обнаружил, что ахтерштевни настолько заполнены дымом от пожара в кают-компании и рулевом отделении, что был вынужден выбраться на палубу по носовым лестницам.

Удовлетворенные тем, что дело сделано, американцы вскочили на палубу "*Интрепида*", перерубили мечами и топорами якорные канаты, связывающие их с "*Филадельфией*", завели тралы и, как раз когда пламя опаляло их собственные верфи и фальшборты, убрались восвояси. Затем началась борьба за спасение, и об этой последней сцене лучше всего, пожалуй, расскажут слова одного из ее участников, commodora Чарльза Моррисса, который в ту ночь, когда он первым взобрался на борт "*Филадельфии*", дал самое раннее доказательство тех замечательных качеств, которые впоследствии сделали его одним из первых моряков своего времени. "До этого времени, - писал он, - корабли и батареи противника хранили молчание, но теперь они были готовы действовать; и когда экипаж кеча дал три залпа в знак ликования по поводу своего успеха, они получили в ответ общий залп от противника. Вероятно, смятение момента не позволило им проявить особую осторожность, и, хотя в течение получаса кетч находился под огнем почти сотни орудий, единственный выстрел, поразивший его, был сделан через парус топгаланта. Более серьезной опасности мы подвергались со стороны "*Филадельфии*", чьи широкие борта прикрывали проход, по которому мы отступали, а пушки были заряжены и стреляли по мере нагревания. Мы избежали и этого, и, понуждая кетч идти вперед, команда, скорее, комментировала красоту брызг, поднимаемых выстрелами между нами и ярким светом корабля, чем просчитывала опасность, которую можно было ожидать от контакта. Внешний вид корабля действительно был великолепен. Пламя внутри освещало его порты и, поднимаясь по такелажу и мачтам, образовывало огненные колонны, которые, встречаясь с вершушками, отражались в прекрасных капителях; а периодические выстрелы из пушек давали представление о каком-то направляющем духе внутри корабля. Стены города и его батареи, а также мачты и такелаж крейсеров, стоящих на якоре, блестящие и оживленные артиллерийскими залпами, служили достойным дополнением и подходящим фоном для картины. Подгоняемые легким бризом, наши усилия вскоре унесли нас за пределы досягаемости их выстрелов, и у входа в гавань мы встретили лодки "*Сирены*", которые должны были сотрудничать с нами, и команда которых радовалась нашему успеху, в то время как они сожалели, что не смогли принять в нем участие..... Успех этого предприятия значительно повысил репутацию флота как в стране, так и за рубежом. Большая заслуга в этом была возложена и справедливо возложена на commodora Пребла, который руководил и впервые разработал этот план, и на лейтенанта Декатура, который вызвался его выполнить, и чьему хладнокровию, самообладанию, ресурсам и бесстрашию был в значительной степени обязан его успех".

Коммодор Пребл тем временем спешно готовился к более серьезной работе и 25 июля прибыл к Триполи с эскадрой, состоявшей из фрегата "*Конституция*", трех бригов, трех шхун, шести канонерских лодок и двух бомбардирских судов. Против него было установлено более ста орудий на береговых батареях, девятнадцать канонерских лодок, один десятипушечный бриг, две шхуны по восемь орудий каждая и двенадцать галер. С 3 августа по 3 сентября было предпринято пять атак, и хотя город так и не был взят, ему был нанесен значительный ущерб, что сделало возможным последующий благополучный мир. Пребл был освобожден от должности Бэрроном в сентябре, но не из-за потери уверенности в его способностях, а по служебным обстоятельствам, которые не позволили правительству послать младшего офицера в эскадру, которая усиливала его собственную. По возвращении в Соединенные Штаты ему была вручена золотая медаль, а Конгресс выразил благодарность ему, его офицерам и людям за галантную и верную службу.

Блокада поддерживалась энергично, и в 1805 году была предпринята атака на триполитанский город Дерна объединенными сухопутными и военно-морскими силами; первыми командовали генерал-консул Итон, который был капитаном в американской армии, и лейтенант О'Бэннон из морской пехоты. Противник вел энергичную, хотя и

дезорганизованную оборону, но снаряды военных кораблей отбрасывали их от точки к точке, и в конце концов основная работа была выполнена силами под командованием О'Бэннона и мичмана Манна. Итон стремился продвинуться вперед, но ему было отказано в подкреплении и военных складах, и значительная часть его преимущества была утрачена. Однако все дальнейшие операции были прекращены в июне 1805 года, когда после обычных интриг, задержек и уговоров паша подписал договор, который предусматривал, что дань больше не взимается, а американские суда навсегда освобождаются от его бродяг. Каким бы удовлетворительным ни было это заключение, неприятным фактом остается то, что дань вошла в соглашение. После того как все пленные были обменены на людей, триполитанское правительство потребовало, и Соединенные Штаты заплатили, чтобы заключить договор, внушительную сумму в шестьдесят тысяч долларов.

Этот договор, однако, пробудил совесть Европы, и со дня его подписания могущество барбарийских корсаров стало ослабевать. Старые страны яснее увидели свой долг и перестали узаконивать разбой в открытом море. Для Америки успех дал возможность сразу же занять положение, которое не могло быть легко завоевано другим путем, и, помимо моральных результатов, поединок с Триполи стал самым мощным фактором в укреплении военно-морского флота Соединенных Штатов.

XXI.

БИТВА ПРИ АЛЖИРЕ.

1816.

В начале XIX века Нельсон, как всем известно, находился в Средиземном море, но подавление барбарийских корсаров не входило в его инструкции. Дважды, правда, он посылал военный корабль, чтобы разобраться в жалобах консулов, но безрезультатно; а затем, в славное двадцать первое октября 1805 года, великий адмирал пал в высший час победы. Коллингвуд не предпринял никаких попыток разобраться с алжирскими проблемами, ограничившись отправкой гражданского агента и подарком в виде часов, которые дей передавал своему повару. Британские победы, по-видимому, произвели на пиратов незначительное впечатление; в 1812 году мистер А'Корт (лорд Хейтесбери) снизошел до переговоров об условиях между корсарами и нашими союзниками португальцами, по которым последние получили иммунитет от притеснений и освобождение своих соотечественников, заплатив в общей сложности более миллиона долларов и ежегодную дань в размере 24 000 долларов.

Соединенным Штатам Америки принадлежит честь первыми показать пример энергичного сопротивления притязаниям корсаров. До тех пор пока Штаты находились в состоянии войны с Великобританией, они не могли защитить свою торговлю в Средиземном море; они были вынуждены подчиниться господствующему обычаю и заключить мир с разбойниками на основе взятки в размере более миллиона испанских долларов и большой ежегодной дани деньгами и военно-морскими товарами. Но как только в 1815 году Гентский договор освободил их, они отправили в Алжир эскадру с мистером Уильямом Шалером в качестве американского консула и капитанами Бэйнбриджем и Стивенсом Декатуром в качестве его советников на предстоящих переговорах. В результате всего через два дня, 30 июня 1815 года, был заключен договор, по которому все денежные платежи отменялись, все пленные и имущество восстанавливались, а Соединенные Штаты были поставлены в положение наиболее благоприятствуемой нации. Аргументы американцев, похоже, были красноречивее британских.

Устыдившись этого неожиданного успеха, английское правительство послало лорда Эксмута (бывшего сэра Эдварда Пелью) добиться благоприятных условий для некоторых мелких средиземноморских держав и поставить Ионические острова, как британскую зависимость, на одну ступень с Англией. Однако он, очевидно, не был уполномочен прибегать к крайним мерам или требовать безоговорочной сдачи существующих претензий. Он договорился с Неаполем об условиях, которые по-прежнему включали дань и подарки. Сардиния ушла за меньшую сумму. Ионийцы были приняты на английских основаниях. Затем лорд Эксмут отправился в Тунис и Триполи и добился от двух беев обещания полной отмены христианского рабства.

Его действия в Тунисе отличались большой твердостью и были вознаграждены соответствующим успехом. Он прибыл 12 апреля 1816 года, вскоре после того, как тунисский корсар, опустошив один из Сардинских островов, вызвал негодование Европы. Лорд Эксмут требовал не что иное, как полной отмены христианского рабства. "Случилось так, что в это самое время Каролина, принцесса Уэльская, наслаждалась великолепным гостеприимством Махмуд-бея в его городском дворце. Ни одна из сторон не была склонна к уступкам, и ситуация принимала весьма угрожающий характер. Заступничество королевского гостя оказалось тщетным; лорд Эксмут был неумолим. Принцесса отправила большую часть своего багажа на "Голетту", британские купцы поспешили взойти на борт судов эскадры, военные корабли были готовы к бою, а бей сделал все возможное, чтобы собрать все имеющиеся подкрепления. Волнение в Тунисе было огромным, и мирное решение проблемы считалось почти невозможным. 16-го числа лорд Эксмут в сопровождении генерального консула Огландера и его сотрудников отправился во дворец Бардо. Флагшток британского агентства был заранее приспущен в знак решимости прибегнуть к оружию в случае неудачи, и принцесса Уэльская каждый час ожидала ареста в качестве заложницы. Предшествующие действия бея не могли унять ее тревогу, но Махмуд послал одного из своих офицеров заверить ее, что, несмотря ни на что, ему и в голову не придет нарушить мусульманские законы гостеприимства. Пока посланник находился у нее, в комнату вошел лорд Эксмут и сообщил об удовлетворительном завершении своей миссии. На следующее утро бей подписал договор, согласно которому от имени регентства он отменял христианское рабство во всех своих владениях. Среди причин, побудивших бея уступить давлению лорда Эксмута, было задержание в Сиракузах султанского посланника с императорской грамотой и мантией инвеституры. Неаполитанское правительство не разрешало ему уехать до тех пор, пока не придет известие об успешных результатах британской миссии, и Махмуд счел невозможным отказаться от официального признания своего сюзерена".[90]

Супруга Георга IV была крайне разгневана тем, что ее прервали во время восхитительных развлечений и пикников среди руин Карфагена и апельсиновых рощ, куда она отправилась в карете бея и шестерке, сопровождаемой шестьюдесятью мемлуками. Тунисцы, разумеется, были возмущены капитуляцией бея, но пиратство из-за договора не прекратилось. Голландия, правда, отказалась от шантажа в 1819 году, но Швеция все еще платила своеобразную дань в виде ста двадцати пяти пушек в 1827 году.

Одержав победу в Тунисе и Триполи - весьма неожиданный триумф, - лорд Эксмут вернулся в Алжир и попытался выторговать там те же уступки, спокойно заняв позицию на расстоянии короткого выстрела от батарей. Его предложения были с негодованием отвергнуты, а сам он подвергся оскорблениям; двух его офицеров толпа стащила с лошадей и провела по улицам со связанными за спиной руками; консул, мистер Макдонелл, был взят под охрану, а его жену и других дам из его семьи с позором выгнали в город из загородного дома.[91] У лорда Эксмута не было инструкций на такой случай; он распорядился отправить послов из Алжира в Лондон и Константинополь, чтобы обсудить свое предложение, а затем с сожалением отплыл в Англию. Он едва успел вернуться, как пришло известие о массовых убийствах итальянцев, живущих под британской защитой в Боне и Ороне, по приказу Дея - приказ был отдан в то время, когда британский адмирал находился в Алжире. Лорду Эксмуту было немедленно поручено закончить свою работу. 25 июля того же года его флагманский корабль "*Королева Шарлотта*" во главе эскадры из восемнадцати военных кораблей, насчитывавших от десяти до ста четырех орудий, включая три семидесятичетверки, вышел из гавани Портсмута. В Гибралтаре голландский адмирал, барон Ван Капеллан, попросил разрешения присоединиться к атаке с шестью кораблями, в основном тридцать шестыми, и когда пришло время, он великолепно сражался на своих кораблях. 27 августа они прибыли

на алжирские дороги. Вперед был послан "*Прометей*", чтобы вывезти консула Макдонелла и его семью. Капитану Дэшвуду удалось взять на борт миссис и мисс Макдонелл; но вторая шлюпка оказалась менее удачливой: ребенок консула воспользовался случаем и заплакал, когда его проносили в корзине мимо часового, и корабельный хирург, полагавший, что успокоил его. Вся партия была доставлена к дею, который, однако, отпустил всех, кроме команды судна, а ребенка, как "единственный пример его гуманности", отправил на борт. Сам генерал-консул остался в плену.

Не получив ответа на свой флаг перемирия, лорд Эксмут перешел в наступление, и "*Королева Шарлотта*" бросила якорь у входа в Мол, примерно в пятидесяти ярдах от него, и была привязана к мачте, которую закрепили на берегу. Выстрел с мола, на который мгновенно ответил флагманский корабль, открыл сражение. "Затем начался огонь, - писал адмирал, - такой оживленный и хорошо поддерживаемый, какой, я полагаю, когда-либо наблюдался, с четверти третьего до девяти, без перерыва, и который не прекращался до половины одиннадцатого [вечера]. Корабли, следовавшие непосредственно за мной, великолепно и хладнокровно занимали свои позиции с точностью, превосходившей мои самые смелые надежды; и никогда еще британский флаг не получал более ревностной и почетной поддержки.

"Сражение происходило между горсткой британцев, отстаивающих благородное дело христианства, и ордой фанатиков, собравшихся вокруг своего города и заключенных в его укреплениях, чтобы повиноваться велениям своего деспота. Дело Бога и человечества одержало верх; и так преданно было каждое существо на флоте, что даже британские женщины служили у одних орудий со своими мужьями и во время многочасового поединка не уклонялись от опасности, а оживляли всех вокруг себя".

Некоторые из военных кораблей, особенно "*Неприступный*", контр-адмирала Милна, были сильно потрепаны; но около десяти часов вечера главные батареи замолчали и были в состоянии разрушения, а "все корабли в порту, за исключением внешнего фрегата [который был взят на бордаж], были охвачены пламенем, которое быстро распространилось по всему арсеналу, складам и канонерским лодкам, представляя зрелище ужасного величия и интереса, которое не может описать ни одно перо".^[92] В час дня казалось, что все в морском флоте охвачено огнем: два корабля, объятые пламенем, дрейфовали из порта. Сильный гром, молнии и дождь усилили яркий эффект сцены.

На следующее утро, - пишет мистер Шалер, - объединенные флоты стоят на якоре в бухте и, судя по всему, почти не пострадали; каждая часть города, похоже, пострадала. Морские батареи лежат в руинах, и их можно занять без особых усилий. Лорд Эксмут держит судьбу Алжира в своих руках".

Однако вместо того, чтобы разрушить последние остатки укреплений и потребовать обещания хорошо вести себя в будущем, адмирал заключил договор, по которому военнопленные в будущем должны обмениваться и не попадать в рабство; все рабы в Алжире, в количестве 1642 человек (в основном итальянцы, только восемнадцать англичан), были немедленно отпущены на свободу, а дея заставили вернуть деньги, в размере почти четырехсот долларов, которые он вымогал в том году у итальянских государств. Наконец, его заставили публично извиниться перед несчастным Макдонеллом, который во время осады находился полуголым в камере для осужденных убийц, обвешанный цепями, прикрепленный к стене, под проливным дождем и ожидавший своей гибели. Теперь он был восстановлен в должности, и адмирал публично поблагодарил его.

Конечно, было приятно, что наглые алжирские разбойники наконец-то получили спасительный урок дисциплины; но было бы хорошо, если бы урок был окончательным. Их флот, конечно, погиб: у них осталось всего два судна. Их укрепления сильно пострадали, но вскоре были восстановлены. Несомненно, было немалым преимуществом показать, что их батареи можно повернуть и заставить замолчать; но было бы лучше позаботиться о том, чтобы они никогда больше не устанавливали орудий. Даже моральный эффект победы, похоже, был недолгим, поскольку, когда в 1819 году, во исполнение некоторых резолюций, принятых на конгрессе в Экс-ла-Шапель (1818), французские и английские адмиралы доставили новому дею "идентичные ноты", тот ответил в своей манере, возведя земляные укрепления.

В сущности, после битвы при Алжире продолжался тот же курс наглости и насилия, что и раньше. Свободные европейские девушки уводились деєм; британское консульство было вынуждено открыться, и даже женские комнаты подверглись обыску; мистер Макдонелл все еще жертвой; дипломатия и немного причудливая стрельба сэра Гарри Нила в 1824 году не произвели ни малейшего эффекта. Мистера Макдонелла пришлось отозвать, и Дей, как обычно, пошел своим путем. Ничто, кроме прямого завоевания, не могло остановить чуму, и эта последняя мера была припасена для другой нации, а не для англичан.

ССЫЛКИ:

[90] Бродли, 85-6.

[91] Плейфейр, 256.

[92] Депеша лорда Эксмута, 26 августа 1816 года. См. также доклад американского консула Шалера своему правительству от 13 сентября, цитируемый Плейфером, 269-72.

Бомбардировка разрушила большую часть дома мистера Шалера, и снаряды постоянно свистели у его ушей. Его отчет полон наглядных подробностей, и он всегда был верным другом неудачливого Макдонелла. Указывается, что флот выпустил 118 тонн пороха, 50 000 дроби, почти 1000 снарядов и т. д. Англичане потеряли 128 человек убитыми и 690 ранеными. Адмирал был ранен в три места, его подзорная труба сломана в руке, а мундир изрезан на полоски. Дей также не уступал в опасности.

XXII.

ФРАНЦУЗЫ В АФРИКЕ.

1830-1881.

Успехи английского и американского флотов не столько остановили пиратство, сколько побудили европейские государства бросить вызов пиратам. *Переворот* совершила Франция - *vis-à-vis*, естественный противник алжирских корсаров и, возможно, главный страдалец от их нападений. Спор в апреле 1827 года между французским консулом и деєм, в котором первый забыл о приличиях дипломатического языка, а второй вышел из себя и ударил обидчика рукояткой веера, привел к безрезультатной блокаде Алжира французской эскадрой в течение двух лет, в течение которых алжирцы усугубили нарушение несколькими актами варварства, проявленными по отношению к французским пленникам. Дело дошло до кризиса; в августе 1829 года Дей уволил французского посланника и обстрелял его корабль, когда тот уходил под флагом перемирия; стало очевидно, что война в решающем масштабе теперь неизбежна.

Поэтому 26 мая 1830 года большой флот отплыл из Тулона. Командовал им адмирал Дюперре, а сухопутные войска на борту насчитывали тридцать семь тысяч пеших, помимо

кавалерии и артиллерии. Задержавшись из-за непогоды, флот был замечен у Алжира только 13 июня, когда он бросил якорь в бухте Сиди-Ферруж, и на следующий день высадился там, не встретив особого сопротивления, и начал обустраивать укрепления. 19-го числа отряд арабов и кабылов потерпел серьезное поражение, лишившись своего лагеря и провизии, и французы медленно продвигались к городу, отбивая алжирцев по мере их продвижения. Защитники сражались до последнего, но шансы были подавляющими, и остается только удивляться, что столь превосходящие силы осаждающих, как на море, так и на суше, должны были проявлять столько осторожности и неуверенности в собственном огромном превосходстве. 4 июля началась настоящая бомбардировка города; форт де л'Эмперер был взят, после того как алжирцы взорвали пороховой магазин, и деи потребовали условий капитуляции. Французский командующий пообещал безопасность личности и имущества для себя и жителей города, и на этом условии враг занял Алжир на следующий день, 5 июля. Через неделю Дей с семьей, сопровождаемыми его лицами и имуществом отплыл на французском фрегате в Неаполь, и Алжир увидел последнего магометанского правителя.^[93]

На этом, если говорить об Алжире, история корсаров заканчивается. Но взгляд на события, произошедшие во время французской оккупации, может с пользой дополнить то, что уже было написано. Завоевание было отмечено умеренностью и гуманностью, которые сделали бесконечную честь французскому оружию; было бы хорошо, если бы подобная политика отличала их последующие действия. Нет необходимости останавливаться на заверениях, данных Францией Великобритании, что оккупация была временной; на последующем объявлении о постоянной аннексии; на попустительстве Англии вероломству, на том, что французы обязались никогда не продвигать свои завоевания дальше к востоку или западу от Алжира - это обязательство было любопытно проиллюстрировано недавней оккупацией Туниса. Но если усиление Франции в Северной Африке вызывает сожаление, то бесконечно большее сожаление вызывает способ, которым было осуществлено овладение внутренними районами страны. Не лишним будет сказать, что с момента, когда французы, взяв лишь город Алжир, начали работу по покорению племен внутренних районов в 1830 году, и до того дня, когда они наконец-то установили гражданское, а не военное правительство, После уроков франко-германской войны 1870 года история Алжира представляет собой длинную летопись тупого жестокого лагерного правления, отказа от священных соглашений, бесчеловечных расправ над беззащитными туземцами обоих полов и всех возрастов, насилия без рассудка и суровости без причины. Один французский генерал за другим отправлялся приводить к покорности мятежных арабов и кабылов, только для того, чтобы показать свою собственную некомпетентность в выполнении этой бесчеловечной задачи, и возвращаться озадаченным и огрубевшим от позорной работы, которую он считал себя обязанным выполнять. В анналах аннексий нет более унижительной истории, чем это жалкое завоевание Алжира. Это старая история о том, как завоеватели пытаются управлять теми, кого называют "черномазыми", не пытаясь сначала понять этот народ. Сдержанность, справедливость, понимание и примирение сделали бы больше за четыре года, чем военная нетерпимость и барабанная тирания за сорок.

За все эти годы жалкой партизанской войны, в которой такие известные полководцы, как Буго, Пелиссье, Канробер, Сент-Арно, Макмахон и многие другие, получили свои первые деморализующие уроки ведения войны, единственные люди, которые вызывают у нас интерес и восхищение, - это арабские племена. То, что они неразумно сопротивлялись неизбежному, бесспорно; но не менее бесспорно и то, что они сопротивлялись с великолепной доблестью и несгибаемым упорством. Снова и снова они побеждали

превосходящие силы Франции в открытом поле, отвоевывали у врага сильные города и даже угрожали навсегда уничтожить власть чужеземцев в Алжире. За все это захватчикам оставалось только благодарить себя. Если бы генерал Клаузеель, первый военный губернатор Алжира, был мудрым человеком, народ, возможно, постепенно смирился бы с суверенитетом Франции. Но жестокость его мер и незнание самого слова "примирение" вызвали столь яростное сопротивление, породили столь ужасные репрессии и так безнадежно настроили обе стороны друг против друга, что ничего иного, кроме длительной борьбы, ожидать было нельзя.

Героем этого кровопролитного конфликта стал Абд-эль-Кадир, человек, соединивший в своей личности и характере все добродетели старых арабов и многие из лучших результатов цивилизации. Выходец из святой семьи, сам образованный и набожный, паломник из Хаджа или Меккана, откровенный, щедрый, гостеприимный, великолепный наездник, неустрашимый в бою и горящий патриотическим энтузиазмом, который присущ прирожденному лидеру людей, Абд-эль-Кадир стал признанным вождем арабских повстанцев. Дей Алжира предвидел опасность, грозившую юноше, и тот, опасаясь за свою жизнь, был вынужден бежать в Египет. Когда он вернулся, молодой человек двадцати четырех лет, то обнаружил, что его страна находится в руках французов, а его народ доведен до отчаяния. Его прежняя слава и имя отца стали талисманами, привлечшими к нему буйные племена; вскоре у него появилось столько сторонников, что французы сочли благоразумным на время признать его (1834) эмиром Маскары, его родного места, королем которого он уже был избран всеобщим одобрением. Здесь он готовился к предстоящей борьбе; и когда французы нашли предлог для нападения на него в 1835 году, они были полностью разгромлены на реке Маска. В следующем году военная удача колебалась, пока в мае 1837 года Абд-эль-Кадир с триумфом не разгромил французскую армию на равнине Метиджа. Новая двадцатитысячная экспедиция имела не большой успех, так как арабов и берберов трудно заманить в ловушку, и Абд-эль-Кадир, чья стратегия вызывала восхищение герцога Веллингтона, на некоторое время смог сбить с толку всех маршалов Франции. Вся страна, за исключением нескольких укрепленных постов, была теперь под его властью, и французы наконец поняли, что им придется иметь дело с надвигающейся опасностью. Они отправили восемьдесят тысяч человек под командованием маршала Буго, и вскоре стал очевиден успех метода этого офицера, который заключался в прочесывании страны подвижными колоннами. Город за городом падали; племя за племенем заключали соглашения; даже столица Абд-эль-Кадира, Такидект, была разрушена; Маскара была покорена (1841), и героический вождь, все еще не признавая поражения, отступил в Марокко. Дважды, в 1843 и 1844 годах, он вводил новые армии в свои владения; одна из них уступила герцогу д'Аумалю, другая - Буго. Пелиссье покрыл себя особой славой, выкурив до смерти в пещере пятьсот мужчин, женщин и детей. Наконец, видя безнадежность дальнейших усилий и страдания, которые они приносили его народу, Абд-эль-Кадир принял условия (1847 г.) и сдался герцогу д'Аумале при условии, что ему будет позволено удалиться в Александрию или Неаполь. Нет нужды добавлять, что, в соответствии с алжирским прецедентом, условия капитуляции были впоследствии отклонены, хотя и не королевским герцогом, и благородный араб был заключен на пять лет во французскую тюрьму. В конце концов Луи Наполеон разрешил ему уехать в Брусу, и он умер в Дамаске в 1883 году, однако не того, как оказал бывшим врагам услугу, защищая христиан во время резни 1860 года.

Хотя Абд-эль-Кадир ушел, мир в Алжире не установился. Снова и снова племена поднимали восстания, чтобы вновь испытать на себе безжалостную суровость своих военных правителей. Французские колонисты не очень охотно приняли новое поле для эмиграции. Казалось, что лучшим выходом будет отказаться от бесполезной, дорогой и хлопотной затеи.

Однако Луи Наполеон, посетив Алжир в 1865 году, сумел несколько успокоить кабылов, гарантировав им беспрепятственное владение своими территориями; и до его падения в стране царил мир. Но день слабости Франции стал благоприятным для Алжира, и вспыхнуло еще одно серьезное восстание; кабылы спустились со своих гор, и генералу Дюрье пришлось приложить немало усилий, чтобы сдержать их. Результатом этой последней попытки и смены правительства во Франции стало назначение гражданских, а не военных губернаторов, и с тех пор в Алжире в целом сохраняется спокойствие, хотя для его поддержания требуется армия в пятьдесят тысяч человек. По крайней мере, алжирских корсаров больше нет.

Остается обратиться к делам Туниса. Если для оккупации французами Алжира в 1830 году существовали провокации, то для оккупации Туниса в 1881 году их не было.^[94] Это была чистая агрессия, стимулированная соперничающими усилиями Италии и поощряемая робостью английского министерства иностранных дел, находившегося в то время под руководством лорда Грэнвилла. Серия дипломатических претензий, не имевших под собой никаких оснований, была выдвинута изобретательным представителем Франции в регентстве М. Теодором Рустаном, с тех пор заслуженно разоблаченным, а сопротивление несчастного бей Мухаммеда Эс-Садику требованиям, которые сами по себе были нелепыми и явно угрожали его полунезависимости как наместника Османской империи, не получило поддержки ни от одной из держав, кроме Турции, которая в то время была подавлена влиянием и ресурсами из-за бедствий русского вторжения. Результат был закономерен: сильная держава, не сдерживаемая эффективными соперниками, проводила скрытую политику агрессии против очень слабого, но нечестного государства, и в конце концов под нелепым предлогом волнений среди племен, граничащих с Алжиром, вторглась на территорию бей. Напрасно Мохаммед Эс-Садик уверял М. Рустана, что порядок в племенах восстановлен; напрасно он взывал ко всем державам и, прежде всего, к Англии. Лорд Грэнвилл поверил французскому правительству, когда оно торжественно заверило его, что "операции, которые должны начаться на границе между Алжиром и Тунисом, предназначены исключительно для того, чтобы положить конец постоянным вторжениям пограничных кланов на алжирскую территорию, и что независимость бей и целостность его территории ни в коем случае не находятся под угрозой". Это был снова Алжир, но с еще более серьезными последствиями для английского влияния - да и для всего влияния в Средиземноморье, кроме французского. "Перфида Альбиона" полностью доверилась "Перфиде Галлии", и было слишком поздно протестовать против вопиющего нарушения веры, когда французская армия взяла Кеф и Табарку (26 апреля 1881 года), когда над Бизертой развевался триколор, и , когда генерал Бреар, со всеми обстоятельствами наглой жестокости, навязал незадачливому бейу договор Каср-эс-Саида под дулами пушек Республики (12 мая). Трудно поверить, что чувства английских государственных деятелей того времени выражены в словах-Наес *olim meminisse juvabit*.

Бей был взят в плен, он и Сиди Али-бей после его смерти продолжали оставаться фигурантами французского протектората, но его народ не был так легко покорен. В южных провинциях Туниса вспыхнуло открытое восстание, и на некоторое время наступил период безнадежной анархии, которую французские власти не пытались контролировать. Наконец они воспрянули духом, причем с определенной целью. Сфакс подвергся беспощадной бомбардировке и *разграблению*, дома были взорваны вместе с их обитателями, и началась настоящая эпоха террора , в которой взаимные репрессии, резня и казни усугубляли ужасы войны. Вся страна за пределами укрепленных пунктов превратилась в театр кровопролития, грабежа и анархии. Такова была история Алжира *в петто*. С тех пор ситуация постепенно улучшилась, особенно после отзыва месье Рустана; несомненно, со временем Тунис станет

таким же покоренным и послушным, как Алжир, а Франция тем временем осваивает ресурсы страны и открывает одну из лучших гаваней. И все же мсье Анри де Рошфор, пожалуй, не преувеличивал, когда писал: "Мы сравнивали тунисскую экспедицию с обычным мошенничеством. Мы ошиблись. Тунисское дело - это грабеж, усугубленный убийством". "Алжирское дело" имело схожий характер. *Qui commence bien finit bien*, полагает адмирал Жюрьен де ла Гравьер в своей главе под названием "Gallia Victrix". Если история Франции в Африке закончится тем, что южные пограничные земли Средиземноморья, старые пристанища барбарийских корсаров, окажутся в пределах цивилизации, возможно, когда-нибудь удастся похоронить несчастное прошлое и начертать на надгробии оптимистичный девиз: *Finis coronat opus*.

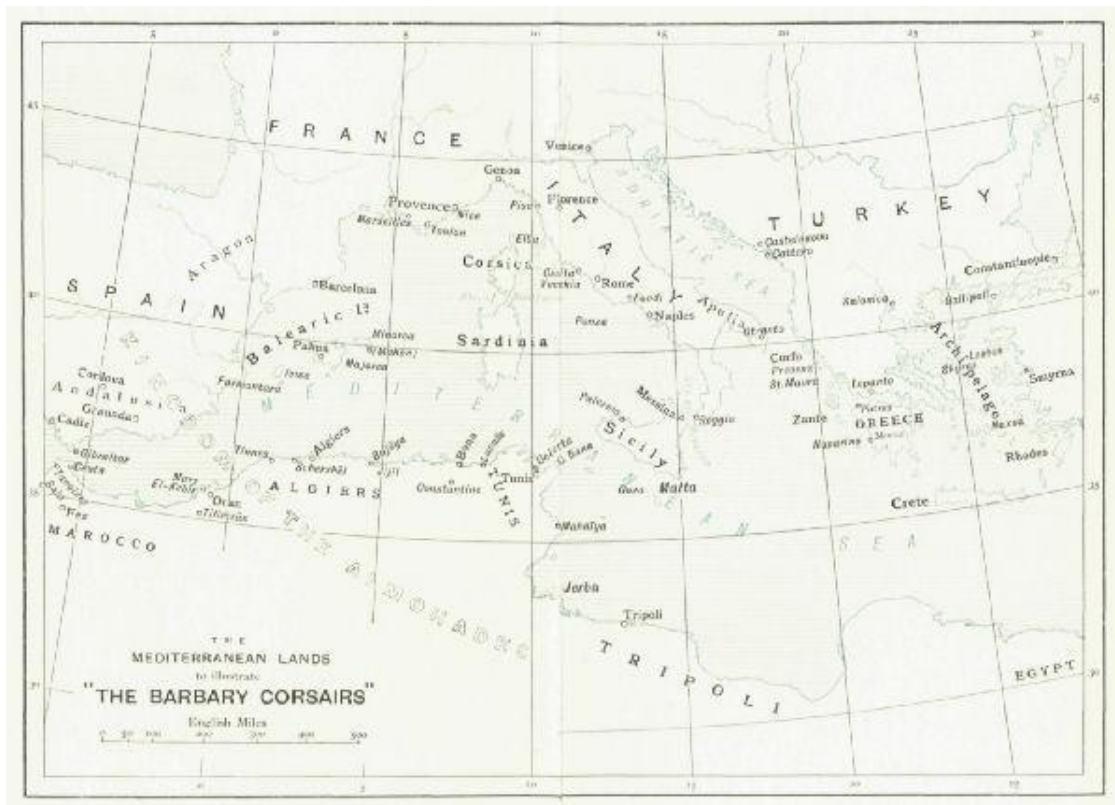
ССЫЛКИ:

[93] См. графический дневник британского генерального консула Р. У. Сент-Джона, опубликованный в книге сэра Р. Ламберта Плейфера "Бич христианства", стр. 310-322.

[94] Полный отчет об этом скандальном деле см. в книге мистера А. М. Бродли "Тунис, прошлое и настоящее".

КОНЕЦ.

Средиземноморские земли
иллюстрировать
Барбарийские корсары

История народов.

Компания Messrs. G. P. PUTNAM'S SONS с удовольствием сообщает о готовящейся к публикации серии исторических исследований, призванных в наглядной форме представить истории различных народов, занявших видное место в истории.

В форме рассказа будет четко обозначено течение жизни каждой нации, а ее живописные и примечательные периоды и эпизоды будут представлены читателю в их философском отношении друг к другу, а также к всеобщей истории.

Авторы различных томов планируют войти в реальную жизнь народов и представить их читателю такими, какими они жили, трудились и боролись, учились, писали и развлекались. При осуществлении этого плана мифы, с которых начинается история всех стран, не будут упущены из виду, хотя они будут тщательно отделены от реальной истории, насколько труды признанных исторических авторитетов привели к определенным выводам.

Тематика различных томов будет спланирована таким образом, чтобы охватить взаимосвязанные и, насколько это возможно, последовательные эпохи или периоды, с тем чтобы в завершенном виде комплект представлял собой всеобъемлющее изложение главных событий великой истории народов; но, конечно, не всегда окажется возможным выпустить несколько томов в их хронологическом порядке.

Истории" напечатаны хорошим читаемым шрифтом и выполнены в красивом формате 12мо. Они достаточно иллюстрированы, снабжены картами и указателями. Они продаются отдельно по цене 1,50 доллара за штуку.

Следующие тома уже готовы (ноябрь, 1889):

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ. Профессор Джас. А. Харрисон.

" " " " РИМ. Артур Гилман.

" " " " ЕВРЕИ. Профессор Джеймс К. Хосмер.

" " " " ХАЛДЕЯ. З. А. Рагозин.

" " " " ГЕРМАНИЯ. С. Баринг-Гулд.

" " " " НОРВЕГИЯ. Хьялмар Х. Бойесен.

" " " " ИСПАНИЯ. Преподобные Э. Э. и Сьюзен Хейл.

" " " " ВЕНГРИЯ. Профессор А. Вамбери.

"КАРФАГЕН. Профессор Альфред Дж. Черч.

" " " " САРАЦИНЫ. Артур Гилман.

" " " " БОЛОТА В ИСПАНИИ. Стэнли Лейн-Пул.

" " " " НОРМАННЫ. Сара Орн Джуэтт.

" " " " ПЕРСИЯ. С. Г. У. Бенджамин.

" " " " ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ. Профессор Джео. Роулинсон.

" " " " ИМПЕРИЯ АЛЕКСАНДРА. Профессор Дж. П. Махаффи.

" " " " АССИРИЯ. З. А. Рагозин.

" " " " ГОТЫ. Генри Брэдли.

" " " " ИРЕЛАНДИЯ. Честь Эмили Лоулесс.

" " " " ТУРЦИЯ. Стэнли Лейн-Пул.

"СССР, ВАВИЛОН И ПЕРСИЯ. З. А. Рагозин.

" " " " СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФРАНЦИЯ. Профессор Густав Массон.

" " " " ГОЛЛАНДИЯ. Профессор Дж. Торольд Роджерс.

" " " " МЕКСИКА. Сьюзен Хейл.

" " " " ФЕНИЦИЯ. Профессор Джео. Роулинсон.

" " " ГОРОДА ХАНСА. Хелен Циммерн.

" " " РАННЯЯ БРИТАНИЯ. Профессор Альфред Дж. Черч.

Находится в печати для немедленного выпуска:

ИСТОРИЯ БАРБАРИЙСКИХ КОРСАРОВ. Стэнли Лэйн-Пул.

" " " РОССИЯ. У. Р. Морфилл.

" " " ВЕДИЧЕСКАЯ ИНДИЯ. З. А. Рагозин.

" " " ТРИНАДЦАТЬ КОЛОНИЙ. Хелен А. Смит.

" " " СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦИЯ. Эмили Кроуфорд.

" " " ЕВРЕИ ПОД РИМОМ. У. Д. Моррисон.

" " " КАНАДА. А. Р. Макфарлейн.

" " " ШОТЛАНДИЯ. Джеймс Макинтош.

G. P. PUTNAM'S SONS

Нью-Йорк

Лондон

27 и 29 Западная Двадцать третья улица 27 Кинг Уильям-стрит, Стрэнд

ИЗДАНИЯ Г. П. ПУТНЭМА

СВЯЩЕННЫЕ ПИСАНИЯ,

ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЕ И ХРИСТИАНСКИЕ.

СГРУППИРОВАННЫЕ И ОТРЕДАКТИРОВАННЫЕ В КАЧЕСТВЕ ВВЕДЕНИЯ В ИЗУЧЕНИЕ БИБЛИИ.

Редакторы.

Преподобный ЭДВАРД Т. БАРТЛЕТТ, доктор философии,

Декан школы богословия церкви Р. Е. в Филадельфии, и Мэри Вулф, профессор церковной истории.

Преподобный Джон П. ПИТЕРС, доктор философии,

Профессор литературы и языка Ветхого Завета в Божественной школе церкви Р. Е. Church в Филадельфии, а также профессор иврита в Пенсильванском университете.

Работа должна быть завершена в трех томах, каждый из которых содержит около 500 страниц, тома. I. и II. уже готовы.

Том I включает в себя древнееврейскую историю от сотворения мира до времен Неемии, как это принято в древнееврейском каноне.

Том II посвящен древнееврейской поэзии и пророчествам.

Том III будет содержать избранные места из христианского Писания.

Тома прекрасно напечатаны в формате 12мо, с открытой, удобной для чтения страницей, не расположены в стихах, а снабжены параграфами в соответствии со смыслом повествования.

Каждый том завершен сам по себе и будет продаваться отдельно по цене 1,50 доллара.

В своем объявлении редакторы заявляют: "Наша цель - убрать камни преткновения с пути юных читателей, представив им Писание в настолько понятной и поучительной форме, насколько это возможно на практике. Этот план предполагает некоторые перестановки и пропуски, перед которыми мы не колеблемся, поскольку предлагаемая нами работа будет претендовать не на Библию, а на введение к ней. Чтобы избежать навязывания собственного толкования Священного Писания, мы будем стремиться к тому, чтобы Писание служило комментарием к Писанию. При рассмотрении пророков Ветхого Завета и Посланий Нового Завета не удастся полностью избежать комментариев, но не будет делаться попыток высказываться по доктринальным вопросам".

Первый том разделен на четыре части:

Часть I. Еврейская история от начала до времен Саула.

- " II.- Царство всего Израиля.
- "III. Самария, или Северное царство.
- "IV. Иудея, от Реховоама до изгнания.

Второй том включает в себя:

Часть I. Еврейская история от изгнания до Неемии.

- " II.- Еврейское законодательство.
- "III. Еврейские сказания.
- "IV. Древнееврейские пророчества.
- " V.- Древнееврейская поэзия.
- "VI. Еврейская мудрость.

Третий том будет состоять из отрывков из Нового Завета, расположенных следующим образом:

- I.- Евангелие от святого Марка, представляющее евангельскую историю в ее простейшей форме; дополненное отрывками из святого Матфея и святого Луки.
- II.- Деяния апостолов, с некоторым указанием на возможное место Посланий в повествовании.
- III. Послания святого Иакова и Первое послание святого Петра.
- IV. Послания святого Павла.
- V.- Послание к Евреям.
- VI. Откровение святого Иоанна (часть).
- VII. Первое послание святого Иоанна.
- VIII. Евангелие от святого Иоанна.

Полные подробности о плане издания, а также о методах, использованных редакторами при отборе и расположении материала, вы найдете в отдельном проспекте.

"Я поздравляю вас с выпуском работы, которая, я уверен, найдет широкий отклик, и прекрасные характеристики которой делают ее ценной на все времена" - преподобный Генри К. Поттер, епископ Нью-Йорка.

"Должна стать ценным дополнением к библейскому образованию" - преподобный У. Э. Стивенс, епископ Пенсильванский.

"Великолепно задумано и великолепно исполнено..... Это библейская история, рассказанная библейскими словами. Работа ученых и благочестивых людей..... Поможет в изучении Библии" - преподобный Говард Кросби, доктор философии.

"Мы не знаем ни одного тома, который бы лучше способствовал разумному пониманию структуры и сути Библии, чем эта работа, подготовленная компетентными и благоговейными христианскими учеными."-*Sunday-School Times*.

G. P. PUTNAM'S SONS

Нью-Йорк

Лондон

27 и 29 Западная 23-я улица 27 King William St., Strand

Примечание транскриптора:

В этой книге содержится большое количество символов с макроном (прямой линией) над ними. Возможно, вам потребуется изменить настройки браузера, чтобы они отображались правильно.

Незначительные опечатки (пропущенные знаки препинания, пропущенные или переставленные буквы и т. д.) исправлены без замечаний. Использование дефиса и ударения также приведено в соответствие без примечаний в тех случаях, когда предпочтение отдавалось одному варианту, а не другому.

Также были внесены следующие поправки (ошибки в указателе исправлены по отношению к основному тексту). Они также показаны в виде примечаний в тексте, которые выделены слабым серым пунктиром; наведите курсор мыши на слово (слова), чтобы увидеть примечание.

Стр. [viii-41](#) изменена на 40-"... Неудачная осада Буджея, 40 ...".

Стр. [72 - Тиннес](#) изменен на Тиннис - "... Дамьетта, Александрия, Тиннис и Каир...".

Стр. [83-Визир](#) исправлено на Везир - "Великий Везир Ибрагим признал ...".

Стр. [133](#) - закрывающая кавычка непосредственно перед ссылкой на сноску [40] была удалена. Текст, непосредственно предшествующий этой кавычке, не встречается в цитируемой работе, поэтому я предположил, что эта кавычка была опечаткой, и удалил ее.

Стр. [175](#) - "[bataille](#)" заменено на "bataille" - "...центральный корпус батальона...".

Стр. [222](#), [сноска-без](#) изменена на меньше-"...трюм, чтобы он не мешал...".

Стр. [230-отменяющий](#) изменен на абсолютно-"...и абсолютно запрещающий всякую торговлю...".

Стр. [233-круиз](#) изменен на круиз-"... и круиз через египетский торговый путь...".

Стр. 242, вторая сноска - Olive изменено на Oliver - "second ed., London, Oliver Payne, ...".

Стр. 280 - пропущенное добавлено слово "к" - "...с английского фрегата, с которым он говорил...".

Стр. 283-Визирь изменен на Везир-"...подарок женщин-рабынь для Великого Везира".

Стр. 298 - контр-адмирал изменено на контр-адмирал - "Контр-адмирал Милн, были сильно осаждены ...".

Стр. 311-41 изменена на 40 - "атакует Буджея, 40;".

Стр. 312-Франциск исправлено на Франсуа - "Бурбон, Франсуа де, 106".

Стр. 312-Кастельнуова изменено на Кастельнуово - "Кастельнуово, 105"

Стр. 314-38 изменена на 36 - "Хейр-эд-дин Барбаросса, рождение, 31 и н., 36 н.;"

Стр. 314-211 изменена на 213 - "Мальта, рыцари, 76, 86 и далее, 109, 118-123, 136-8, 141-159, 161, 177, 213;".

Остальные орфографические ошибки или необычные языковые обороты приведены как в оригинальном тексте, например, автор использует слово annihilate в прошедшем времени без обычного окончания "d".

Некоторые иллюстрации были немного сдвинуты, чтобы они не находились в середине абзаца. Поскольку полностраничные иллюстрации изначально располагались на пронумерованных страницах, это привело к тому, что некоторые номера остались неиспользованными, а в нумерации страниц образовались явные пробелы. Эти страницы сохранены в виде комментариев в html-файле, и их можно увидеть, просмотрев источник страницы. Ссылки на номера страниц с иллюстрациями в тексте не изменены, но содержат прямую ссылку на конкретную иллюстрацию.

Рекламный материал на переднем плане и иллюстрация на фронтиспise перенесены на титульный лист. Иллюстрированная карта на концевой бумаге включена после указателя. Для удобства навигации в указатель добавлены алфавитные ссылки.